АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XI

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Топоров (Москва). Из области теоретической топонимастики . . 3
В. Ф. Мареш (Прага). Ранний период морфологического развития славянского склонения 13

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев (Москва). К вопросу об агглютинации в современном китайском языке 22
Г. П. Мельников (Москва). Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках 31
Я. Б. Крупаткин (Севастополь). К истории древнеанглийской системы гласных 54
Т. П. Ломтев (Москва). Относительно двухступенчатой теории фонем 61
Об общеславянском лингвистическом атласе 70

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. Эйхлер (Лейпциг). Древнелужицкая языковая область по данным топонимики 80
И. Казлаускас (Вильнюс). Остатки формы 3-го лица аориста и имперфекта в балтийских языках 92

КОНСУЛЬТАЦИИ

В. И. Григорьев (Москва). О роли антиформант в образовании речевого спектра 99

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Из неопубликованных работ А. А. Шахматова 108
А. А. Шахматов. *Г. А. Ильинский.* Праславянская грамматика 109

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. А. Пиотровская, Р. Г. Пиотровский, К. А. Разживин (Ленинград). Энтропия русского языка 115

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

В. В. Шеворошкин (Москва). *A. Martinet.* Éléments de linguistique générale 131
Г. В. Рамишвили (Тбилиси). Сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике» 135
Б. И. Лыткин (Москва). *B. Kálmán.* Die russischen Lehnwörter im Wogulischen 139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 142
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию 149
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 1962 г. (№№ 1—6). 150

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ОБЛАСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ТОПОНОМАСТИКИ

1. В настоящее время, как и во времена Платона или древнеиндийских логиков, внимание тех, кто изучает собственные имена (в дальнейшем — СИ), сосредоточено на решении таких основных вопросов, как природа СИ, соответствие СИ обозначаемому им и проблема называния[1].

СИ стали той областью, где происходят наиболее острые споры, в которых принимают участие специалисты по языкознанию и логике. Представляется целесообразным указать по крайней мере на три особенности СИ, которые в сочетании с определенными чертами современной науки определяют возрастание интереса к их изучению.

Во-первых, СИ существуют и функционируют в человеческом и только в человеческом обществе (в отличие от языка, понимаемого в семиотическом плане как любая интерпретированная система знаков; поэтому — в таком понимании — можно говорить о языке машин, животных, искусства и т. п.). Более того, нет такого человеческого общества, в котором отсутствовали бы СИ. Это обстоятельство дает основание считать их наличие неотъемлемой характеристикой человеческих коллективов в отличие от животных коллективов. Поскольку эта особенность не вытекает с очевидностью из того, что нам известно о структуре человеческого общества, можно полагать, что правильное объяснение этой особенности будет способствовать прояснению важных деталей, характеризующих структуру общества. Типологическое же разнообразие СИ внутри данного коллектива, несомненно, указывает на степень его дифференцированности и в ряде случаев даже на характер составляющих его структур.

Во-вторых, СИ представляют собой ту часть естественных языков, которая непременно участвует при построении формализованного языка логики. При этом в формализованном языке оказывается целесообразным расширить понятие СИ, включив в них не только те имена, которые признаются собственными в естественных языках, но и те, которые обладают структурой, описывающей способ обозначения предмета. Таким образом, семантический анализ в современной логике предполагает непременное решение проблемы СИ и установление правил их конструирования. Поэтому СИ, особенно после неудачной попытки Б. Рассела исключить их при построении формализованного языка[2], составляют предмет непрекращающейся дискуссии в математической логике[3].

---

[1] Интерес к этим вопросам (по крайней мере к последнему из них) свидетельствуется целым рядом древних показаний: от книги Бытия и старой греко-арийской традиции, сохранившей отзвуки мифа об установителе имен, до древнейшего практического примера наименования всего, что есть на земле и на небе, представленного древнеегипетским ономастиконом Аменопе в XI в. до н. э. См. соответствующий текст и комментарии к нему в работе А. Гардинера (A. H. Gardiner, Ancient Egyptian onomastica, 1—2, Oxford, 1947; там же помещен текст еще более древнего — 1750 г. до н. э.— собрания топонимов и их классификация).

[2] См., например, B. Russell, An inquiry into meaning and truth, New York, 1940.

[3] Положение дел удачно изложено в таких исследованиях, как: Р. Карнап, Значение и необходимость, М., 1959 (глава III — «Метод отношения наименования»); А. Черч, Введение в математическую логику, I, М., 1960. Соответствующая теория СИ в своей основе намечена в работе: G. Frege, Über Sinn und Bedeutung, «Zeitschr. für Philosophie und philosophische Kritik», C, 1892.

В-третьих (об этом подробнее будет сказано ниже), СИ, являясь несомненной частью любого естественного языка, нуждаются в лингвистическом описании, основанном на принципах современного языкознания и применении соответствующих частных процедур. Однако оказалось, что хотя СИ и образуют часть языка, они в целом не могут быть вполне адекватно описаны теми способами, при помощи которых описывается весь данный язык (исключая СИ), и поэтому требуют введения некоторых новых принципов и приемов для своего описания. В языках обычного типа, как и в формализованном логическом языке, рассмотрение СИ наравне с другими (несобственными) именами приводит к ряду антиномий. Возникающие парадоксы определяют меру неразрешимости проблемы СИ средствами обычного лингвистического анализа, выработанными без учета их. Решение же подобных парадоксов, уточняя природу СИ, помогает построить универсальную теорию языка, включающую и такой парадоксальный класс языковых явлений, как СИ.

Здесь хотелось бы в самом общем виде остановиться на топономастике как языковедческой проблеме, выделив лишь один вопрос: образует ли топономастика систему, или, точнее, может ли она рассматриваться как система. Естественно, что в случае положительного ответа возникает признание возможности изучения топономастики структурными методами. Оправданность выбора именно такой темы кажется несомненной в силу двух обстоятельств: 1) необходимости включить СИ в описание языка или исключить их, если они не образуют системы, и 2) почти полного игнорирования этой проблемы даже в лучших теоретических работах о СИ, рассматриваемых с лингвистической точки зрения (см. исследования А. Гардинера, Е. Куриловича, Э. Пулгрема и др.[4]).

2. Текст (понимаемый в широком лингвистическом смысле слова) может быть неоднороден с той точки зрения, что не все его элементы могут быть синтезированы в одну систему. В силу того, что некоторые элементы могут быть построены иначе, чем другие, которые синтезируются в систему, характеризующую данный текст в совокупности, и обладают, кроме того, отличными синтаксическими свойствами,— в принципе не трудно чисто формальным методом произвести расслоение текста на группы разнородных элементов. В частности, помимо элементов данного языка, можно вычленить целый ряд символов (как принадлежащих в основном специализированным языкам, так и ставших достоянием неспециализированных текстов), аббревиатур, иностранных слов или выражений, превратившихся применительно к языку данного текста в своего рода идиомы. Можно выделить также множество относительно длинных вкраплений иноязычного текста, от элементов которого можно перейти к системе, отличной от системы, характеризующей бóльшую часть данного текста. В отношении к данному языку все эти элементы с известным основанием могут рассматриваться как «иероглифические». Промежуточное место между этими последними и элементами данного языка занимают СИ.

Промежуточный характер СИ проявляется в ряде отношений. С текстом данного языка СИ объединяются благодаря тому, что они обычно используют некоторые грамматические характеристики, присущие морфологии и синтаксису данного языка, а также могут содержать лексемы этого языка и его словообразовательные показатели. В предельных случаях СИ полностью включаются в систему элементов данного языка и могут рассматриваться как таковые (ср., в частности, возможность при-

[4] A. H. Gardiner, The theory of proper names. A controversial essay, London, 1940; J. Kuryłowicz, La position linguistique du nom propre, «Onomastica», II, 1, 1956; E. Pulgram, Theory of names, California, 1954 (ср. также BzNf, V, 2, 1954); В. А. Никонов, Закон ряда в географических названиях, «Onomastica», IV, 1, 1958; С. Роспонд, Перспективы развития славянской ономастики, ВЯ, 1962, 4 и др.

надлежности к одним и тем же дистрибутивным классам, одинаковые способности к присоединению «ядер», тождество трансформационных свойств и т. п.).

Ряд важных особенностей СИ разделяют и с элементами, условно называемыми «иероглифическими». Прежде всего, как и для «иероглифических» элементов, для СИ текст данного языка не является первичным и основным; СИ в нем — не более, чем вкрапление. Наиболее независимые и поэтому лучше всего пригодные для анализа (и, если возможно, для синтеза «своей» системы, отличной от системы языка данного текста) условия наблюдаются не в тексте данного языка, а в текстах особого рода. Например, для топонимических названий таким текстом может быть карта, схема или даже определенным образом построенный список. В этой «сильной» позиции независимость СИ от единиц текста данного языка проявляется, между прочим, в том, что СИ используют ограниченную часть грамматических возможностей языка (или во всяком случае не все возможности), причем эта часть не совпадает полностью с тем, что является грамматически допустимым для других элементов текста в языке данного периода. Помимо этого, заслуживает внимания то, что синтаксис СИ в текстах, признаваемых для них основными, построен на совершенно ином принципе, чем в обычном тексте. Эта особенность нагляднее всего свидетельствуется синтаксисом топонимов на карте или схеме, где он «многомерен» (или во всяком случае не линеен). Следует учитывать, что синтаксическая сфера СИ обычно весьма ограничена, а это приводит к особого рода дискретности топонимического и — шире — топономастического пространства.

Известная независимость СИ в первичных для них текстах проявляется и в других отношениях: в резком различии между статистическими показателями использования тех или иных грамматических и словообразовательных средств в СИ и в обычном языковом тексте; в весьма значительном (вплоть до полного) расхождении состава лексем СИ и текста данного языка (ср., например, случаи усвоения иноязычной топонимии или личных имен). Из последнего, между прочим, следует, что один и тот же топономастический текст или отдельные его элементы могут рассматриваться как принадлежащие к системам разных языков. Отсюда — проблема «неединственности» грамматической и даже лексической интерпретации СИ, особенно топонимических.

В связи с указанным расхождением между лексемами, используемыми в топономастике и в соответствующем языке, становится очевидным тот факт, что в принципе СИ не нуждаются в переводе на данный язык (другое дело, что они часто могут быть переведены или скалькированы)[5]. Эта особенность СИ, иллюстрируемая многочисленными и хорошо известными примерами, когда одни и те же СИ выступают без изменения в текстах разных естественных языков или естественного и искусственного (включая формализованный язык логики), делает СИ наиболее существенным интерлингвистическим слоем языка, который — в известной мере — может быть сопоставлен с музыкой или изобразительным искусством. Следовательно, СИ в принципе могут быть поняты как некий, хотя и очень узкий, но зато единый канал коммуникации в человеческом обществе, причем как в пространстве, так и во времени. Не случайно, что дешифровка текстов неизвестных языков, т. е., если угодно, восстановление каналов коммуникации, чаще всего начинается именно с СИ (ср. дешифровку египетской иероглифики Шамполионом, древнеперсидской

[5] Важная особенность СИ, связанная отчасти со сказанным, заключается в том, что их объем и содержание постоянны для всех пользующихся этими СИ, принадлежащими к одному и тому же денотату. Следовательно, к СИ не относятся соображения А. Кожибского об «over-» или «under-estimated words». Зато, разумеется, СИ не столько относятся к классам предметов, сколько к индивидуальным предметам.

клинописи Гротефендом[6] или, наконец, линеарного письма В. Вентрисом[7] — СИ в «коберовских тройках»). Несомненно, что СИ могут сыграть такую же роль при установлении контактов с другими неизвестными языковыми коллективами, если только последние используют СИ. По крайней мере отчасти это связано и с тем, что СИ не могут быть определены без обращения к коду, так как они (СИ) и есть лучший пример ситуации, когда код обращен сам на себя (С/С, в терминах Р. О. Якобсона[8] — «code referring to code»).

Разумеется, существуют и иные, кроме перечисленных выше, общие черты, объединяющие СИ с «иероглифическими» элементами (ср. хотя бы сходные способы включения в текст, характер соотношения отмеченности — неотмеченности и т. д.). Сейчас, однако, важно подчеркнуть лишь самую мысль о промежуточном положении СИ между обычными языковыми и «иероглифическими» элементами текста и об их относительной самостоятельности.

3. Несомненно, что промежуточное положение топономастики и мимикрические особенности составляющих ее элементов существенно затрудняют ответ на вопрос о возможности понимания топономастики как системы и о допустимости рассмотрения топономастических фактов данного языка как результата некоего порождающего процесса. Неудачи в попытках дать ответ на этот вопрос прежде всего были связаны с тем, что, строго говоря, не был вполне определен материал, который должен был иметься в виду при ответе, а внутри этого материала не было проведено требуемого расслоения. Именно поэтому не помогли в разрешении указанного вопроса даже те «законы», которые в последнее время усиленно выдвигались в топономастической литературе. Дело в том, что эти «законы» обычно или описывали чрезвычайно незначительную (к тому же точно не определенную) часть фактов, или же устанавливали закономерные соответствия между конкретным языком и топономастикой данного языка[9]. Естественно, что при таком подходе речь о топономастике как системе или не возникала вообще, или становилась более или менее праздной, поскольку оставались неясными границы распространения тех отношений, которые рассматривались как системные.

Поэтому целесообразно сделать ряд замечаний уточняющего и ограничительного характера, цель которых сводится к более жесткому определению топономастического материала, допускающего системную интерпретацию. Прежде всего следует признать неверным взгляд, согласно которому СИ не что иное, как аббревиатуры определенных описаний, причем идеальным образом построенный язык заменяет индивидуальное соответствующими описаниями. Не приводя здесь возражений общего характера (ср. работы Н. Л. Уилсона[10]), можно напомнить, что взгляд на СИ как на аббревиатуры едва ли позволил бы рассматривать их как эле-

[6] См. И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961.

[7] См. M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956 (ср. гл. «Geographical names»); см. также: J. Chadwick, The decipherment of linear B, Cambridge, 1958; отчасти: E. G. Turner, Place-names in Pylos tablets, «Bull. [of the] Institute of classical studies [of the] University of London», 1, 1954.

[8] См. R. Jakobson, Shifters, verbal categories, and the Russian verb, Harvard, 1957, стр. 1; ср. также: P. Trost, Der Gegenstand der Toponomastik, «Wissenschaftl. Zeitschr. der Karl-Marx-Univ. Leipzig», Gesellschafts- und Sprachwissenschaftl. Reihe, XI, 2, 1962, стр. 275.

[9] Ср., в частности: P. Skok, Des lois toponomastiques, сб. «Quatrième congrès international des sciences onomastiques», Uppsala, 1952; W. Mańczak, Une tendance générale dans le développement de la flexion des noms de personnes, «Revue internationale d'onomastique», XII, 2, 1960.

[10] См. N. L. Wilson, In defence of proper names against descriptions, «Philosophical studies», IV, 4, 1953; его же, Designation and description, «Journ. of philosophy», L, 1953 (полемика с работой: A. W. Burks A theory of proper names, «Philosophical studies», II, 1, 1951).

менты системы, поскольку каждое СИ в таком случае предстает как свернутое сообщение (причем это свертывание может осуществляться по-разному). Понятно, что в этом случае о системе сообщений едва ли целесообразно говорить (ср., например, аббревиатуры в русском языке, которые, несмотря на отдельные закономерности редукции, не образуют, строго говоря, особой подсистемы).

Без уточнения понятия топономастического знака исследователь, по существу, не найдет достаточно четкой линии разграничения между СИ и апеллятивами, особенно в случае их формального сходства. Пока, видимо, преждевременно делать окончательные заключения о природе топономастического знака, но уже сейчас следует указать на то, что он с бо́льшим основанием, чем обычный лингвистический знак, может характеризоваться (по крайней мере такова тенденция) лишь отрицательно, так как для СИ важно не столько значение, сколько значимость (в понимании Ельмслева). Поэтому любая конкретная реализация топономастического знака является «Gestalt»'ом в гораздо меньшей степени, чем это можно сказать о других языковых единицах. Понимание этой особенности объясняет любопытные парадоксы называния, отмеченные в последнее время Э. Гудде, Г. Стюартом, В. А. Никоновым и др.[11] (имеются в виду случаи, когда СИ основано на редком или несущественном в известном отношении признаке или вызвано к жизни в силу принципа поляризации названий[12]). Здесь же в конечном счете нужно искать объяснение и связи СИ в топономастическом тексте и отмеченному уже факту необязательной переводимости их[13].

Еще одно замечание, представляющееся существенным. Можно и целесообразно считать, что не все СИ одинаково противопоставлены несобственным, что существует известная градация СИ в зависимости от степени проявления «назывательности». Наличие разных степеней выявленности свойства «быть СИ» подтверждается многочисленными примерами, начиная с тех случаев, когда граница между СИ и не-СИ оказывается скользящей. Здесь речь идет не столько о том, что некоторые апеллятивы становятся СИ, а отдельные СИ превращаются в нарицательные; скорее стоит обратить внимание на то, что применительно к разным языкам и периодам СИ прилагаются к различным совокупностям объектов[14], в том числе и к несуществующим[15]. Можно привести два предельных случая, данные, может быть, в несколько утрированной интерпретации их авторов,— рассмотрение как СИ названий птиц типа *étourneau* «скворец», *linotte* «коноплянка» и т. п. (Ж. Вандриес[16]) и указательных местоимений *this*, *that* (Б. Рассел[17]). Трудно точно определить все условия разного

---

[11] См.: G. R. Stewart, Names of wild animals for natural features in the United States and Canada, «Revue internationale d'onomastique», XII, 4, 1960; E. Gudde, California place names, 1949; В. А. Никонов, указ. соч.; его же, Paradoxes toponymiques, «Revue internationale d'onomastique», XI, 3, 1959 и др.

[12] См. В. Н. Топоров, Две заметки из области балтийской топонимии, сб. «Raksti krājums veltījums akad. prof. dr. J. Endzelīnam», Rīgā, 1959, стр. 258.

[13] Понятно, что по крайней мере отчасти свойства топономастического знака определяют наличие СИ у планет или звезд и отсутствие их у солнца или луны. См. об этом A. H. Gardiner, The theory of proper names, стр. 44 и сл.

[14] Отчасти с этим связана возможность построения такого «мира» художественного произведения, где каждый предмет как бы балансирует между СИ и не-СИ за счет чрезвычайно высокой степени детализации предметов (ср. анализ построения такого рода в книге М. Бахтина о Рабле [в печати]).

[15] Ср. мифологические «topographia sacra», не связанные с реальной ситуацией или отвлеченные от нее (см., например, M. Soymié, Le Lo-feou chan Étude de géographie religieuse, «Bull. de l'École française de l'Extrême Orient», XLVIII, 1, 1956; A. Carnoy, La divinisation des rivières et la toponymie celtique. «Antiquité classique», XX, 1951, и др.).

[16] См.: J. Vendryes, Le langage, Paris, 1921, стр. 222 [русск. перевод — стр. 179]; его же, Sur quelques difficultés de l'étymologie des noms propres, «Mélanges lit éraires publiés par la Faculté des lettres de Clermont-Ferrand», 1910.

[17] B. Russell, The philosophy of logical atomism, «The monist», London, 1918.

проявления свойства «быть СИ» в реально засвидетельствованных СИ и, тем более, ввести количественную меру этого проявления[18]. Однако в общем виде можно считать очевидным, что наибольшая чистота и полнота проявления «назывательной» функции (т. е. свойства «быть СИ») связана с наименьшей мотивированностью названия данного СИ. А минимум мотивированности достигается по крайней мере в двух случаях. Во-первых, когда говорящему неизвестен реальный денотат (как, например, названия перечисленных птиц для Вандриеса), или же, во-вторых, когда известный денотат носит предельно непонятное название, немотивированное со стороны внутренней формы или со стороны аналогичных образований. Эти условия, по сути дела, и определяют внутреннюю градацию топономастических фактов в зависимости от полноты проявления свойства «быть СИ». Так, *Иван* является в большей степени СИ, чем *Иванушка* или *Иван Иванович*, поскольку два последних имени более мотивированы и богаче значением в силу содержащейся в них дополнительной информации. С другой стороны, имя *Иван* в меньшей степени СИ, чем, скажем, *Вайю*, относительно значения которого мы вообще можем ничего не знать: личное это имя или топонимическое, мужское или женское, производное или непроизводное и т. п. Точно по таким же причинам название *Вятка* в большей степени является СИ, чем название *Бельск*, поскольку о последнем уже в силу его формы можно с уверенностью сказать, что это город, тогда как *Вятка* может обозначать и город, и реку и — в принципе — многое другое (гору, кличку животного, марку автомобиля и т. д.). Понятно, что любое этимологизируемое имя имеет ослабленную «назывательную» функцию по сравнению с неэтимологизируемым: именно поэтому *Эдип* для нас СИ в большей степени, чем Οἰδίπους для древних греков. Таким же образом решается старый вопрос, дебатировавшийся еще Д. С. Миллем, о названии *Дартмута* (*Dartmouth*) — города, расположенного, как показывает его форма, в устье Дарта; естественно, что, если бы в результате каких-либо тектонических изменений течение Дарта изменило бы свое направление, название города *Dartmouth*, оказавшееся немотивированным на уровне реалий, стало бы СИ в большей степени, чем теперь[19]. Ситуация такого рода особенно часта в личных именах, поскольку их носители легче изменяют свои характеристики, чем местные названия (так, фамилия автора «Обломова» более ономастична, чем фамилия *Гончаров* у человека, занимающегося гончарным производством). Отчасти с этим свойством связаны особенности употребления СИ в ряде произведений художественной литературы (имеются в виду те СИ, которые в принципе желательно переводить; ср. *Хлестаков* — англ. *Whipper-snapper*, *Держиморда* — англ. *Holdyourmug* и т. п.[20]); в последнее время была даже предпринята попытка определить при помощи теста, каким образом писатель выбирает имена такого рода[21].

Примеров, аналогичных данным или близких к ним, можно было бы привести множество. Их классификация с указанной точки зрения была бы весьма полезна в ряде отношений и во всяком случае небезразлична при попытке рассмотрения топономастических фактов как системы. Без учета

---

[18] Впрочем эта задача в принципе не должна считаться неразрешенной

[19] Ср. анализ этого случая А. Гардинером («The theory of proper names», стр. 8). Естественно, что признание разной степени полноты проявления признака «быть СИ» целесообразнее альтернативы А. Норейна, считавшего, что мотивированность со стороны реалий уничтожает СИ (см. A. Noreen, Einführung in die wissenschaftliche Bedeutung der Sprache, Halle, 1923, стр. 384).

[20] См.: J. B. Rudnyckyj, Functions of proper names in literary work, сб. «Stil- und Formprobleme in der Literatur», Heidelberg, 1959; его же, Antroponimia y toponimia en la version ucraniana de Don Juan, сб. «Cinquème congrès international des sciences onomastiques», Salamanca, 1955. Ср. также: E. C. Smith, Personal names. A bibliography, New York, 1952 (раздел «Names in literature»).

[21] См.: G. Eis, Tests über suggestive Personennamen in den modernen Literatur und im Alltag, BzNf, X, 1, 1959.

подобной классификации исследователь может оказаться в заблуждении, поскольку системные отношения в топономастике фиксируются прежде всего для мотивированных СИ, хотя последние обнаруживают тенденцию к предельному включению в общеязыковую систему вплоть до полного отождествления с ней. Если же говорить о топономастической системе как особой подсистеме внутри общеязыковой, то, очевидно, о ней целесообразно говорить лишь применительно к случаям с минимальной мотивированностью и максимальной степенью свойства «быть СИ».

Наконец, последнее из упоминаемых здесь ограничений, цель которых сузить круг фактов, допускающих структурное объяснение, относится к хорошо известному разграничению синхронического и диахронического подходов[22]. По этому поводу достаточно сделать лишь одно замечание. В отличие от обычного языка, в применении к которому синхронический подход обеспечивает анализ в принципе всего или почти всего материала (причем даже отдельные исключения перекрываются более общими отношениями), в топономастике соотношение между частью, объясняемой при помощи действующей системы (продуктивные, мотивированные типы образований), и частью, не объяснимой этим путем, таково, что в большей части случаев оно может быть описано как обратное (в известной мере) по отношению к положению в обычном естественном языке. Дело в том, что нередко исследователь лишен условий, необходимых для эффективной постановки опыта определения системы, действующей в топономастике данного языка (случаи, когда практически все объекты уже переименованы, а личные имена выбираются из традиционного, не пополняющегося и не обновляющегося списка; или же случаи, когда перенимаются имена иноязычного происхождения). Но даже если удается вычленить в топономастике часть, удобнее всего объясняемую с точки зрения действующей системы, то, чаще всего, она оказывается относительно небольшой и, естественно, подверженной влиянию более «мощной» (хотя и исторически предшествующей ей) системы. При этом последняя может даже внести изменения в нашу интерпретацию действующей системы. Поэтому было бы, видимо, неразумным отказаться (при попытке определения действующей системы) от установления топономастических моделей, продуктивных в предыдущий период, но весьма распространенных и в настоящее время. Понятно, однако, что есть условия, в которых действующая система может определяться и вне зависимости от предыдущей [ср., например, слой топонимических названий в Америке (с конца XV в.)[23] или резкую смену инвентаря личных имен в романской Швейцарии (во второй половине XVI в.), явившуюся результатом деятельности Кальвина][24].

4. Поскольку очевидно, что СИ, выступая в тексте данного языка во вторичной функции (совпадающей с первичной функцией элементов данного текста), не образуют самостоятельной топономастической системы, отличной от системы данного языка, а включаются в нее, достаточно рассмотреть вопросы о возможности структурного представления топономастики и о ее особенностях (включая определение коэффициента системности) применительно к топономастическим фактам в их первичной функции.

В качестве предварительного определения системы можно принять следующее: система — это совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента

---

[22] О нем применительно к топонимическому материалу см. доклад П. Скока в сб. «Third International congress of toponymy and anthroponymy», 1—3, Louvain, 1951.

[23] См. G. R. Stewart, Names on land. A historical account of place-naming in the United States, New York, 1945.

[24] См. W. Richard, Untersuchungen zur Genesis der reformierten Kirchenterminologie der Westschweiz und Frankreichs mit besonderer Berücksichtigung der Namengebung, «Romanica helvetica», LVII, 1959.

закономерно отражается на остальных элементах. При таком понимании очевидна возможность описания некоторых совокупностей топономастических фактов как системы. Прежде всего к ним относятся случаи зависимого употребления двух или нескольких топонимов (или личных имен), образующих, по сути дела, элементарную топономастическую микросистему. Наиболее очевидный случай такого рода представлен рядами соотнесенных друг с другом имен, частным примером которых может быть бинарная оппозиция (ср. пары имен, включающих противопоставление *Большой — Малый*, *Старый — Новый*, *Белый — Черный* и т. д.). Менее очевидные случаи взаимообусловленности связаны с тем, что одни топономастические элементы нередко определяются в том же плане, что и другие (например, в плане указания на величину, или цвет, или положения на местности в случае топонима, или в социальной иерархии в случае личных имен). Иногда — прежде всего, конечно, в случаях поляризации — можно со значительной долей вероятности предсказать некоторые топонимы или личные имена. Сфера распространения элементов, в пределах которой возможно предсказание, может рассматриваться как некий микроконтекст; с другой стороны, сам микроконтекст задается совокупностью возможных предсказаний. Особенно явным свидетельством системных отношений в топономастике приходится считать те случаи, когда данный элемент, попав в соответствующее ономастическое микрополе, обнаруживает бо̀льшую обусловленность со стороны системы, чем со стороны реальных (физико-географических, социально-исторических и т. п.) особенностей, или даже вообще приходит в противоречие с ними[25]. При всех подобных рассуждениях нужно помнить, что необходимо проводить различие между материально тождественными названиями, если они занимают разные места в соответствующих топономастических контекстах: название *Большая Ивановская* перестанет быть тождественным самому себе в случае, если противопоставленное ему название *Малая Ивановская* будет переименовано. Однако даже факт произвольного изменения названия из табуистических или эстетических соображений может быть использован как основание для реконструкции утраченного топономастического элемента по названию, некогда входившему в противопоставление.

Другим вполне реальным свидетельством взаимообусловленности топономастических элементов могут считаться случаи, когда два или несколько элементов стоят в отношении производности друг к другу (тип *Днепр — Днеприк*, *Мытва — Мытвица*, *Žemaitis — Žemaitytė — Žemaitienė* и т. п.). Естественно, что и в такой ситуации возможно предсказание одного элемента по другому или по крайней мере гипотетическая реконструкция его, причем проще по производному члену противопоставления заключать о непроизводном, чем наоборот.

В ряде случаев допустимы целые ряды названий, связанных отношениями производности, причем два или несколько таких рядов входят в отношения противопоставления [ср. *Белое* (озеро), *Белая* (река), *Белица* (ее приток), *Бельск* (город на реке), *Бельское* (село) и т. д. при *Черное*, *Черная*, *Черница* и т. д.]. Инвентаризация таких и подобных им случаев взаимообусловленности в топономастике может считаться одной из самых насущных задач теоретической науки о СИ и ее конкретных разделов. К сожалению, она весьма далека от выполнения, а без нее, конечно, невозможно достаточно точное определение степени системности топономастического материала.

Естественно, что возможность описания совокупностей топонимов или личных имен как системы следует и из того, каким образом возникает в системе новое название. Некоторому набору типов объектов, подлежащих

[25] Аналогичное явление хорошо известно в фольклорных произведениях, когда логика развертывания формально-стилистических элементов «побеждает» логику реальных отношений.

наименованию (такой набор всегда состоит из довольно ограниченного числа элементов), соответствует в живом топономастическом слое ряд формальных показателей, причем правила движения от типов объекта к формальной характеристике и, наоборот, от формальной характеристики к типу объекта обычно несложны. Поэтому можно утверждать, что каждое название возникает на пересечении нескольких топономастических рядов, которые интерпретируются как набор продуктивных в данном способе называния моделей (морфологических, словообразовательных, семантических и относящихся к модусу называния). Отсюда, разумеется,— высокая степень детерминированности возникающих названий на всех уровнях (некоторое исключение составляет лексика).

Косвенным свидетельством того, что совокупности местных или личных названий имеют тенденцию к осуществлению некоторой программы, определяемой системой, может служить хорошо известное обстоятельство выработки самостоятельной грамматики топономастических элементов[26], хотя бы отчасти независимой от грамматики данного языка, или по крайней мере отбора вполне определенных категорий и форм из нетопономастической грамматики.

Из сказанного следует, что по крайней мере некоторые фрагменты топономастики конкретных языков могут быть описаны при помощи относительно небольшого числа элементов при учете типов перехода от одного элемента к другому. В терминах грамматики синтеза можно сказать, что отдельные фрагменты топономастики могут быть описаны как результат порождающего процесса. Опыт такого описания сложных индоевропейских личных имен представлен в докладе Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова к софийскому съезду славистов. То же самое можно сделать и для некоторых слоев топонимии; дополнительная трудность заключается лишь в существенном увеличении (по сравнению с личными именами) набора лексем и в большем количестве ограничений, налагаемых на них в топонимических названиях.

Тем не менее есть основания говорить о слабой (обычно) организованности топономастических систем или, скорее, о невысоком коэффициенте системности соответствующего материала. Эта черта проявляется в относительной немногочисленности и изолированности микросистем указанного вида, играющих роль «сгущений» в довольно нейтральном топонимическом поле. С этим обстоятельством связано то, что обычно бывает невозможно «пройти» весь топономастический материал при помощи хотя бы того относительно ограниченного ряда операций, который оказывается достаточным для анализа языкового (исключая топономастический) материала. Таким образом, в топономастике разрывы между блоками системно организованных элементов несравненно больше, чем в языке в целом (особый характер дискретности топонимического поля).

Поэтому для целого ряда случаев возникает альтернатива: или членить данный топономастический ареал на последовательности самостоятельных системно- (и часто — одинаково) упорядоченных элементов, прерываемых с очевидностью неупорядоченными участками, или же представить весь данный ареал как единую прерывную систему. Разные цели определяют возможность различного решения этой альтернативы. Как бы то ни было, однако, исследователь должен не только выделять типы топономастических единиц и их классы, типы противопоставлений и условия их нейтрализации, но и членить топономастический ареал на участки. Одним из обычно игнорируемых критериев членения нужно признать знание теми, кто пользуется названиями, сферы их распространения (в некоторых ситуациях точнее говорить об активном запасе топономa-

[26] Ср. хотя бы факты, приведенные в указанной статье Е. Куриловича, а также случаи разной интерпретации одной и той же формы в топономастической грамматике и за ее пределами (ср. *за лесом* — *Залес*, *Залеса*, *Залесу* и т. д. или чешск. *Vrbčas*, старый локатив — *Vrbčasa*, *Vrbčasu* и т. д.).

стических сведений или о топономастическом кругозоре). Поскольку этот запас оказывается разным у разных лиц, меняется общая схема противопоставлений; в связи с этим уместно говорить о более богатом и более бедном топономастическом подъязыке. Наиболее частый пример разницы между такими подъязыками встречается в зависимости от различий в избрании точки отсчета: естественно, что на периферии ареала (в пространственном плане) или на стыке разных периодов (во времени) круг противопоставлений обширнее, чем в центре ареала или в середине временного периода, поскольку в первом случае необходимо считаться с изофункциональными, но различными по форме топономастическими элементами из смежного ареала или периода.

Точно так же специалист по топономастике, ищущий систему, должен решать проблему топономастического тождества и связанного с ней вопроса об омонимии и синонимии, не уступая соблазну трактовать этот вопрос чисто формально или, напротив, исключительно на содержательном уровне[27]. Правильное решение этого вопроса принесет избавление от множества ненужных фикций и уточнит степень системности данного топономастического пространства. Дальнейшие уточнения, возможные уже сейчас, связаны с введением количественных показателей. Вот некоторые из них (вероятно, наиболее существенные)[28]. Степень топономастического своеобразия данного ареала — описывается отношением числа средств (словообразовательных, лексических и т. п.), используемых исключительно в топономастике, ко всей совокупности средств, используемых в топономастических элементах этого ареала (иначе говоря, речь идет об индексе, определяющем степень независимости или самостоятельности топономастического материала от апеллятивного). Степень разнообразия данного ареала (в словообразовательном или лексическом плане) — определяется отношением числа засвидетельствованных словообразовательных формантов или использованных лексем к некоторому постоянному числу топономастических единиц (например, к 100); степень однородности данного ареала — устанавливается отношением числа единиц с самым распространенным показателем к общему числу топономастических единиц ареала; степень грамматической (или лексической) осмысленности данного ареала—определяется отношением числа грамматически (соответственно — лексически) распознаваемых (или осмысляемых) единиц ко всей сумме топономастических элементов исследуемого ареала; степень лексической связанности данного ареала — характеризуется отношением числа случаев, когда одна и та же лексема используется для обозначения топономастических объектов разных классов (*Дон*, *Донец*, *Донецк*, *Донецкое* и т. п.), ко всей совокупности единиц этого ареала; степень синонимичности данного ареала — выявляется через отношение количества изофункциональных элементов к общему числу топономастических единиц исследуемого ареала и т. д.

---

[27] Впрочем соблазн трактовки проблемы тождества на содержательном уровне небесполезен при исследовании исторического характера; ср. конкретный пример в статье: J. A. de Foucault, *Berg* et *Berck*, «Revue internationale d'onomastique», XII, 2, 1960.

[28] Подробнее о них будет сказано в другом месте.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

В. Ф. МАРЕШ

РАННИЙ ПЕРИОД МОРФОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКОГО СКЛОНЕНИЯ

(Общая характеристика)

1. Под морфологическим развитием здесь имеются в виду изменения в окончаниях, вызванные нефонетическими причинами, т. е. обусловленные структурой флексии. В настоящей статье будет сделана попытка показать на материале развития славянского склонения раннего периода, какими закономерностями может определяться морфологическое развитие. Оно тесно связано с падежной системой и вообще выражением грамматических категорий.

Категория падежа

2. В праславянском и древних славянских языках наименее развитым из грамматических чисел было двойственное число, которое выражало ъ общими формами NA, GL и DI; эти три формы, однако, различались во всех случаях, что определялось падежными значениями. В праславянском и в раннюю эпоху развития отдельных славянских языков падеж был пунктом пересечения двух категорий, которые могут быть названы птозис и его аспект.

Птозис является грамматической абстракцией от некоторых сходных по смыслу комплексов логических отношений, в которые вступает субстантивное понятие; в проекции на план языка это означает, что выражению подлежат сходные по смыслу комплексы синтаксических отношений, в которые вступает имя[1].

Аспект модифицирует значение птозиса в том смысле, что он выражает характер протекания отношения: отношение может существовать или же осуществляться и прекращать свое осуществление. В зависимости от этого птозис может иметь аспект статический (т. е. находиться в покое) и динамический (т. е. находиться в движении).

3. Вокатив (V) является нулевым птозисом. Он не выражает никаких синтаксических отношений, в которые вступало бы имя, не означает его функционирования в качестве определенного члена предложения. Единственная его возможная функция — это выражение апелляции, обращения. Вокатив является полностью беспризнаковым. Его значение — во всяком случае первоначальное — было столь невыразительным, что от него невозможно было образовать признаковые грамматические числа — множественное и двойственное (этот падеж, вероятно, выражал толь-

---

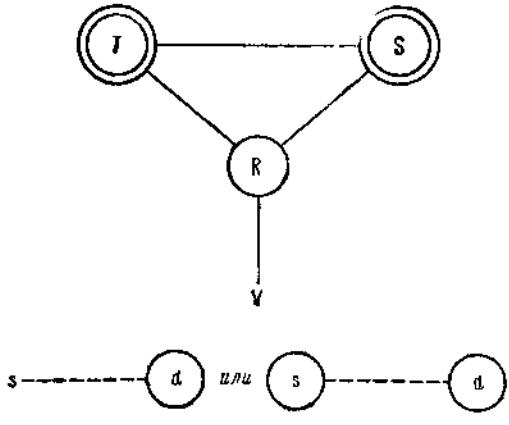
[1] Собственно, сказанное относится к имени существительному и личным местоимениям — для них птозис и аспект являются значимыми категориями. Имя прилагательное и местоименное прилагательное идут лишь по пути грамматического согласования (конгруэнции) с категорией имени существительного, которому они подчинены (очевидно, до тех пор, пока они сами не субстантивированы). Числительные как самостоятельный класс слов выделились лишь в сравнительно поздний период развития славянских языков.

ко одно понятие и неспособен был выражать идею множественности). Так как он не выражает никакого отношения, он может различать аспекты.

4. Ptosis recta (N и A, сокращенно R) означает, что имя вступает в основное для предложения отношение с глаголом и является источником либо непосредственной целью глагольного действия (субъект — объект). Статический аспект прямого птозиса, т. е. номинатив, выражает субъект; динамический аспект, т. е. аккузатив, выражает прямой объект. Статичность и динамичность этих падежей проявляется не столь ясно, как у других падежей. По отношению к V R является признаковым птозисом, по отношению к двум другим птозисам — беспризнаковым.

5. Ptosis jungens (L и G, сокращенно J) и ptosis socians (I и D, сокращенно S) имеют значение более богатое по содержанию и более узкое по объему; J выражает контактные, тесные связи, S — более свободные, неконтактные присоединения[2]. В том случае, когда контакт существует, он получает свое выражение в статическом аспекте птозиса, которым является локатив; в том случае, когда контакт возникает или исчезает, он выражается динамическим аспектом того же птозиса, т. е. генитивом. Падежом для выражения существования свободного присоединения является статический аспект птозиса S, т. е. инструментальный падеж, для выражения возникновения или исчезновения свободного присоединения — динамический аспект птозиса S, т. е. датив. И J и S—оба являются в равной мере признаковыми и с этой точки зрения взаимно равноценными.

6. Выражение категории птозиса было в праславянском и в ранний период развития отдельных славянских языков обязательным; разные птозисы того же числа и того же типа основы должны иметь разные формальные показатели. Выражение аспектов было факультативным, и формальные различия здесь были необязательны. Эти отношения можно пояснить схемой[3]:



Аспект последовательно формально не различается в двойственном числе и в птозисе R имен среднего рода.

Пример различающихся птозисов

vьlkъ R sg. (NA) — (*vьlcě* L, *vьlka* G) J sg. — (*vьlkomь* I, *vьlku* D) S sg. — *vьlče* V sg. с последовательным неразличением аспектов: *vьlka* R du. (NA) — *vьlku* J du. (LG) — *vьlkoma* S du. (ID).

[2] Оба эти значения следует понимать в собственно языковом смысле; было бы неверно в данном случае прибегать к измерениям объективной «геометрии».

[3] Кружки в схемах означают признаковость. Сплошные линии означают отношения, которые формально разграничиваются; пунктирные линии соединяют формы, различение которых не обязательно и которые могут иметь одинаковое звучание.

Сводная схема падежей

		Vocativus (V)	= вокатив (V)
Ptosis recta,	aspectus	staticus (R — s)	= номинатив (N)
» »	»	dynamicus (R — d)	= аккузатив (A)
» jungens,	»	staticus (J—s)	= локатив (L)
» »	»	dynamicus (J — d)	= генитив (G)
» socians,	»	staticus (S—s)	= инструментал (I)
» »	»	dynamicus (S — d)	= датив (D)

7. Эти падежные значения, по мнению автора, можно применить и к праславянскому и раннему славянскому синтаксису простых падежей; наименее затруднительной, однако, оказывается их проверка применительно к управлению древних славянских первичных предлогов.

Предлоги, выражающие контактные отношения покоя (существования), сочетаются с J — s (L): *pri* (= непосредственно рядом); с вопросом *где?* также предлоги *vъ* (= внутри), *na* (= непосредственно сверху), *o(b)* (= непосредственно вокруг), *po* (= непосредственно сзади). Предлоги, выражающие свободные присоединения покоя (существования), сочетаются с S — s (I): *nadъ* (= не непосредственно сверху), *podъ* (= не непосредственно снизу), *perdъ* (= не непосредственно спереди), *za* (= не непосредственно сзади) (все с вопросом *где?*) и *sъ* (= не непосредственно около, в сопровождении); ср. также производный предлог *meždu* (ст.-слав.)— *mezi* (ст.-чеш.) (= не непосредственно в середине).

Предлоги, выражающие осуществляющийся или нарушающийся контакт, сочетаются с J — d (G): *do* (= осуществляется контакт внутрь, приближается к значению предлога *vъ*), *iz* (= нарушается контакт внутри, т. е. нарушается значение *vъ*), *sъ* (= нарушается контакт сверху, т. е. нарушается значение *na*), *otъ*, *u* (= нарушается контакт непосредственно около, т. е. нарушается значение *pri*)[4]. Предлоги, выражающие свободно осуществляющееся присоединение, сочетаются с S — d (D): *kъ* (= движение к сближению), *po* (= движение по поверхности или, возможно, и над поверхностью).

В тех случаях, когда не подходят ни птозис J, ни S, вместо них используется динамический аспект нейтрального птозиса R (аккузатив). Так, J и S по своему значению не соответствуют предлогу *vъz* (= простое направление вверх; взамен), *čersъ* и *pьrzъ* (= простое направление, без указания на контакт или собственно приближение), зап.-слав. *pro* (= для) и некоторым значениям *sъ* с аккузативом, таким, например, как значение размера (ст.-слав. *съ лакъть*) или приблизительного множества (ст.-слав. *съ три смокви*). Формально упомянутые птозисы не соответствуют тем предлогам, которые, не меняя своего значения, выражают при вопросе *куда?* те же отношения, что и при вопросе *где?*, различаясь лишь аспектом (при вопросе *куда?* отношение обозначается как исполняемое, динамическое). Если бы такие предлоги (с вопросом *куда?*) управляли динамическим аспектом соответствующего птозиса — например, *vъ* (контактное отношение) с J — d (G),— оказались бы неясными те случаи, когда аспект формально не различается, что всегда имеет место, например, в двойственном числе[5]. В свете изложенного становится понятно, почему при вопросе

---

[4] Таково первоначальное значение предлога *u*; ср. лат. *au-ferre*; хорошо изложил дальнейшее семантическое развитие этого предлога В. Махек: «Предлог *u* со значением отделения получил значение *při* в случаях типа *prositi milosti u Boha* = «от бога», *obdržeti*, *dostati* něco *u* někoho» (см. V. M a c h e k, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 546).

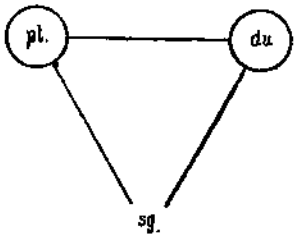
[5] Иная в целом ситуация, однако, наблюдается, например, у предлога *съ*, который изменяет значение: в сочетании с S—s (I) он обозначает свободное приближение, в сочетании с J—d (G) выражает нарушение контактного отношения (в противоположность *na* со «спокойным» значением); подобным же образом ср. *po* с L и D и значения более сложного *za* с G и I.

куда? с аккузативом употребляются предлоги *vъ*, *na*, *o(b)*, *po* и *nadъ*, *podъ*, *perdъ*, *za*, ст.-чеш. *mezi* и иногда также *sъ* (русск. церк.-слав. *аще ли не постигнеть роука ея съ агнець*[6]).

Примечание. Приведенный анализ управления предлогов может проиллюстрировать предложенное рассуждение о значении птозисов и их аспектов в праславянском и в ранний период развития отдельных славянских языков, а также показать, что установленные падежные значения не являются фикцией и что выраженные предлогами отношения полностью им отвечают. Однако было бы неверно полагать, что управление предлогов падежами сложилось лишь в праславянском; многие из них являлись прямым продолжением древних индоевропейских сочетаний (например, локатив места или аккузатив направления) и сохранились благодаря тому, что они хорошо соответствовали складывающейся на славянской почве схеме падежных значений.

Категория числа

8. Беспризнаковое единственное число находится в оппозиции с признаковыми числами — множественным и двойственным, которые в свою очередь находятся между собой в отношении противопоставления. Эти отношения могут быть выражены схемой:



В пределах склонения одних и тех же основ единственное, множественное и двойственное числа одного и того же птозиса должны иметь различные показатели.

Пример формального различения грамматических чисел: *synu* J sg. (LG) — (*synъchъ* L, *synovъ* G) J pl.— *synovu* J du. (LG).

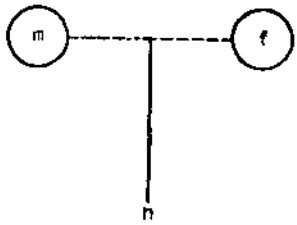
Категория рода

9. Категория рода включает в себя, с одной стороны, понятия неодушевленности (средний род) и одушевленности (не-средний род), с другой, — в не-среднем роде — рода мужского и женского. С точки зрения своего значения, категория рода у существительных может считаться живой и продуктивной постольку, поскольку все слова среднего рода являются наименованием неживых предметов или молодых существ, а все лица мужского пола обозначаются именами мужского рода и женского пола — женского рода. При обозначении животных мужской и женский род значим постольку, поскольку пол получает языковое выражение (например, *kozьlъ* м. р., *koza* ж. р., но *črъvь* только м. р. и *mucha* только ж. р.). Беспризнаковый средний род противостоит в равной мере признаковым мужскому и женскому роду. Формально в древней славянской деклинационной системе категория рода проявлялась прежде всего в последовательном разграничении среднего и не-среднего рода в птозисе R (NA) в пределах одного и того же грамматического числа. В других случаях категория грамматического рода существительного выражалась

[6] И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, III, СПб., 1903, стб. 638. Примеры *съ* + вин. пад. при вопросе *где?* (ложном!) типа *Вятка течетъ съ дрѹгѹю сторонѹ Перми* (там же) представляют собой, по всей вероятности, лишь случаи разных представлений одной и той же ситуации; нечто подобное и в русск. *играть на рояле* (локатив), но чеш. *hrát na klavír* (аккузатив).

прежде всего словообразовательным (деривационным) путем[7], а также согласованием в роде прилагательного или изменяющегося по родам местоимения, употребляемого в функции атрибута, а иногда и в функции дополнения (вербального атрибута); ср. § 10.

Таким образом, деклинационная система в птозисе R(NA) выражается следующей схемой:



Пример обязательной формальной дифференциации: (*vьlci* N, *vьlky* A) R pl. м. р.— *iga* R pl. (NA) ср. р.; при этом не имеет значения возможная омофония, например R pl. ср. р. *iga* и R du. м. р. *vьlka*, так как в этом случае представлены разные грамматические числа. Пример факультативного различия: *gostьje* R — s (N) pl. м.р.— *kosti* R pl. (NA) ж. р.

10. У прилагательных и различающихся по родам местоимений в славянской языковой области развилась обязательная «троеисходность» — способность формально выражать синтаксическое согласование (конгруэнцию) во всех трех грамматических родах (хотя формальное различие далеко не обязательно наличествует во всех падежах). Славянское прилагательное стало последовательно изменяться по типу *dobrъ*, *dobra*, *dobro*, т. е. система прилагательных оказалась представленной лишь основами на *-o-/-i̯o-* для мужского и среднего и *-ā-/-i̯ā-* для женского рода.

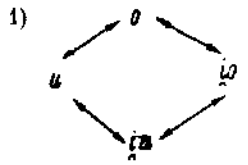
11. Принцип рода, который в историческую эпоху стал актуальным и для имен существительных и потом оказал сильное влияние на позднейшую перестройку деклинационных систем отдельных славянских языков, по-видимому, распространился на имена существительные от имен прилагательных и различающих род местоимений, где формальное различение мужского и женского родов было перенесено из плана словообразовательного (деривационного) в план формообразовательный (морфологический). Разграничение *dobrъ* м. р.— *dobra* ж. р. уже в праславянском воспринималось не как отношение *o-* и *ā*-основ, но как разные формы деклинации. Этому способствовало то обстоятельство, что после утраты *u-*, *i*-основ и основ на согласный имен прилагательных тип этот стал единственным и исключительным. Другим, сравнительно молодым принципом, который позднее приобрел большое значение в развитии славянского склонения, было формальное различение неодушевленных и одушевленных или, в иных случаях, неличных и личных имен в генитиве-аккузативе. В праславянском и в ранний период развития отдельных славянских языков наблюдаются лишь самые зачатки последующего формального различения мужского и женского родов в I sg. и в N pl. основ на *-i-* и на согласный (*gostьmь* — *kostьjǫ̃* и *gostьje* — *kosti*), а также частичное различение I pl. не-женского рода (*slovesy*, *graždany*) и NA du. среднего рода *slovesě* — ср. § 19) и необязательное — GA у личных имен в единственном числе (почти исключительно у *-o-/-i̯o-*основ и у личных местоимений).

---

[7] Основы на *-u-/-i̯u-* были основами мужского рода, на *-o-/-i̯o-* — мужского и среднего, на *-ā-/-i̯ā* — почти исключительно женского и лишь некоторые, в соответствии с естественным родом, мужского; основы на *-i-* были мужского и женского рода, основы на согласный — мужского, женского и среднего. Таким образом, средний род в птозисе R(NA) отличался формально у *-o-/-i̯o-*основ от мужского, у основ же на согласный — от мужского и женского рода; ср. также § 21.

Категория типа основы

12. Хотя как значимая категория тип основы прекращал свое действие уже в индоевропейском, хотя после осуществления славянских фонетических преобразований тематический суффикс в формальных показателях по большей части был затемнен и поглощен окончанием, все же в морфологическом развитии основы еще имели свое значение: они составляли три группы, более или менее обособленные, которые обнаруживаются при парадигматических изменениях: основы на



2) ŭ → ją
3) i → согласные

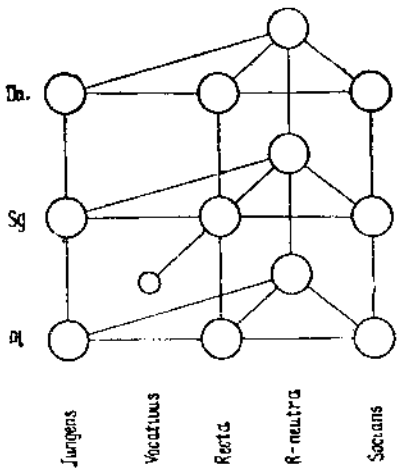
Внутри этих групп возможно перемещение окончаний, вне их — никогда; отмирающий класс основ на согласный принимает окончания *i*-основ, но свои им не передает.

Пример. Свидетельства распространения окончаний от *u*-основ на *o*-основы I sg. и др.) или от *i*-основ на основы на согласный (DLI pl. и др.) имеются; вместе с тем в древнюю эпоху нельзя найти примеров заимствования окончаний *o*-основами из *ā*-основ; исключение составляют изменения в соответствии с вновь распространяющимся родовым принципом, для которого эти ограничения уже не были актуальными (*kostьjǫ* по модели *ženojǫ*).

Примечание. Основы на согласный представляют собой единое целое; к к ним принадлежат и основы на -*ū*- (*cьrky*, *cьrkъve*), которые проявляют себя как *v*-основы.

Система форм в деклинации

13. Подводя итог установленным в предыдущих параграфах закономерностям развития деклинационной системы, определяющим формальные различия внутри этой системы, можно прийти к следующей схеме:



На схеме представлен образец склонения одного типа основ; для *u*/*iu*-основ, *ā*/*iā*-основ и *i*-основ отпадает столбец «R — neutra». Прямыми линиями обозначены формальные различия; линия может быть прервана еще одной формой (например, на линии J du.— J sg.— J pl. должны различаться все три формы).

Интерфлексия

14. Под интерфлексией понимаем явление отличия в некоторых формах «основы» слова, остающейся после отделения окончания, от основы других форм[8]. Если вследствие фонетических преобразований возникала интерфлексия, то такие формы сохранялись в N sg. и в NA sg. ср. р., где интерфлексия в древнюю эпоху использовалась для сигнализации этого падежа: *kamy*, *mati*, *cьrky*, *sěmę*, *telę*, *slovo*; *mьn'ьjь*, *mьn'e* (сравнит. степень); *vedy* (*veda*), *vedъ* и в сложном склонении *vedyjь* (*vedajь*), *vedъjь* (действ. причастие наст. времени и действ. причастие прошед. времени I); местоимения *kъto* и *čьto*; у личных местоимений в N sg. от корня остальных падежей отличается весь корень: *azъ*, *ty*, *my*, *vě*. В других падежах интерфлексия нежелательна и устраняется путем морфологического развития.

Пример. Имена жителей на *-'ān-e*, принадлежащие к склонению основ на согласный, первоначально видимо, имели в непрямых падежах носовой согласный, например в локативе *-'ān-sъ*>*-'ęsъ*. Это подтверждается такими формами, как др.-серб.-хорв. *gradam* D pl., ст.-чеш. *Dolás* L pl., др.-русск. *Деревлями* I pl. и т. п.[9]; однако эти формы были утрачены и заменены формами *i*-основ (*-ьmъ*, *-ьchъ*, *-ьmi*; то же и в именах нарицательных *katenьmъ*, *katenьchъ*, *katenьmi*).

Закономерности морфологического развития

15. Если праславянское фонетическое развитие вело к возникновению одинаково звучащих форм на месте обязательного различения (§ 13) или если его следствием было возникновение интерфлексии (§ 14) — в таких случаях происходит морфологическое развитие; во всех иных случаях в развитии форм можно заметить лишь фонетические процессы.

16. Морфологическое развитие осуществляется следующим образом:

а) нежелательная форма заменяется перенесением окончаний из иных парадигм в соответствии с закономерностями, описанными в § 12;

б) если этим не достигается нужный результат, берется окончание местоимений того же типа основы;

в) если и это не ведет к необходимым последствиям, оно переносится из другого аспекта того же птозиса (если его окончание не специализировано)[10];

г) особое явление наблюдается в G sg. *ā*/*i̯ā*-основ. Индоевропейский исход звучал в этом случае как *-(i̯)ās*, славянское же фонетическое развитие вело к *-a*/*-'ä* (**žena* G sg.), что повело к коллизии с одинаково звучащим N sg. Подобная ситуация была и в N pl., где также прежнее *-(i̯)ās* дало *-a*/*-'ä*. В N pl., возможно, было морфологическое развитие согласно пункту в, которое состояло в том, что N pl. принял окончание A pl. A, так как условия замещения и эпоха его осуществления были одними и теми же для N pl. и G sg., это окончание было принято и G. sg.: *ženy*, *dušę* (сев.-слав. *dušě*);

д) если к желаемой цели не ведет ни одно из решений а, б и в, то омофонические формы сохраняются;

е) неясной остается форма I pl. *i̯o*-основ, совпадающая с N pl.: *kon'i*; возможно, это состояние сохранилось благодаря параллельным формам *o*-основ *vьlky* — *vьlci*[11]. D sg. и L. sg. *ā*/*i̯ā*-основ (*ženě*, *duši*) как будто

[8] Этимологически это может быть корень (*vьlk-a*, *kam-y*, *tel-ę*...), а также в некоторых случаях основа (*kamen-e*). Интерфлексией здесь не считается палатализация велярных на исходе основы (*vьlkъ* — *vьlče* — *vьlcě*).

[9] В сербскохорватском на месте *ę* должно было быть *e* (**gradem*); *-a-* является результатом выравнивания.

[10] Речь идет о специализации окончаний по родам (одно для мужского и другое для женского), поскольку падеж, заимствующий окончание, никогда не различает рода; так, например, D sg. *i*-основ не может получить окончание из инструментала.

[11] Значение в праславянском могло различаться ударением. A pl. и I pl. *o*-основ *vьlky* различались ударением во всяком случае в целом ряде имен существительных этой парадигмы.

первоначально различались ударением [12]. (Полный перечень случаев см. в §§ 18—20.)

17. Предполагаем, что дославянское морфологическое развитие, определяемое иными, более древними закономерностями, представлено в следующих формах:

а) все слова среднего рода, не исключая и *o/i̯o*-основ, имели в NA sg. форму, равную чистой основе: и.-е. **i̯ug-o* [13], **medh-u*, **pl̥n-i* (прилаг.), ** sēm-ēn* (*ē* долгое!), ** tel-ent*, ** k'leu̯-os* > слав. *igo*, *medъ*, *is-pьlnь* (прилаг.), *sěmę*, *telę*, *slovo*. Все слова не-среднего рода тех же основ имели в N sg. окончание *-s*, т. е. имеем ** akmons*, ** māters* (?), ** bherons* (действ. прич. наст. вр.) > слав. *kamy*, *mati* (?), *bery* (действ. прич. наст. вр.) [14];

б) в N pl. и I pl. *o/i̯o*-основ произошла контаминация именных и местоименных окончаний:

N. *-ōs* x *-oi̯* > *-oi̯s* > слав. *-i* (*vьlci* и так же *kon'i*)

I. *-oi̯s* x *-oi̯mī* (*s*) > *-oi̯ms* > *-oi̯ns* > слав. *-y* (*vьlky*, *kon'i*).

18. Морфологическое развитие в славянском именном склонении происходило в следующих падежах [15]:

а) *o/i̯o*-основы: D sg. и.-е. *-(i̯) ōi̯* > слав. *-ě/-i*, чтобы избежать звукового совпадения с L sg., было усвоено окончание *i̯u*-основ [16]: *vьlku*, *kon'ü*;

I sg. *-(i̯) ō* > *-a/-'ä*; должно было бы звучать как G sg., поэтому было воспринято окончание *u/i̯u*-основ: *vьlkomь*, *kon'emь* (сев.-слав. *vьlkъmь*, *kon'ьmь*);

N sg. м. р. - (*i̯*) *os* > *-o/-'e*; по звучанию совпало бы с NA sg. ср. р., поэтому использовано окончание *u/i̯u*-основ: *vьlkъ*, *kon'ь*;

лишь у *i̯o*-основ: V sg. *-i̯e* > *-'e*; совпало бы с NA sg. ср. р., поэтому окончание *i̯u*-основ: *kon'ü*;

u-основы: NA du. *-ū* > *-y*; совпало бы с A pl., поэтому окончание *o*-основ: *syna* [17];

основы на согласный: интерфлексия возникла бы в I sg., DLI pl. и в DI du., поэтому окончание *i*-основ: *kamenьmь*, *-nьmъ*, *-nьchъ*, *-nьmi*, *-nьma*;

L sg. см. пункт в; параллельно также окончание *i*-основ: *kameni*;

NA du. *-e* >*-e*; должно было совпасть с N. pl., поэтому окончание *i*-основ: *kameni* (ср. также § 16 д);

б) *ā/i̯ā*-основы: I sg. *-(i̯) ām* > *-ǫ/-'ǫ̈* [18]; должно было совпасть с A sg., поэтому местоименное окончание: *ženojǫ̈*, *dušejǫ̈* [19];

в) основы на согласный: L sg. и.-е. без окончания, что должно было привести к интерфлексии (в типе *telę* также к звуковому сов-

[12] Ср. O. Hujer, Slovanská deklinace jmenná, Praha, 1910, стр. 137; в сербскохорватском и доныне *dûši* D sg., но *dûši* L sg.

[13] Ср. S. Agrell, Zur Geschichte des indogermanischen Neutrums, «Bull. de la Société Royale des lettres de Lund», [1925—1926]. Разумеется, здесь имеется в виду лишь та индоевропейская ветвь, которая легла в основу праславянского.

[14] Сев.-слав. *bera* из дублетной формы ** bherō* (*s*).

[15] Классификация проведена согласно § 16.

[16] У *i̯u*-основ в дательном окончание *-'ü* образовалось фонетически: *-i̯ue̯i̯* (видимо, наряду с параллельным *-i̯eue̯i̯*; ср. *-i̯ei̯* у *i*-основ), которое подверглось диссимиляции *-ue̯i̯* и метатезе *-i̯eu̯* > *-'ü*. От *i̯u*-основ это окончание было воспринято *i̯o*-основами и от них *o*-основами (ср. § 12). Подробнее см. F. V. Mareš, Słowiański celownik liczby pojedyńczej, «Studia linguistica on honorem Thaddaei Lehr-Spławiński» [в печати].

[17] *Syny* встречается, но редко. Неясно распространение этого окончания в ст.-чеш. у *o*-основ: NA du. всегда *chlapy* (**chlapa* не засвидетельствовано). Видимо, в NA du. и A pl. было разное ударение в соответствии со звуковой системой *o*-основ.

[18] О возникновении *ǫ̈* см.: В. Ф. Мареш, Происхождение носового *ǫ̈* (*jǫ*), ВСЯ, 7, М. [в печати].

[19] Первоначальное *-ǫ* отмечено, но редко; *-ǫ/ǫ̈* возникло путем контаминации обоих окончаний, а также, видимо, под влиянием сложного склонения, где *dobrǫ/ǫ̈* возникло регулярно.

падению с NA sg.), поэтому окончание G sg. (другой аспект того же птозиса J): *kamene*; см. также пункт а;

ā/i̯ā-основы: N pl. -(*i̯*)*ās* > -*ā*/-'*ä*; должно было совпасть с N sg., поэтому окончание A pl. (другой аспект того же птозиса R): *ženy*, *dušę* (сев.-слав. *dušě*);

г) *ā/i̯ā*-основы: G sg., см. § 16.

19. В результате действия принципа рода (§ 11) возникли формы: I sg. ж. р. *i*-основ и основ на согласный: *kostьjǫ̨* и *materьjǫ̨* по типу *ā/i̯ā*-основ; N pl. ж. р. от этих же основ: *kosti*, *materi* [20] из другого аспекта того же птозиса R (A pl.); I pl. ср. р. *sěmeny* (только так; иногда и в м. р., ср. ст.-слав. *graždany*, *dьny*) из *o*-основ; NA du. ср. р. *slovesě* (наряду с более редким *slovesi*) из *o*-основ (-*i* засвидетельствовано; оно вступало в противоречие с NA pl. м. р., однако соответствующее замещение не могло осуществиться до более сильного воздействия принципа рода).

Все остальные окончания в славянском именном склонении возникли в том виде, как они засвидетельствованы в период раннего исторического развития славянских языков, исключительно в результате фонетического развития[21].

20. Падежные окончания, вступающие в коллизию с одинаково звучащими иными окончаниями, сохранились в следующих случаях: 1) *gosti*, *kosti* G — D sg. *i*-основ; замещающее окончание отсутствовало, так как окончания от основ на согласный к *i*-основам не переходили (см. § 12), у местоимений отдельной парадигмы *i*-основ не было, L sg. (другой аспект птозиса J) имел такое же окончание (отличие в ударении было, но ударение не распространялось на другие падежи), I sg. имел специализированные окончания для мужского и женского родов (ср. примеч. 10); 2) *kameni* A pl.— NA du.; подходящего окончания также не было[22]; *materi* NA pl.— du., двойственное число представлено лишь в старочешском (*dceři*, отмечено несколько раз), где действительно в A pl. регулярным было окончание из номинатива: *mateře*, *dceře* NA pl.; *slovesi* NA du.— NA du. м. р.— первоначально выхода не было, позднее см. § 19; 3) *kon'i* A — I pl., см. § 16е; 4) *ženě* D — L sg., см. там же; 5) *duši* D — L sg., см. там же.

Ударением различаются следующие формы: *vъlky* A — I pl. *o*-основ; *kosti* D — L sg.; *gosti* A pl., *kosti* NA pl.— NA du.; ср. также § 16е.

21. NA sg. ср. р. *u*-основ в результате фонетического развития совпал с тем же птозисом м. р.: -*u* NA sg. ср. р., -*us* N sg. м. р. и -*um* A sg. м. р.> -*ъ* (*medъ*, *synъ*); подобное развитие происходило и в двойственном числе; вероятно, и NA pl. ср. р. оканчивался в и.-е. на -*ū* [23] и затем слился с A pl. м. р. Эти процессы вели к утрате категории среднего рода у *u*-основ; сказанное можно распространить и на *i*-основы среднего рода. Основы на -*i̯u*- в процессе морфологического развития восприняли целый ряд окончаний *i̯o*-основ; это настолько нарушило деклинационную систему *i̯u*-основ, что они в своем склонении полностью слились с *i̯o*-основами уже в предысторический период.

Перевела с чешского *О. А. Лаптева*

---

[20] Однако ср. ст.-чеш. *mateře* NA pl., лишь однажды отмечено *dceři* N pl.

[21] Развитие конечных слогов автором понимается несколько иначе, чем в существующих теориях; см. об этом подробнее: F. V. Mareš, Vznik a raný vývoj slovanské deklinace, сб. «Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii», Praha, 1963 [в печати].

[22] Окончание -*e* в другом аспекте птозиса R, т. е. в N, существовало, собственно, лишь у существительных на -'*āne*, -*ar'e*, -*tel'e* (A pl. здесь опять-таки оканчивался на -*y* и -*ę*, сев.-слав. -*ě*; -*i* засвидетельствовано, но очень редко); в других случаях N pl. имел собирательное окончание -*ьje*: *dьnьje*, *kamenьje*, которое было специализировано в соответствии с родом.

[23] Об этом, кажется, свидетельствует изолированная параллельная форма NA pl. ср. р. *tri* *i*-основ, чему должно было бы соответствовать -*ā* > -*y* у *u*-основ.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. В. СОЛНЦЕВА, В. М. СОЛНЦЕВ

К ВОПРОСУ ОБ АГГЛЮТИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(К типологической характеристике современного китайского языка)

Понятия изоляции, агглютинации и флексии обычно противополагаются как характеризующие разные морфологические типы языков. Вместе с тем сейчас уже не признают существования вполне «чистых» морфологических типов, наоборот, говорят о существовании смешанных типов, в которых один из признаков (изоляция, агглютинация или флексия) является ведущим, определяющим общую характеристику данного типа[1]. При этом обычно подразумевают сосуществование элементов: во флективных языках, например, наряду с флексией отмечаются элементы агглютинации и т. д. Именно в этом смысле обычно говорят и об элементах агглютинации в китайском языке, отмечая в качестве ведущей типологической черты изоляцию[2]. Более того, признание в китайском языке элементов агглютинации ведет иногда к отрицанию последовательно изолирующего характера китайского языка[3]. Наблюдение, однако, показывает, что современный китайский язык не использует формы своих слов для выражения отношений и связей между словами и, с точки зрения техники выражения отношений, остается языком изолирующим. Если это наблюдение правильно, то оно может говорить либо о том, что явления, определяемые как явления агглютинации, в действительности не являются таковыми, либо о том, что явления агглютинации и изоляции не обязательно исключают друг друга.

В связи со сказанным возникает необходимость подробнее осветить следующие вопросы: 1) каковы особенности изоляции, приписываемой китайскому языку в качестве типологической характеристики? 2) что представляют собой те явления, которые подводятся под понятие элементов агглютинации, и насколько правомерна такая их квалификация? 3) каково соотношение изоляции и агглютинации в китайском языке?

---

[1] См. об этом: Э. Сепир, Язык, М.— Л., 1934, стр. 96; П. С. Кузнецов, Морфологическая классификация языков, [М.], 1954, стр. 13.

[2] Китайский язык многими исследователями определяется как «аморфный» в смысле отсутствия у слов каких бы то ни было морфологических форм. «Аморфность» китайского языка обычно ставится в связь с его изолирующим характером. Неприменимость термина «аморфный» к современному китайскому языку подробно обоснована в статье Н. И. Конрада «О китайском языке» (ВЯ, 1952, 3, стр. 72—78), а также в ряде других специальных работ, поэтому возвращаться к проблеме аморфности китайского языка нет необходимости.

[3] См. об этом, например, в примечании Н. Д. Андреева в кн.: Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов, М., 1960, стр. 116. Из этого примечания, между прочим, следует, что обнаруживаемые в пределах одного языка (в данном случае китайского) признаки изоляции и агглютинации ставятся в исключающие отношения: агглютинация сужает сферу изоляции.

*

Проблема изоляции прежде всего есть проблема способа выражения отношений между словами[4]. Поэтому для раскрытия понятия изоляции в китайском языке следует обратиться к рассмотрению техники выражения отношений и связей между словами[5].

В китайском языке наряду с порядком слов (действие которого обусловлено грамматической значимостью слов как частей речи) в качестве средства установления или реализации грамматических связей между словами используются различные служебные морфемы. Способ порядка слов характерен для изоляции. Что же касается служебных морфем, то с изоляцией совместимы лишь те, которые имеют характер служебных слов. Если служебные морфемы одновременно входят в состав слов как их морфологические компоненты и обслуживают выражение синтаксических отношений, то они, естественно, нарушают изоляцию. Рассмотрим в этой связи основные служебные морфемы, которыми располагает китайский язык. Их рассмотрение существенно и для раскрытия понятия изоляции, и для характеристики явлений, предположительно определяемых как явления агглютинации.

Служебные морфемы китайского языка в зависимости от своего назначения и использования (с точки зрения чисто функциональной) могут быть разделены на три основных класса[6]:

1. Морфемы, обслуживающие выражение отношений между словами. К ним относятся предлоги: *цзай* «в», *цун* «от, из», *гэй* «для», *юн* «с помощью» и т. д.; послелоги: *шан* «на», *ли* «внутри» и т. д.; морфемы *ба* (показатель объекта в препозиции к сказуемому), *ды* (атрибутивно-именная морфема), *со*, *дэ*; союзы: *хэ* «и», *тун* «и, совместно с», *бин* (*бинце*) «а также» и т. д.

2. Морфемы, обслуживающие предложение в целом или его отдельные части. Сюда входят вопросительные, модальные и эмфатические частицы: *лэ*, *ни*, *ма*, *ба*, *а* и т. д.[7].

3. Морфемы, обслуживающие отдельные категории слов — либо по линии словообразования (например, словообразовательные суффиксы и «полусуффиксы» существительных *-цзы*, *-эр*, *-тоу*, *-син*, *-чжуи* и т. п.), либо по линии выражения сопутствующих (частных) грамматических категорий (например, показатели вида глагола *-ла*, *-чжо*, *-го* и показатель числа личных местоимений и существительных, обозначающих лица, *-мынь*). К этому же классу по признаку обслуживания отдельных категорий слов относятся показатель порядковых числительных *ди-* и так называемые счетные слова *гэ*, *цзянь*, *чжи*, *бэнь* и т. д.

---

[4] См. об этом, например, в определении изолирующих языков в указанной работе П. С. Кузнецова (стр. 13—14).

[5] Недостаточная изученность в китайском языке единицы, именуемой «словом», а также многообразие свойств этой единицы удерживают нас от искушения прибавить к многочисленным определениям слова еще одно. Вместе с тем слово «есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка» (Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 111). Поэтому, несмотря на известную нечеткость понятия слова, мы считаем возможным использование термина «слово» для обозначения единицы, способной к отдельному синтаксическому употреблению в речи. Этим слово (знаменательное или служебное) противополагается не-слову — элементу, включающемуся в структуру предложения не непосредственно, а только в соединении с каким-либо другим конкретным элементом, т. е. в составе другой единицы. [Любой служебный (незнаменательный) элемент языка, независимо от того, чем он является — служебным словом или аффиксом, мы обозначаем термином «служебная морфема» или, краткости ради,— «морфема».]

[6] Люй Шу-сян и Сунь Дэ-сюань в работе «Коротко о служебных словах» (журн. «Чжунго юйвэнь», 1956, 6) делят служебные элементы на восемь классов. Предлагаемое нами деление лежит в иной плоскости и поэтому в целом не совпадает с делением на восемь классов, которое тем не менее нами учтено.

[7] Этот класс морфем целиком совпадает с выделенной Люй Шу-сяном и Сунь Дэ-сюанем группой А.

Эти три класса, охватывающие все основные разновидности служебных морфем (о морфеме *бэй* — показателе пассива, включение которой в тот или иной класс затруднительно, см. ниже), достаточно четко противопоставлены и, как правило, не перекрещиваются, т. е. существуют параллельно. Иначе говоря, как правило, каждая морфема входит только в один класс и не совмещает в себе функций, на основании которых выделены сами эти классы.

Морфемы 1-го и 2-го классов, т. е. те, которые выражают отношения между словами, и те, которые обслуживают либо предложение в целом, либо его части, ни грамматически, ни лексически не модифицируют значений слов и поэтому не связаны непосредственно со словом. Эти морфемы включаются в состав предложения в качестве синтаксически отдельных элементов и либо вообще не присоединяются к конкретным словам (модально-вопросительные частицы), либо, как правило, свободно отделяются от знаменательных слов, отношения между которыми они обслуживают, посредством других знаменательных слов — определений, обстоятельств, дополнений (это касается предлогов и союзов). Они представляют собой служебные слова, характеризующиеся разной степенью грамматикализации. Особой оговорки требует морфема первого класса *ды*, которая при разных частях речи обнаруживает разные свойства. Эта морфема почти единодушно признается во всех функциях служебным словом[8]. Однако в сочетании с прилагательными (*бай* «белый»→*бай-ды* «белый») она иногда рассматривается как суффикс[9], образующий «полную форму» прилагательного[10]. В настоящее время, по-видимому, больше данных считать *ды* при прилагательных служебным словом. Если дальнейшие исследования покажут, что *ды* в этой роли является все же суффиксом, то, очевидно, придется признать существование омонимичных *ды* — суффикса и служебного слова.

Непосредственно со словом связаны лишь морфемы 3-го класса. За вычетом собственно словообразовательных морфем, которые не имеют отношения к проблеме изоляции как к проблеме выражения отношений между словами[11], остальные морфемы 3-го класса могут быть разделены на две подгруппы. Первую подгруппу составляют морфемы, имеющие характер суффиксов и выражающие значения сопутствующих грамматических категорий слов (например, глагольные суффиксы *-ла*, *-чжо*, *-го* и суффикс множественности лиц *-мынь*). Это формообразовательные элементы в чистом виде. Присоединяясь к словам, они образуют их различные формы.

Особенностью всех форм слов в китайском языке является их полная независимость в речи друг от друга. Употребление слова в той или иной форме обусловлено исключительно потребностью выразить то или иное значение. Ни одна форма не приобретается словом под влиянием других форм[12]. Например, форма числа в китайском языке изолированно присуща одной группе слов — личным местоимениям и существительным, обозначающим лицо, поэтому независимо от того, в форме какого числа употреблено слово, сочетающееся с ним слово остается неизменным. На-

[8] См.: Л ю й Ш у - с я н, Очерк грамматики китайского языка, I, М., 1961, стр. 39; Ю. В. Р о ж д е с т в е н с к и й, О *ды* — служебном слове современного китайского языка, сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958.

[9] См., например: Ли Ц з и н ь - с и, Синь чжу гоюй вэньфа (Грамматика современного национального языка), Шанхай, 1933.

[10] См.: И. О ш а н и н, Учебник китайского языка, М., 1946, стр. 107, 134; В. М. С о л н ц е в, Очерки по современному китайскому языку, М., 1957, стр. 134, 139—140.

[11] Ср. определение изолирующих языков в указанной работе П. С. Кузнецова.

[12] В русском языке слова также приобретают некоторые формы исключительно в связи с потребностью выразить какое-либо значение; таковой является форма множественного числа существительных (по А. А. Пешковскому, это несинтаксическая формальная категория). Но эта форма с необходимостью вызывает появление соответствующих форм у сочетающихся с существительным слов: *течет бурная река*, но *текут бурные реки*.

пример, *во цзоу* «я пойду» и *вомынь цзоу* «мы пойдем»; *хао хайцзы* «хороший ребенок» и *хао хайцзымынь* «хорошие дети» и т. д.

Отсутствие в китайском языке категорий рода, падежа, изолированный характер категории числа и отсутствие особых классных показателей обусловливает полное отсутствие в языке согласования. Нет также морфологически выраженного управления. Различные по значению сочетания глагола с именем либо никак внешне не различаются (ср. *гай фанцзы* «строить дом» и *чжу фанцзы* «жить в доме»), либо различаются за счет предлогов и послелогов. Форма слов при этом остается неизменной. Можно констатировать, что в китайском языке отсутствует индуцирование одной формой другой или других форм. Эта особенность форм слова является главным проявлением и в то же время признаком изоляции в китайском языке.

Вторая особенность изоляции в китайском языке заключается в отсутствии (или почти полном отсутствии) связи между формой слова и его функционированием, а также между формой слова и его синтаксической сочетаемостью. Видовые (или, в трактовке А. А. Драгунова, смешанные видо-временные[13]) формы могут быть у глагола при использовании его в разных синтаксических функциях: в роли сказуемого, определения и даже подлежащего[14]. При этом разные формы глагола не обнаруживают различий в сочетаемости с окружающими глагол словами. Сочетаемость любой суффиксальной глагольной формы та же, что и сочетаемость бессуффиксальной формы того же глагола[15]. Аналогичные свойства обнаруживаются у форм существительных и местоимений, образованных суффиксом *-мынь*. Можно констатировать, что функции и сочетаемость любой формы, выражающей значение частной грамматической категории, равны функциям и сочетаемости любой другой формы этого слова. В синтаксическом отношении разные формы одного слова являются равноценными.

Особого упоминания требует служебная морфема *бэй*, показатель пассива. *Бэй* — уникальная служебная морфема в том смысле, что она не подводится вполне определенно ни под один из существующих трех классов служебных морфем: в некоторых отношениях *бэй* ведет себя подобно морфемам 3-го класса, в других — подобно морфемам 1-го и 3-го классов одновременно[16]. Многообразие свойств морфемы *бэй* не позволяет отнести

---

[13] А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I, М.— Л., 1952, стр. 95.

[14] В функции сказуемого глагол наиболее свободно и полно реализует свои возможные видовые (или видо-временные) формы. В других функциях использование этих форм сравнительно ограничено, хотя и не исключено.

[15] Существует мнение, что суффикс *-чжо*, употребляясь с некоторыми переходными глаголами (типа *фан* «класть»), придает им значение состояния и превращает в непереходные и тем самым меняет их синтаксическое использование. Отсюда можно сделать вывод, что этот суффикс в какой-то мере регулирует синтаксические связи глагола, что как будто бы нарушает последовательную изоляцию. Это, однако, не так. Дело в том, что подобное явление наблюдается только у определенной группы глаголов, которые в разных условиях могут выступать то как переходные, то как непереходные, независимо от наличия суффикса. Поэтому, перефразируя слова Л. В. Щербы, можно сказать: не суффикс придает глаголу значение состояния и изменяет его синтаксические связи, но, наоборот, глагол принимает этот суффикс именно потому, что он сам уже обладает значением состояния.

[16] В двучленных (по количеству знаменательных слов) построениях типа «подлежащее — сказуемое» на месте сказуемого может стоять как сочетание «*бэй* + глагол», так и один глагол. В обоих случаях синтаксическое отношение глагола к предшествующему имени остается неизменным: оба случая подводятся под отношение «подлежащее — сказуемое». В таких двучленных построениях *бэй*, с одной стороны, придает глаголу пассивное значение (подлежащее при этом обозначает реальный объект), с другой стороны, на уровне членов предложения не влияет на синтаксическую связь слов. Морфему *бэй* может иметь глагол при использовании его в разных синтаксических функциях: в роли сказуемого, определения, подлежащего и т. д. В этом плане *бэй* ведет себя подобно морфемам 3-го класса: модифицирует грамматическое значение глагола — выражает значение страдательного залога и не влияет на его синтаксические функции, но сочетание «*бэй* + глагол» все же демонстрирует способность влиять на

ее безоговорочно к морфемам 3-го класса. Если дальнейшее изучение *бэй* покажет, что она все же должна быть отнесена к морфемам 3-го класса, то придется констатировать, что *бэй* в какой-то мере нарушает последовательную изоляцию китайского языка. Однако один элемент не может изменить общей картины.

Можно считать, что различия в функционировании и сочетаемости в целом не связаны с формами отдельных слов. Эти различия определяются прежде всего отнесенностью слов к разным грамматическим классам и подклассам и связаны исключительно с внутренними свойствами слов (грамматическая значимость слов как частей речи или принадлежность к разным лексико-грамматическим подклассам в пределах одной части речи, например принадлежность глаголов к переходным или непереходным). Указанные выше свойства определяют изолирующий характер китайского слова и любой из его форм и позволяют определить китайский язык как последовательно изолирующий.

Что касается второй подгруппы морфем 3-го класса (показателя порядковых числительных *ди-* и «счетных слов» типа *гэ*, *цзянь*, *чжи* и т. д.), то они не являются выразителями сопутствующих грамматических категорий в обычном смысле, но модифицируют значения слов. Так, *ди-*, присоединяясь в качестве префикса к любому количественному числительному, превращает его в порядковое. По содержанию этот процесс похож на словообразование, однако по внешнему выражению образование порядковых числительных не отличается от образования аффиксальных форм слов. Порядковые числительные не являются самостоятельными словарными единицами и выступают в речи как формы количественных. У порядковых числительных (*диигэ* «первый», *дисаньгэ* «третий») обнаруживаются некоторые свойства, отличающие их от количественных числительных. Тем не менее морфема *ди-* не обслуживает выражения синтаксических связей слов.

Так называемые «счетные слова» морфологически выступают как суффиксы числительных, придавая им предметную отнесенность: *и* «один» (необязательно о предмете), *игэ* «один» (обязательно о предмете). Поэтому числительные со «счетными суффиксами» (*игэ* «один», *лянгэ* «два»), в отличие от числительных без этих суффиксов, могут употребляться просубстантивно, заменяя опущенное существительное. Указывая на единичность, штучность существительных, «счетные суффиксы» обычно употребляются при числительных, когда последние служат определениями существительных: *игэ жэнь* «один человек», однако не являются средством связи этих знаменательных слов, поскольку числительное может сочетаться с существительным (например, при отсутствии необходимости выразить значение единичности, штучности существительных) без посредства этих морфем: *жинэйва хуи лян чжуси* «два председателя Женевского совещания» («Жэньминь жибао»).

«Счетные суффиксы», как и морфема *ди-*, не служат для выражения синтаксических связей слов, а также не «индуцируют» никаких форм у других слов. В силу этого они не нарушают изоляции как принципа выражения

синтаксические связи слов. После сочетания «*бэй* + глагол» нельзя поставить обычного прямого дополнения, как после этого же глагола без *бэй*, но можно поставить подлежащее: *Цвай наньчжань бэй чжасыла цзи байгэ лаобайсин* (Се Тин-юй) «На южной станции было убито несколько сот жителей». В этом смысле *бэй* в известной степени выступает как регулятор синтаксических связей слов. Кроме того, в трехчленных построениях П — *бэй* — Д — С *бэй* ставится перед дополнением, обозначающим субъект действия, и, подобно морфемам 1-го класса — предлогам *ба*, *юй*, *гэй* и т. п., позволяет этому дополнению занимать позицию между подлежащим и сказуемым. Здесь *бэй* совершенно отчетливо становится в ряд со служебными словами-предлогами, регуляторами синтаксических связей слов. Выполняя предложную функцию, т. е. ведя себя как служебное слово, *бэй* сохраняет связь с глаголом в плане указания на его пассивность, модифицирует значение глагола. Здесь *бэй* ведет себя и как морфема 1-го класса, и как морфема 3-го класса одновременно.

отношений между словами, хотя и не в полной мере отвечают второй особенности изоляции, поскольку их присоединение к знаменательным словам в какой-то мере изменяет функциональные свойства последних.

Сказанное может быть в полной мере распространено и на морфему *ды* при прилагательных, если признать ее в этом использовании суффиксом (и, следовательно, отнести ее к числу морфем 3-го класса). Если признать, что *ды* действительно образует «полную форму» прилагательных, то следует учитывать, что эта форма в функциональном отношении отличается от краткой. Во-первых, «полная форма» в случае ее атрибутивного употребления отличается по своему значению, выступая в качестве так называемого детерминирующего определения, и, во-вторых, она может употребляться просубстантивно. Однако *ды* при прилагательных не выступает как средство связи слов (с *ды* и без *ды* прилагательное одинаково сочетается с последующим существительным, образуя определительное словосочетание); наличие *ды* при прилагательных не обусловлено никакими формами других слов и не обусловливает само наличие каких бы то ни было форм других слов. Поэтому, даже если *ды* при прилагательных — морфема 3-го класса (что, повторяем, весьма проблематично), ее функционирование не противоречит принципу изоляции.

*

Обратимся теперь к рассмотрению тех явлений, которые подводятся под понятие элементов агглютинации. Проблема агглютинации есть в первую очередь проблема строя отдельного слова и его форм. Элементы агглютинации в китайском языке могут быть представлены только морфемами 3-го класса — словообразовательными и формообразовательными — как непосредственно связанными со словом. Остановимся на рассмотрении формообразовательных морфем, выразителей сопутствующих грамматических категорий; их грамматическая природа вызывает наибольшие разногласия и споры китаистов.

Сопоставление этих морфем-аффиксов с какими-либо другими аффиксами в самом китайском языке проведено быть не может за отсутствием таковых. Следовательно, основой для их характеристики может служить сопоставление их с другими служебными морфемами китайского языка и аффиксами языков других систем. Отличие этих морфем от других служебных морфем китайского языка состоит, во-первых, в том, что они непосредственно связаны со словом (выражают сопутствующие грамматические значения этого слова, не меняя его лексического значения), и, во-вторых, не указывают на отношения к другим словам. Сопоставление с аффиксами языков иных систем, а именно — языков, относимых к флективным и агглютинативным, обнаруживает явное сходство свойств китайских аффиксов с аффиксами агглютинативных языков (при наличии у китайских аффиксов некоторых специфических черт). К числу этих свойств относятся следующие:

1. Однозначность в конкретном употреблении. Анализ конкретной речевой цепи, в которой употреблен тот или иной аффикс, позволяет установить одно и только одно значение у данного аффикса. В других речевых условиях тот же аффикс может иметь другое значение. Так, суффикс *-ла*, обычно передающий значение совершенности действия, в некоторых случаях может выражать значение длящегося состояния [например: *лян пан фанла багэ цы дэн* (Ба Цзинь, Семья) «По обеим сторонам стояли (буквально: лежали) восемь фарфоровых скамеек»; значение совершенности в этом примере отсутствует]. Важно отметить, что каждое значение реализуется лишь в определенном круге глаголов и в определенной конструкции; иначе говоря: каждому значению соответствует своя конструкция или совокупность конструкций, в пределах которой аффикс употребляется однозначно и в том же самом значении.

Констатируемая многозначность аффиксов, таким образом, не препятствует их однозначности в конкретном употреблении. Более того, эта многозначность находится в пределах одной категории. Разные значения аффиксов, реализуемые в разных речевых условиях, остаются в пределах категории вида (или, как ее иначе определяют, смешанной видо-временной категории). Случаев, когда наряду с данным категориальным значением аффикс передает значение какой-либо еще категории, в китайском языке нет.

2. Китайские аффиксы характеризуются далее механическим соединением с основой. Аффиксы присоединяются к основе путем «приклеивания». Граница между морфемами видна отчетливо. При этом в случае наличия ряда аффиксов (глагол одновременно может иметь два видовых аффикса) за каждым закрепляется определенное место (например: *кань-го-ла* «смотрел, приходилось смотреть»—поменять местами *-го* и *-ла* нельзя).

3. Третья особенность аффиксов заключается в их способности осуществлять групповое оформление ряда однородных членов. Эта черта характеризует все аффиксы, например: [*гунжэнь сюешэн*] + *мынь* «рабочие и студенты» (суффикс *-мынь* стоит после второго слова, относясь к каждому из них); [*таолунь бин тунго*] + *ла* «обсудили и приняли» (суффикс *-ла* стоит после комплекса из двух однородных глаголов, соединенных союзом *бин*), и т. д.

4. Аффиксы характеризуются далее так называемой факультативностью употребления, т. е. возможностью опущения при сохранении передаваемого значения. При этом данное значение передается или за счет введения каких-либо других слов, или даже за счет контекстового окружения; ср. *сюешэн доу лайла* и *сюешэнмынь* [*доу*] *лайла* «все студенты пришли».

Само явление факультативности обусловлено сравнительно поздним появлением современных аффиксов, которые стали «приклеиваться» к словам, уже претерпевшим дифференциацию по грамматическим классам (глагол, существительное) в условиях отсутствия аффиксов и имевшим характер «абсолютных форм», т. е. форм, способных в соответствующем синтаксическом окружении передавать те значения (число, совершенность, длительность и т. д.), которые с появлением аффиксации стали передаваться при помощи аффиксов и, таким образом, приобрели характер сопутствующих грамматических категорий. Иначе говоря, аффиксы приняли на себя функцию выражения определенных значений и тем самым «создали» частные грамматические категории, связав их выражение с формами отдельных слов.

В современном языке основа без аффикса может выступать как грамматически законченное слово (таковым оно уже было до появления аффиксов). При этом оно выступает либо в качестве абсолютной формы (т. е. формы, допускающей ее использование в разных значениях), либо в качестве нулевой формы (т. е. формы, обладающей определенным частнограмматическим значением за счет отсутствия аффикса по противопоставлению суффиксальным формам). Так, например, отсутствие видовременного суффикса у глагола *чы* в построении *во чы* «я буду есть» противопоставлено суффиксальной форме *чыго*, которая никогда не может значить «буду есть», но только «едал, приходилось есть» (или иногда просто «ел»). Бессуффиксальная форма *чы* по противопоставлению с *чыго*, *чыла*, *чычжо* есть нулевая форма. В той же мере, в какой она допускает употребление в разных значениях («ел», «есть», «будет есть»), она есть абсолютная, иначе говоря, немаркированная форма. Возможность одновременного употребления при одной основе двух видовых суффиксов, например *-го* и *-ла*, говорит о том, что они противопоставлены не друг другу, а противопоставлены порознь нулевой форме глагола.

Указанные свойства аффиксов позволяют охарактеризовать их как класс агглютинативных суффиксов и тем самым констатировать наличие элементов агглютинации в китайском языке.

*

Некоторые китайские лингвисты считают возможным говорить не об агглютинации в китайском языке, а об анализе и рассматривать агглютинативные формы слов как сложные аналитические формы[17]. Основанием для этого служит известное сходство описанного выше китайского способа выражения сопутствующих грамматических значений со способом образования аналитических форм слов; это сходство проявляется в том, что и в первом и во втором случае морфема — носитель добавочного грамматического значения — может находиться вне слова. Несмотря на это, китайский способ выражения частных грамматических значений, с нашей точки зрения, следует определить именно как агглютинацию, а не анализ, по следующим причинам.

Понятие аналитической формы выработано на материале флективных языков. Сама аналитическая форма определяется именно как форма, поскольку она входит в парадигму флективных синтетических форм, и на фоне этих синтетических форм; при этом «каждый из элементов, составляющий аналитическую форму, может одновременно входить как флективная форма слова в другой морфологический ряд»[18]. В силу этого служебный элемент аналитической формы всегда отчетливо сохраняет свою синтаксическую отдельность как в контактном, так и в дистантном расположении относительно основного слова. Поэтому при анализе добавочное грамматическое значение всегда базируется на элементе, находящемся вне слова.

Иное положение наблюдается в китайском языке. Во-первых, в китайском языке все рассмотренные формы слов однотипны; здесь нет «фона», который оттенял бы те или иные из этих форм как аналитические в противовес синтетическим[19]. Во-вторых, служебные морфемы в китайском языке выступают именно как отделяемые части слов, а не как отдельные слова, могущие входить в какие-либо иные морфологические ряды.

При анализе сложную форму можно охарактеризовать как «слово в слове». В китайском языке служебная морфема не представляет собой слова вообще, так как она не соотносима ни с каким классом существующих слов — будь то служебные или знаменательные. Сопутствующее грамматическое значение базируется то на части слова, «приклеенной» к основе, то на этой же части, отделенной от нее. Наконец, в аналитической форме слова, как она теоретически определена на базе флективных языков (а иного толкования аналитической формы нет), основная грамматическая нагрузка ложится на служебный элемент, который определяет его сочетаемость с другими словами. В китайском основная синтаксическая нагрузка лежит на основе, которой определяется сочетаемость всего комплекса.

Таким образом, «китайский» способ выражения добавочных грамматических значений при помощи суффиксов не может быть подведен под существующее понятие аналитической формы.

---

[17] См., например: Гао Мин-кай, Юйфа фаньчоу (Грамматические категории), сб. «Юйфа лунь цзи», II, Пекин, 1957, стр. 65.

[18] См. В. Н. Ярцева, Об аналитических формах слова, «Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], посв. дискуссии о морфологической структуре слова в языках различных типов», Л., 1960, стр. 10.

[19] Если в китайском языке будут обнаружены формы слов иного типа то рассмотренные выше формы слов сами будут служить фоном для их иной морфологической оценки.

*

Поскольку элементы агглютинации, представленные агглютинативными суффиксами, не служат для выражения отношений между словами, постольку они не нарушают общего изолирующего характера строя китайского языка. Развитие агглютинации происходит в рамках изоляции и не ломает ее в целом последовательный характер. Более того, сама агглютинация в китайском языке носит ярко выраженный изолирующий характер, поскольку она представлена формами, не обслуживающими отношения между словами. Агглютинативные формы слов в китайском языке не дают базы ни для согласования, ни для морфологически выраженного управления. Они целиком «морфологичны» в том смысле, что служат лишь для выражения значений частных категорий, но не для связей слов. Китайская агглютинация не противопоставлена изоляции; она и не соседствует с изоляцией, не сосуществует с ней в смысле разграничения сфер агглютинации и изоляции, а органически входит в нее.

Нарушение последовательной изоляции могло бы иметь место в случае развития падежной системы. Однако возможные «кандидаты» в падежные форманты — послелоги (из которых в ряде языков развиваются падежные формы) в китайском языке этимологически отчетливо связаны со знаменательными словами и не обнаруживают тенденций к превращению в падежные показатели. Развитие суффиксальной агглютинации в китайском языке не позволяет характеризовать этот язык как аморфный и корневой, однако не оказывает заметного влияния на его изолирующий характер.

Материалы китайского языка показывают, что изоляция и агглютинация не обязательно находятся в исключающих отношениях. Язык может быть и изолирующим, и агглютинирующим одновременно. Объясняется это, очевидно, тем, что понятия изоляции и агглютинации, поставленные традицией в один ряд, в действительности являются разноплановыми понятиями. Понятие изоляции — это характеристика способа выражения отношений между словами, но не особенностей строения слова. Понятие агглютинации — это характеристика строения слова и способа соединения знаменательных и служебных морфем в слове.

Классические агглютинативные языки используют свою аффиксацию для выражения отношений между словами в речи. Это, по-видимому, привело к отождествлению понятия агглютинации со способом выражения отношений между словами, противопоставленным изоляции. С другой стороны, понятие изолирующих языков традицией ассоциировалось с понятием корневых языков[20]. Это в свою очередь привело к отождествлению понятия изоляции с понятием об особом типе устройства слова и переносу собственно синтаксической характеристики языка в план морфологической его характеристики. Материалы китайского языка говорят о неправомерности такого подхода.

Агглютинирующий язык может быть противопоставлен изолирующему только в том случае, если его аффиксация обслуживает выражение отношений между словами. В противном случае языку в равной мере и одновременно могут быть присвоены две характеристики: в морфологическом плане — агглютинация, в синтаксическом плане — изоляция.

Существующее распределение языков на три типа: изолирующие, агглютинативные и флективные — фактически базируется на разных основаниях. Агглютинация и флексия — чисто морфологические характеристики. Изоляция — чисто синтаксическая характеристика. Именно в силу этого между изоляцией и агглютинацией возможны невзаимоисключающие отношения, как это имеет место в современном китайском языке.

---

[20] См. Ж. Марузо, указ. соч., стр. 116.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ И АНАЛИЗА ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

I. Способы описания тюркского вокализма и сингармонической огласовки аффиксов

В одной из последних работ, посвященных гармонии гласных в тюркских языках[1], отмечается важность описания и анализа этого явления для понимания как общих особенностей тюркского вокализма, так и своеобразия фонетического строя различных языков тюркской группы. В той же работе показано, что составление специальных условных схем отношений гласных фонем смежных слогов тюркского слова позволяет построить наглядные графические модели для описания систем гармонии гласных, существующих в современных тюркских языках.

В данной статье предлагается использовать ряд новых способов описания систем гармонии тюркских гласных, каждый из которых может быть более удобным в своей сфере применения. Делается также попытка увязать особенности сингармонических систем конкретных тюркских языков с результатами акустического анализа тюркских гласных и со статистическими данными о проявлении губной гармонии в современных тюркских языках и ряде их диалектов. При этом, как и в упоминаемой работе, за исходное берется положение, что для описания гармонии гласных в подавляющем большинстве тюркских языков достаточно учитывать противопоставление гласных лишь по трем артикуляционным признакам: по подъему, ряду и наличию или отсутствию огублённости. Следовательно, мы будем также исходить из «общетюркской восьмерки» гласных фонем в начальном слоге слова (*a*, *ä*, *o*, *ö*, *y*, *i*, *u*, *ü*)[2].

Поскольку каждый аффиксальный гласный в конкретных словах совпадает акустически и артикуляционно с тем или иным гласным начального слога, для описания первых следует пользоваться теми же тремя артикуляционными признаками. Будем называть их просто вокалическими различительными признаками, если не возникнет необходимость специально подчеркивать, является ли данный различительный признак релевантным с точки зрения смыслоразличения или наличие его обусловлено исключительно сингармоническими отношениями, т. е. он обладает лишь сингармонической релевантностью. Основная особенность предлагаемых методов описания и анализа гармонии гласных в тюркских языках (точнее — сингармонической огласовки аффиксов тюркского слова) заключается в том, что рассматривается не взаимодействие гласных фонем в слове, а взаимодействие их различительных признаков. При таком под-

---

[1] См. М. А. Черкасский, Опыт формального описания гармонии гласных в тюркских языках, ВЯ, 1961, 5.

[2] При этом мы будем пользоваться той же системой соответствий между буквами латинской транскрипции и буквами алфавитов тюркских языков, что и в приведенной выше статье Черкасского. Существующие в ряде тюркских языков пары негубных широких гласных переднего ряда *e* (*э*) и *ə* мы также будем обозначать одной буквой *ä*, так как с точки зрения сингармонизма различие этих гласных несущественно [см. об этом А. А. Реформатский, О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 103].

ходе удается не только дать наглядные геометрические образы сингармонических моделей, но и полностью описать взаимодействие гласных при сингармонизме несложными математическими формулами и предложить блок-схемы электронных автоматов, моделирующих процесс огласовки аффиксов тюркского слова.

Описание системы тюркских гласных в терминах их основных артикуляционных характеристик (графы I, II и III прилагаемой таблицы) может быть представлено следующим образом:

Таблица 1

№ № п/п	Транскрипция гласного	Основные артикуляционные характеристики гласного («различительные признаки»)		Цифровое изображение гласного	Системный номер гласного
I	II	III		IV	V
1	*a*	твердый (задний ряд)	негубной, широкий (нижний подъем)	000	0
2	*y*		негубной, узкий (верхний подъем)	001	1
3	*o*		губной, широкий	010	2
4	*u*		» , узкий	011	3
5	*ä*	мягкий (передний ряд)	негубной, широкий	100	4
6	*i*		» , узкий	101	5
7	*ö*		губной, широкий	110	6
8	*ü*		» , узкий	111	7

Условимся и в дальнейшем пользоваться данной очередностью указания различительных признаков: ряд, губность (негубность), подъем. Для краткости этот перечень в общем виде будем обозначать последовательностью начальных букв: РГП. Эту последовательность можно рассматривать как буквенную алгебраическую форму записи тюркского гласного. Введем еще одно сокращение. Будем считать, что каждый из признаков имеет по две градации — 0 или 1 и вместо слов «передний ряд», «губность» и «верхний подъем» будем писать цифру 1, а противоположным градациям различительных признаков, т. е. «задний ряд», «негубность», «нижний подъем», соответственно присвоим цифровое обозначение 0. Тогда все гласные могут быть описаны не только комбинациями словесных названий градаций различительных признаков (графа III табл. 1), но и комбинациями 0 и 1 в последовательности РГП (графа IV). Эту форму записи тюркских гласных будем называть цифровой алгебраической формой. Как известно, полученные таким образом комбинации 0 и 1 могут рассматриваться как запись чисел в двоичной системе счисления. Расшифровка их и представление в обычных цифрах дано в графе V табл. 1. Назовем эти цифры «системным номером гласного».

В тех случаях, когда в отношении некоторых разрядов двоичного числа, представляющих гласный, не будет определенности в том, какую из двух градаций ему приписать — 0 или 1, эти разряды будем обозначать соответствующими буквами: Р, Г или П. Например, перечень знаков РГ1 означает, что для данного гласного известно лишь, что градация подъема у него равна 1, т. е. он является узким, но к какому ряду он принадлежит и является ли губным, неизвестно. Иными словами — это обозначение «узкой» архифонемы, еще не принявшей облик конкретного аллофона. Такое изображение гласного, когда некоторые его различительные признаки заданы при помощи букв, а остальные — при помощи цифр, будем называть смешанной алгебраической формой записи.

Систему противопоставлений тюркских гласных по их основным артикуляционным характеристикам можно изобразить геометрически

при помощи куба[3]. Следовательно, трем парам противоположных граней куба можно поставить в соответствие две градации трех различительных признаков. Тогда пересечения каждой тройки граней куба дадут в вершинах куба комбинации 0 и 1, представляющие цифровую алгебраическую форму записи восьми тюркских гласных (рис. 1)[4]. И, наконец, процесс комбинирования тюркских гласных из их различительных признаков может быть моделирован при помощи автомата, например электрон-

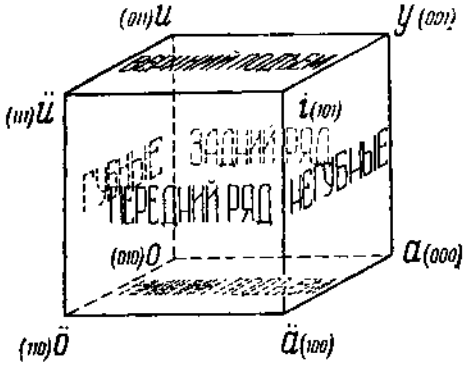


Рис. 1. Геометрическое описание тюркских гласных

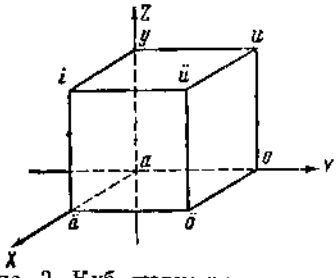


Рис. 2. Куб тюркских гласных в обычной правовинтовой системе координат

ного. Автомат должен состоять из трех последовательных элементов (например, триггеров), способных принимать по 2 устойчивых состояния (которым можно присвоить цифровые значения 0 и 1) и включенных как двоичная пересчетная схема (рис. 3). Если на вход такой схемы подавать

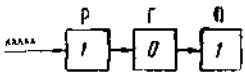


Рис. 3

Рис. 3. Блок-схема электронного автомата для моделирования взаимодействия различительных признаков в системе тюркских гласных. При введении на вход схемы K штук импульсов (например, 5 импульсов) комбинация ее состояний представляет цифровое обозначение гласного с системным номером K (в данном случае — гласного i).

электрические импульсы, число которых равно системному номеру гласного, то триггеры автоматически переходят в такие состояния, что с учетом цифровых значений этих состояний мы поочередно получаем цифровое алгебраическое изображение соответствующего гласного.

---

[3] См.: J. Deny, Principes de grammaire turque («turk» de Turquie), Paris, 1955, стр. 57; Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 236; М. А. Черкасский, указ. соч.; его же, О фонологических отношениях в системе тюркских гласных, «Уч. зап. [Алма-Атинского пед. ин-та иностр. языков]», II, Кафедра русск. языка, 5, 1957, стр. 58; его же, Об особенностях фонологического строения тюркского вокализма, «Народы Азии и Африки», 1962, 5; А. П. Евдошенко, Системул дифференциал ал сунелор балкано-романиче, «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1, 1960.

[4] На рис. 1 использовано такое же расположение граней куба, как и в указанных работах Ж. Дени и М. Черкасского. Однако в будущем целесообразно, по-видимому, переходя к математическим приемам и образам, максимально согласовывать новую терминологию с общепринятой математической. В этом смысле движение языка по вертикали рационально сопоставить с направлением оси z, движение по горизонтали — с направлением оси x; тогда признак губности может разместиться на оси y. Если после этого выбрать обычную правовинтовую систему координатных осей, то куб гласных должен быть изображен в виде, несколько отличном от рис. 1 (см. рис. 2). Следует учесть еще одно замечание. Так как в каждом гласном мы учитываем обязательно 3 различительных признака, то различия гласных заключаются лишь в комбинациях градаций этих признаков. Однако в дальнейшем мы часто будем называть различительными признаками и сами градации, например различительный признак мягкости, твердости, губности и т. п. Это способствует краткости выражения и не противоречит фонологической традиции.

Все перечисленные способы описания системы тюркских гласных, как будет показано далее, позволяют дать строгое описание правил сингармонической огласовки аффиксальных гласных в тюркском слове. Различия этих способов заключаются лишь в их назначении; в частности, алгебраическое описание позволяет свести грамматические правила к формальным математическим преобразованиям, что и дает возможность моделировать процесс огласовки аффиксов при помощи автоматов.

1. Изложение способов описания огласовки аффиксов. Азербайджанский, карачаево-балкарский, кумыкский, тувинский и турецкий языки.

Постараемся дать общие формулировки правил сингармонической огласовки аффиксов тюркского слова[5], иллюстрируя применимость этих правил на материале перечисленных литературных языков, имеющих наиболее часто встречающийся тип огласовки[6].

Общее словесное описание. До момента присоединения тюркского аффикса к конкретному слову аффиксальный гласный задан неполным набором различительных признаков. При присоединении аффикса к слову недостающие различительные признаки аффиксального гласного отождествляются с соответствующими различительными признаками гласного предшествующего слога. Таким образом, гласные цепочки аффиксов, присоединяемых к слову, оказываются по некоторым из различительных признаков тождественными гласному последнего слога корня. Эти общие различительные признаки как бы пронизывают гласные всей цепочки аффиксов (а чаще — и вообще всего слова). Такой процесс уподобления слогов слова по определенным различительным признакам гласных и составляет сущность гармонии гласных как одной из сторон более общего явления, именуемого сингармонизмом. Если теперь перейти к перечисленной группе тюркских языков, то аффиксы в этих языках делятся прежде всего на два типа. К типу 1 относятся аффиксы, у которых в изолированном состоянии в гласном задан лишь различительный признак — высокий подъем, т. е. «узкость» (так называемые узкие аффиксы). В аффиксах типа 2 обязательно заданы различительные признаки — низкий подъем, т. е. «широкость», и «негубность» (так называемые широкие аффиксы). Следовательно, учитывая все возможные градации недостающих различительных признаков аффиксальных гласных в рассматриваемой группе языков, получаем четыре варианта узких аффиксов и два варианта широких.

---

[5] В каждом тюркском языке (имеющем обычно более ста продуктивных аффиксов) существует по нескольку аффиксов, не подчиняющихся законам сингармонизма. Эти аффиксы как исключительные здесь рассматриваться не будут. Из литературных языков мы не будем останавливаться на узбекском и новоуйгурском, так как сингармоническое уподобление гласных в этих языках либо проводится очень непоследовательно, либо вообще не соблюдается, особенно в орфографии.

[6] См.: Ф. Кязимов, Принципы сингармонизма в азербайджанском языке, ИАН ОЛЯ, 1954, 1; В. И. Филоненко, Грамматика балкарского языка, Нальчик, 1940; А. М. Аппаев, Диалекты балкарского языка и их отношение к карачаево-балкарскому литературному языку, Л., 1940; А. Д. Жарихин, У. Ш. Байрамкулов, А.-К. Чанкаев, Учебник по изучению карачаевского языка, Микоян-Шахар, 1941; Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.— Л., 1940; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961; J. Deny, указ соч.; Н. К. Дмитриев, Турецкий язык, М., 1960. Кроме того, этот же тип огласовки аффиксов характерен и для гагаузского языка; отступления от сингармонизма, имеющиеся в гагаузском языке, хотя и более часты, чем, например, в азербайджанском, но не настолько, чтобы их нельзя было считать исключениями. См. Л. А. Покровская, Основные черты фонетики современного гагаузского языка, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», II, Баку, 1960.

Словесное описание геометрической модели сингармонической огласовки аффиксов тюркского слова. Если гласный аффикса задан не всеми плоскостями на кубе гласных, то при присоединении его к конкретному слогу недостающие плоскости нужно взять у гласного этого слога; образовавшийся таким образом пучок из трех плоскостей задает аффиксальный гласный в данном слове.

Геометрическая модель огласовки аффиксов. Каждый тип аффиксов имеет свою модель огласовки. Для рассматриваемых языков эти модели имеют вид, представленный на рис. 4 и 5. После того как определен тип аффикса, на соответствующем кубе следует найти гласный предшествующего слога. Стрелка, если она имеется, указывает на гласный, который должен быть в аффиксе. Если стрелка из данного гласного не выходит, то, значит, в аффиксе должен быть тот же гласный, что и в предшествующем слоге.

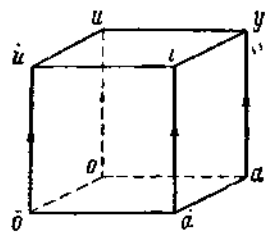


Рис. 4. Геометрическое описание огласовки аффиксов типа 1

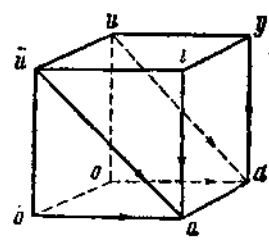


Рис. 5. Геометрическое описание огласовки аффиксов типа 2

Алгебраическое описание. Смешанная алгебраическая форма описания гласного аффиксов типа 1 в рассматриваемых языках запишется в форме РГ1, типа 2 — Р00. Для аналитического расчета аффиксального гласного после слога с заданным гласным можно воспользоваться операцией «наложения», которая сводится к следующему. В первой строке пишется цифровое алгебраическое изображение гласного предшествующего слога. Вторая строка, располагаемая под первой, представляет смешанную алгебраическую форму аффиксального гласного. В третью строку, записанную под второй, сносятся цифровые (а не буквенные) значения аффиксального гласного: в тех позициях, где во второй строке стоят буквы, пишутся соответствующие цифровые значения из первой строки. Таким образом, в третьей строке оказывается записанным в цифровом виде аффиксальный гласный после слога с заданным гласным. Например, расчет огласовки аффиксов типов 1 и 2 после слога, содержащего гласный *ö*, для рассматриваемых языков производится следующим образом:

1) *ö* = 110
РГ1
111 = *ü*

2) *ö* = 110
Р00
100 = *ä*.

Например, в азербайджанском: *чөл* «поле», *чөлүн* «пóля», *чöллэр* «поля»[7].

[7] В дальнейшем мы будем приводить минимальное число примеров, отсылая читателя к цитированной литературе по соответствующим тюркским языкам, а также к работам: Ф. Г. Исхаков, Гармония гласных в тюркских языках, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I — Фонетика, М., 1955 (здесь содержится богатый фактический материал по рассматриваемому вопросу); В. А. Богородицкий, Законы сингармонизма в тюркских языках, в его кн.: «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию», Казань, 1933; М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 89—92.

Электронная модель огласовки. Для моделирования огласовки аффиксов при помощи электронного автомата нужно иметь две триггерные цепочки такого типа, который изображен на рис. 3, соединенных между собой определенным образом (на рис. 6 и 7 представлены модели огласовки аффиксов типов 1 и 2 для рассматриваемых языков).

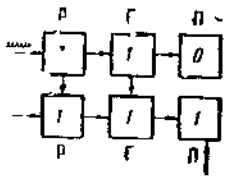


Рис. 6. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 1

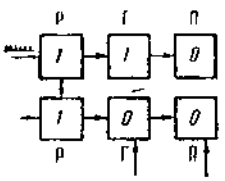


Рис. 7. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 2

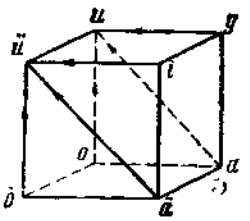


Рис. 8. Геометрическое описание огласовки аффиксов типа 3

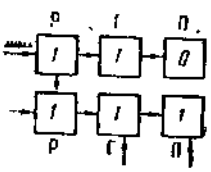


Рис. 9. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 3

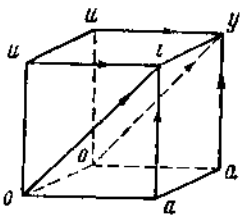


Рис. 10. Геометрическое описание огласовки аффиксов типа 1а

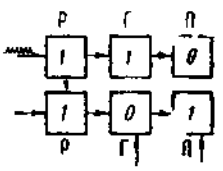


Рис. 11. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 1а

Часть сигналов, соответствующих незаданным различительным признакам, поступает с верхней цепочки триггеров на нижнюю; часть сигналов, моделирующих заданные различительные признаки, подается на соответствующие триггеры извне. Таким образом, комбинация состояний триггеров нижней цепочки представляет цифровую алгебраическую форму записи аффиксального гласного после слога с заданным гласным (на рис. 6 и 7 — после слога с гласным *ö*). Кроме рассмотренных двух основных типов аффиксов (широких и узких), в большинстве рассматриваемых тюркских языков (если учитывать диалекты, то вообще во всех без исключения тюркских языках) существует еще третий тип аффикса, характерный тем, что в качестве обязательного, заданного различительного признака в нем представлен признак губности. Кроме того, как правило, этот аффикс выступает в узком варианте. Следовательно, смешанная алгебраическая форма записи аффиксов третьего типа такова: Р11.

В качестве примера возьмем одну из разновидностей аффикса имени действия в карачаево-балкарском языке. Этот аффикс после согласных выступает в виде *-uw/-üw*, после гласных — в виде *-w*[8]. Геометрическая модель его огласовки представлена на рис. 8, электронная модель — на рис. 9. Пример расчета его огласовки после слога с гласным *ö*:

$$\begin{array}{l} \ddot{o} = 110 \\ \quad\;\; \underline{\text{Р}11} \\ \quad\;\; 111 = \ddot{u} \end{array}$$

(пример дается в карачаево-балкарской орфографии: *кёр* «смотри», *кёрю* «смотрение»)

[8] Данный трехвариантный аффикс существует в большинстве тюркских языков, но орфографическое представление этого аффикса не совпадает почти ни в одном из них.

2. Казахский, каракалпакский, крымско-татарский и ногайский языки[9]

В литературных языках этой группы широкие аффиксы огласуются по типу 2 (схемы рис. 5 и 7). Узкие же аффиксы имеют особую схему огласовки (рис. 10). Эта особенность узких аффиксов заключается в том, что они не имеют губных вариантов[10]. Следовательно, алгебраически гласные узких аффиксов должны быть представлены как Р01. Назовем этот тип аффиксов 1*а*. Блок-схема автомата для этого типа представлена на рис. 11 (для случая огласовки после слога с гласным *ö*). Пример расчета гласного аффикса типа 1*а*:

$$\begin{array}{r} \ddot{o} = 110 \\ \text{Р01} \\ \hline 101 = i. \end{array}$$

Например, казах. *кӧл* «озеро», *кӧлін* «óзера» (род. падеж). Во всех языках этой группы существуют также и аффиксы типа 3, т. е. узкие с обязательным губным признаком (рис. 8 и 9), например, аффиксы имени действия на *-иw*, *-üw*, *-w*. Например, в ногайском: *ал* «возьми», *алув* «взять; взятие».

3. Киргизский язык[11]

Огласовка узких киргизских аффиксов осуществляется по типу 1 (рис. 4 и 6). Широкие аффиксы имеют следующую особенность: они огубляются после слогов с губными гласными, кроме *и*. Геометрическое описание широких киргизских аффиксов (назовем их типом 2*а*) представлено на рис. 12; алгебраический расчет огласовки этих аффиксов производится более сложным, чем в предыдущих случаях, образом. Предварительно требуется алгебраически рассчитать, оказывает ли гласный предшествующего слога огубляющее воздействие на аффиксальный гласный. Этот расчет сводится к ряду преобразований над цифровыми значениями различительных признаков аффиксального гласного в соответствии с элементарными правилами булевой алгебры. Полученный в результате расчета новый перечень различительных признаков рассматривается как цифровое изображение некоего нового гласного предшествующего слога, который мы назвали «эффективным» гласным. При расчете аффиксального гласного учитывается не исходный гласный предшествующего слога, а именно эффективный. Формула для расчета эффективного слогового гласного, предшествующего киргизскому аффиксу типа 2*а*, имеет вид: $(\text{РГП})_{\text{эф}} = \text{Р}(\text{Г}\overline{\text{Р}}\text{П})\text{П}$. На место букв подставляются соответствующие цифровые значения гласного предшествующего слога. Например, если

[9] См.: Г. Абуханов, Казахский язык. Лексика, фонетика и синтаксис, Алма-Ата, 1960 [на казах. языке]; «Современный казахский язык (лексика, фонетика, грамматика)», отв. ред. М. Балакаев и А. Исхаков, Алма-Ата, 1954 [на казах. языке]; Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II — Фонетика и морфология, М., 1952; «Каракалпакско-русский словарь», под ред. Н. А. Баскакова, М., 1958; Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, М.— Л., 1940; «Русско-ногайский словарь», под ред. Н. А. Баскакова, М., 1956.

[10] Исключение представляет лишь крымско-татарский язык. В соответствии с орфографией этого языка (см. Р. Л. Муллина, А. И. Баккал, Э. А. Къуртмоллаев, А. И. Ислямов, Татар тилининъ элифеси ве орфографиясы, [Симферополь], 1938) узкие гласные второго слога (независимо от того, корневые они или аффиксальные) подчиняются губному сингармонизму, а гласные остальных слогов огласуются по общим для данной группы языков правилам. Однако и в художественной литературе, и в периодической печати чаще действует ногайский тип огласовки узких аффиксов.

[11] См.: И. А. Батманов, Фонетическая система современного киргизского языка, Фрунзе, 1946; его же, Современный киргизский язык, ч. I — Фонетика, Фрунзе, 1953.

предшествующий слог содержит гласный $u = 011$, то:

$$u_{эф} = 0\,(1\bar{0}1)\,1 = 0\,(1\bar{1}1)\,1 = 0\,(1\bar{1})\,1 = 0\,(1\cdot 0)\,1 = 001.$$

Следовательно, огласовка аффикса типа 2*а* должна вестись таким образом, как будто бы в предшествующем слоге стоял не $u = 011$, а гласный $u_{эф} = 001$:

$$\begin{array}{l} u_{эф} = 001 \\ \quad\;\; \text{РГО} \\ \hline \quad\;\; 000 = a. \end{array}$$

Т. е., например, если слова *жол* «дорога», *көл* «озеро», *үй* «дом» в киргизском языке имеют форму мн. числа *жолдор*, *көлдөр*, *үйлөр*, то мн. число от слова *куш* «птица» будет не *куштор*, а *куштар* (см. рис. 12).

Блок-схема электронного автомата, в которую введены схема совпадений (СС) и антисовпадений (АС), производит расчет эффективного гласного предшествующего слога также автоматически (рис. 13). В киргизском языке имеются также аффиксы с обязательным губным признаком.

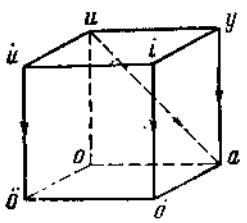


Рис. 12. Геометрическое описание огласовки аффиксов типа 2*а*

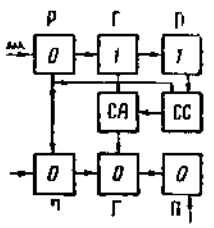


Рис. 13. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 2*а*

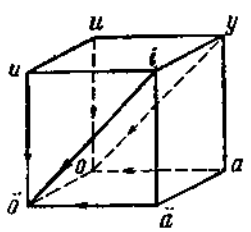


Рис. 14. Геометрическое описание огласовки аффиксов типа 4

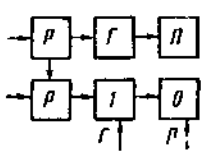


Рис. 15. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 4

Во-первых, это аффикс собирательного числительного (орфографическая форма *-оо*, *-өө*). Он имеет следующую алгебраическую форму записи: Р10 — и огласуется по обычным формулам. Например, после числительного *бир* «один» имеем:

$$\begin{array}{l} i = 101 \\ \quad\;\; \text{Р10} \\ \hline \quad\;\; 110 = \ddot{o}. \end{array}$$

Т. е. собирательное числительное должно быть записано как *бирөө*. Геометрическая и электронная модели огласовки этого аффикса (тип 4) представлены на рис. 14 и 15.

Вторым губным аффиксом киргизского языка является, например, аффикс имени действия. Он состоит из одного долгого гласного и не содержит неслогового элемента. После закрытых слогов он огласуется точно так же, как соответствующие аффиксы рассмотренных языков (рис. 8 и 9), имеет алгебраическую форму записи Р11 и, следовательно, высту-

нает в вариантах с гласными *u/ü* (орфографически *-уу* или *-үү*). Но после открытых слогов аффикс имени действия ведет себя иначе: хотя гласный открытого слога после присоединения аффикса пропадает, но при расчете огласовки именно исчезнувший гласный следует считать аффиксом предшествующего слога. Кроме того, изменяется и характер самого аффикса имени действия. Он принимает форму Р1П, т. е. согласуется с гласным предшествующего слога не только по признаку ряда, но и по признаку

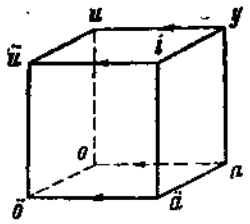


Рис. 16. Геометрическое описание огласовки аффиксов типа 5

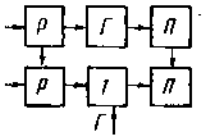


Рис. 17. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 5

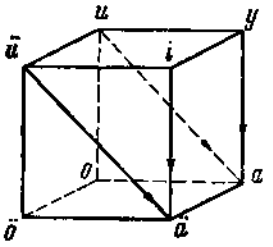


Рис. 18. Геометрическое описание огласовки якутских аффиксов типа 2б

подъема, становясь четырехвариантным: *u/ü*, *o/ö* (орфографически *-уу/-үү*, *-оо/-өө*). Этот тип прогрессивной ассимиляции гласных не только по признаку ряда, но и по признаку подъема назовем типом 5. Соответствующие модели представлены на рис. 16 и 17. Пример расчета огласовки аффикса имени действия после открытых слогов, оканчивающихся на гласный *u* и *a*:

$$u = 011 \qquad\qquad a = 000$$
$$\text{Р1П} \qquad\qquad \text{Р1П}$$
$$\overline{011} = u \qquad\qquad \overline{010} = o.$$

Например, если *жаса* «сделай», *оку* «учись», то «обучение» должно иметь форму *окуу*, а «делать, делание» — форму *жасоо*.

4. Якутский язык[12]

Система гласных якутского языка, кроме 8 типичных гласных, имеет еще 4 расширяющихся дифтонга. Но и дифтонги могут быть размещены на кубе гласных, потому что с точки зрения прогрессивной ассимиляции гласных они ведут себя так же, как их первый, узкий компонент. Узкие аффиксы якутского языка также огласуются по типу 1 (рис. 4, 6). Широкие аффиксы, как и в киргизском, содержат гласный в форме РГ0, но несколько отличаются от киргизского тем, что они не огубляются не только после твердого губного узкого *u*, но и после мягкого губного узкого *ü* (рис. 18) (назовем эти аффиксы «тип 2б»).

Следовательно, и для якутских широких аффиксов необходимо делать расчет эффективного гласного. Формула расчета следующая: $(\text{РГП})_{\text{эф}} = \text{Р}(\text{Г}\cdot\overline{\text{П}})\text{П}$. Например, если предшествующий слог содержит гласный $\ddot{u} = 111$, то:

$$\ddot{u}_{\text{эф}} = 1\,(1\cdot\bar{1})\,1 = 1\,(1\cdot 0)\,1 = 101.$$

Следовательно, огласовка широкого аффикса типа 2б после слога с гласным *ü*:

$$\ddot{u}_{\text{эф}} = 101$$
$$\text{РГ0}$$
$$\overline{100} = \ddot{a},$$

[12] См. Л. И. Харитонов, Современный якутский язык, ч. 1 — Фонетика и морфология, Якутск, 1947.

г. е. широкий аффикс в этом случае не огубляется, тогда как после слога с губным широким *о* = 010 имеем:

$$o_{эф} = 0\,(1\bar{0})\,0 = 0\,(1 \cdot 1)\,0 = 010$$

$$o_{эф} = 010$$
$$\underline{\text{РГ0}}$$
$$\overline{010} = o,$$

т. е. широкий аффикс огубляется (например: *кунлэр* «дни», *оболор* «дети»). Блок-схема автомата, производящего как расчет эффективного гласного предшествующего слога, так и расчет огласовки аффиксов типа 2*б*, приведена на рис. 19.

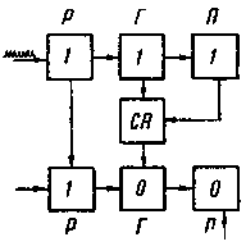


Рис. 19. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 2*б*

Своеобразную огласовку имеет аффикс имени действия. Он начинается с гласного. После закрытых глагольных основ аффикс является широким и имеет варианты с гласными *а/а*, *о/ö* (орфографическая форма вариантов аффикса: *-ар/-эр*, *-ор/-өр*), которые выбираются по типу 2*б*. Однако после открытых глагольных основ (оканчивающихся, как правило, в якутском языке лишь на широкие долгие гласные) огласовка аффикса имени действия существенно изменяется: долгий широкий гласный основы пропадает, а начальный гласный аффикса становится долгим и, кроме того, не широким, а узким. Следовательно, четыре варианта аффикса имени действия после основ с открытым конечным слогом содержат гласные *у/ы*, *и/ü* (орфографическая форма: *-ыыр/-иир*, *-уур/-үүр*). Таким образом, если во всех без исключения рассмотренных ранее случаях выбор сингармонического варианта гласного в аффиксах производился по принципу навязывания значений некоторых различительных признаков гласного предшествующего слога аффиксальному гласному, то согласование гласных по признаку подъема в якутском аффиксе имени действия после открытых слогов происходит в некотором смысле обратным образом: аффиксальному гласному навязывается противоположное значение признака подъема. Условно назовем это явление диссимилятивной гармонией гласных[13]. Так же, как аффикс имени действия, огласуется аффикс слитного деепричастия.

5. Татарский, чувашский и башкирский языки[14]

Губное уподобление гласных в татарском языке орфографически не распространяется на аффиксы[15]. Поэтому и широкие, и узкие аффиксы выступают лишь в двух вариантах — твердом и мягком. Кроме того, в татарском есть и независимо губной аффикс имени действия. Таким образом, правила огласовки татарских аффиксов полностью совпадают с прави-

[13] Этот пример систематической диссимилятивной гармонии гласных является редким, но не исключительным; см., например: Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, стр. 32—33.

[14] При размещении гласных татарского, чувашского и башкирского языков на кубе мы исходим из этимологии этих гласных, как это делают в указанных выше работах В. А. Богородицкий и М. Рясянен.

[15] См. «Татарско-русский словарь», сост. Р. Газизов, Н. Исанбет, Г. Ишмухаметов, Казань, 1950.

лами, например, ногайского, казахского и каракалпакского языков (рис. 5, 7, 8, 9, 10 и 11).

В чувашском литературном языке[16] значительное число аффиксов, хотя и не большинство, имеет единственный вариант. Губная гармония гласных в аффиксах не отражается. Следовательно, аффиксы, подчиняющиеся закону гармонии, согласуются по тем же схемам, что и в татарском языке.

Башкирская орфография отражает гармонию аффиксальных гласных как по признаку ряда (для широких и узких аффиксов), так и по признаку губности (для узких аффиксов)[17]. Широкие аффиксы огласуются по схемам рис. 5 и 7, узкие имеют своеобразную огласовку: они огубляются только после узких губных. Этот тип огласовки назовем типом 1б (см. рис. 20). Для алгебраического расчета огласовки аффиксов этого

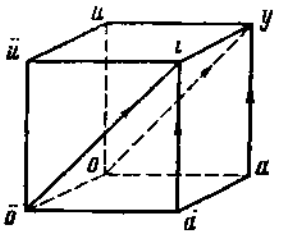


Рис. 20. Геометрическое описание огласовки башкирских аффиксов типа 1б

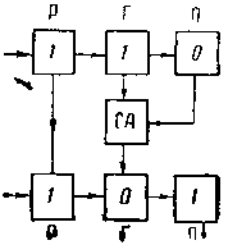


Рис. 21. Блок-схема автомата для огласовки аффиксов типа 1б

типа также следует предварительно определить эффективный гласный предшествующего слога, чтобы выяснить, оказывает ли этот гласный огубляющее воздействие на гласный аффикса. Формула для расчета эффективного гласного имеет вид: $(РГП)_{эф} = Р(Г \cdot П)П$. Например: $ö = 110$; $ö_{эф} = 1(1 \cdot 0)0 = 100$. Следовательно, расчет огласовки узкого аффикса производится в этом случае следующим образом:

$$\begin{array}{r} ö_{эф} = 100 \\ РГ1 \\ \hline 101 = i, \end{array}$$

т. е. узкий аффикс не получил признака губности. Например: *куҙ* «глаз», *куҙенең* «его глáза».

В случае узкого губного гласного ($ü = 111$) в предшествующем слоге имеем:

$$ü_{эф} = 1\,(1 \cdot 1)\,1 = 111$$

$$\begin{array}{r} ü_{эф} = 111 \\ РГ1 \\ \hline 111 = ü, \end{array}$$

т. е. узкий аффикс лабиализовался, например: *көн* «день», *көнөнөң* «его дня».

Блок-схема автомата для огласовки узких башкирских аффиксов приведена на рис. 21. Аффикс имени действия в башкирском языке также имеет форму *-ыw/-үw/-w* и огласуется по соответствующим формулам и схемам.

[16] См. В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I, Чебоксары, 1954.

[17] См. Дж. Г. Киекбаев, Фонетика башкирского языка (Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования). Докт. диссерт., Уфа, 1955; «Башкирско-русский словарь», М., 1958.

6. Туркменский язык

Гармония по признаку ряда в туркменском языке может быть описана рис. 5 и 7. Губная гармония в туркменских говорах проявляется не столь последовательно, как, например, в азербайджанском и других языках этой группы[18]. Поэтому, согласно правилам орфографии[19], огубляются только узкие аффиксы и распространяется огубление лишь на один аффикс, и то при условии: либо он закрытый, либо после него стоит согласный следующего аффикса (т. е. если за аффиксальным гласным идет согласный). Это следует учитывать при огласовке узких аффиксов и гласный огубляемого аффикса представлять как РГ1 (рис. 4 и 6), а следующие за ним узкие — как Р01 (рис. 10 и 11). Чтобы не строить двух различных

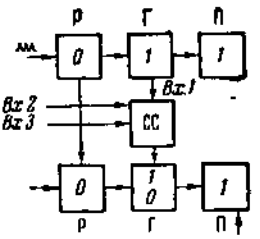


Рис. 22. Блок-схема автомата для огласовки туркменских аффиксов типа 1*в*

автоматов для аффиксов одного типа, можно несколько видоизменить схему автомата. Отличие заключается в том, что признак губности гласного предшествующего слога в данном автомате воздействует на соответствующий каскад цепочки триггеров аффиксального гласного только в том случае, если на схему совпадения, через которую должен пройти сигнал о губности (вход 1), поступает также сигнал о наличии согласного за аффиксальным гласным (вход 2) и сигнал о том, что этот аффикс является первым в цепочке (вход 3). В противном случае огубление узкого аффикса не наступает (рис. 22).

7. Алтайский язык

Широкие аффиксы алтайского языка[20] огласуются по якутской схеме (рис. 18 и 19). Надо еще отразить тот факт, что аффиксы типа 1 хотя и огубляются по схеме рис. 4, но при дополнительных ограничениях: только в глагольных основах в пределах одного узкого аффикса, следующего непосредственно после неразложимой основы. Следовательно, схема автомата для огласовки алтайских аффиксов типа 1 аналогична соответствующей схеме туркменского языка (рис. 22). Признак губности в этой схеме должен поступать на блок Г аффиксального гласного через схему совпадения (вход 1) лишь при наличии сигнала, свидетельствующего о глагольности основы (вход 2), и сигнала о том, что аффикс является первым после неразложимой основы (вход 3). Кроме того, в алтайском имеются и независимо губные аффиксы, огласуемые по схемам рис. 7, 8.

8. Хакасский язык[21]

Основной особенностью хакасского языка является то, что, кроме обычных восьми гласных, противопоставляемых по трем основным раз-

[18] А. П. Поцелуевский, Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936; М. Н. Хыдыров, К. Бегенжов, Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1948 [на туркм. яз.].

[19] См. А. П. Поцелуевский, Правила орфографии туркменского литературного языка, Ашхабад, 1937; П. Азимов, Орфография туркменского языка, Ашхабад, 1959.

[20] См. Ф. Г. Исхаков, указ. соч., стр. 146—149.

[21] См. Н. П. Дыренкова, Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология, Абакан, 1948.

личительным признакам, в нем есть девятый гласный «и», который относится к узким негубным мягким, когда он находится в корне слова, но не может быть причислен ни к мягким, ни к твердым, когда он является аффиксальным. Поэтому на кубе гласных «и» занимает два места: на одном углу с *i* в случае его употребления в составе корневого слога и между *i* и *y* в случае аффиксального. Следовательно, при расчете каждого последующего аффикса предыдущий аффикс с «и» нужно игнорировать и производить огласовку по слогу, содержащему «полноценный» гласный. Наличие такого хотя бы частично нейтрального (в отношении признака ряда) гласного в хакасском языке интересно тем, что сближает хакасский вокализм с вокализмом агглютинативных языков нетюркской группы, например монгольского или финского.

Что касается губной гармонии в хакасском языке, то широкие аффиксы в нем огублению не подвергаются, следовательно, имеют схему огласовки типа 2 (рис. 5 и 7). Узкие аффиксы орфографически огубляются только после узких губных и лишь в пределах неразложимой основы. Следовательно, при автоматической огласовке хакасского слова огубленные слоги будут заданы в самой основе, и присоединение последующих аффиксов огубления не потребует, т. е. может производиться по схемам рис. 10 и 11.

Таким образом, мы рассмотрели ряд способов описания правил сингармонической огласовки тюркских аффиксов и применили эти способы к современным литературным тюркским языкам (за исключением узбекского и уйгурского, в области вокализма которых много своеобразных и недостаточно изученных особенностей). Вторая часть работы представляет собой попытку найти связь главных закономерностей проявления губного сингармонизма по возможности во всех тюркских языках с результатами акустического анализа тюркских гласных. В целях расширения фактического материала, на котором можно проверить основные гипотезы, использованы и некоторые данные тюркской диалектологии.

II. О факторах, влияющих на проявление сингармонизма в тюркских языках

В наших дальнейших рассуждениях явление сингармонизма будет рассматриваться как своеобразное надфонемное средство создания пограничных сигналов, облегчающих членение речи на отдельные слова при их слуховом восприятии. Такая трактовка сингармонизма хотя не является общепризнанной, но существует давно и в настоящее время имеет немало сторонников[22]. Если она правильна, то из нее можно сразу же сделать ряд выводов.

1. Чем большее число различительных признаков гласного учитывается при сингармонической огласовке аффиксов в процессе образования тюркского слова, тем более разнообразны комбинации сингармонических огласовок слова, тем меньше вероятность того, что в потоке речи ока-

[22] См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ, Кое-что по поводу резъянской гармонии (созвучия) гласных, «Глоттологические (лингвистические) заметки», I, Воронеж, 1877, стр. 4 и 11; W. Radloff, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882, стр. 50; Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II, стр. 108; Ф. Язимов, указ. соч., стр. 96; Э. В. Севортян, Фонетика турецкого литературного языка, М., 1955, стр. 130; А. Супрун, По поводу избыточности языковой информации, «Тезисы докладов и сообщений на 7-й научной конференции профессорско-преподават. состава [филол. фак-та Кирг. гос. ун-та]», Фрунзе, 1959, стр. 8; Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 311—313; А. А. Реформатский, Сингармонизм с фонологической точки зрения, «Сборник в честь К. К. Юдахина», Фрунзе [в печати]; см. также А. К. Боровков, Агглютинация и флексия в тюркских языках, сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы (1880—1944)», [Л.], 1951; «Современный марийский язык», Йошкар-Ола, 1962 (см. раздел «Фонетика», написанный Л. П. Грузовым, стр. 69).

жутся стоящими рядом два слова с одинаковой сингармонической окраской, и, следовательно, с тем большей эффективностью сингармонизм выполняет функцию создания пограничных сигналов.

2. Поскольку сингармоническое уподобление гласных как по признаку ряда, так и по признаку губности служит одной и той же цели, едва ли правомерно противопоставлять нёбный сингармонизм губному и тем более — разделять губной сингармонизм на губную гармонию и губную аттракцию[23]. Все эти разновидности гармонии гласных следует рассматривать лишь как различные ступени развития сингармонического способа создания пограничных сигналов.

3. По-видимому, нет оснований утверждать, что в тюркских языках существует гармония гласных по признаку подъема, так как в тех единичных случаях, когда наблюдается корреляция аффиксальных гласных с предшествующим гласным по признаку подъема, она служит не для создания единого фонетического облика слова, а для сохранения определенной информации о характере гласного, который поглощается присоединяющимся к нему аффиксом[24]. Именно поэтому такая корреляция осуществляется не только по ассимилятивному принципу (киргизский аффикс имени действия), но и по диссимилятивному (якутский аффикс имени действия).

4. Поскольку сингармонизм выполняет свои функции чисто фонетическими средствами, превращение тенденции к сингармонизму в обязательные правила сингармонической огласовки не может не зависеть от конкретных фонетических условий.

5. Нёбный сингармонизм при огласовке аффиксов почти во всех тюркских языках носит абсолютный характер, независимо от того, способствуют или противодействуют этому конкретные фонетические условия. Устойчивость губного сингармонизма менее сильна[25], и поэтому он появляется или сохраняется лишь в наиболее благоприятных фонетических условиях. Итак, анализ фонетических условий, способствующих прогрессивной губной ассимиляции гласных, может дать ключ к объяснению особенностей губного сингармонизма в различных тюркских языках, а следовательно,— и сингармонизма вообще.

Рассмотрим влияние фонетических условий на степень развития сингармонизма. Ассимиляция гласных смежных слогов присуща большому числу языков мира. Однако лишь в сингармонических языках она выходит за рамки естественной ассимиляции на уровне вариаций фонем. Исходя из того, что тенденция к сингармонизму приводит к сингармонической ассимиляции гласных прежде всего в тех условиях, где уровень естествен-

---

[23] Ср. М. Рясянен, указ. соч., стр. 86.

[24] В киргизском языке глагольные основы, оканчивающиеся на узкий гласный, исключительно редки. А так как исходная форма аффикса имени действия — узкий губной гласный, то факт перехода его в разряд широких на стыке с гласным основы является не только и не столько сигналом о принадлежности этого гласного к разряду широких, сколько вообще сигналом о наличии гласного на конце основы. Благодаря такой «гармонии по подъему» возникновение омонимичных имен действия от основ, различающихся только наличием и отсутствием гласного на конце, практически становится невозможным. Аналогичная картина и в якутском языке. Открытые глагольные основы там также могут оканчиваться лишь на широкий гласный. Но поскольку в аффиксе имени действия изначально представлен широкий гласный, то на стыке его с гласным основы гласный аффикса должен измениться; единственная возможность в этом случае — сменить признак подъема диссимилятивным способом.

[25] Причины этого рассматриваются, например, в нашей работе «О некоторых типах словоразграничения в банту и тюркских языках» («Народы Азии и Африки», 1962, 6). В силу принадлежности гласных тюркского слова к твердому или мягкому ряду примерно в половине случаев на стыке слов в потоке речи происходит переключение признака ряда, благодаря чему соответственно половина слов оказывается фонетически отграниченной за счет нёбной гармонии. Учет губной огласовки позволяет в лучшем случае из числа неотграниченных слов тоже выделить их половину. В результате в общем потоке речи добавляется еще только 1/4 отграниченных слов. Таким образом, эффективность губной гармонии в 2 раза меньше, чем нёбной.

ной прогрессивной ассимиляции выше, следует ожидать, что губной сингармонизм должен проявляться чаще после тех слогов, гласные которых имеют более сильно выраженный губной характер. Но это — не единственное условие.

Нами был произведен акустический анализ киргизских гласных, который предполагается специально осветить в отдельной работе; здесь же ограничимся лишь кратким изложением результатов. Так как киргизский вокализм имеет все основные тюркские особенности, то эти результаты применимы в значительной мере и к другим тюркским языкам.

Каждый из трех различительных признаков гласного имеет репрезентант в спектральных характеристиках, так что выявление этих репрезентантов в спектре позволяет опознать гласные. Однако спектральные репрезентанты различительных признаков не абсолютно независимы, между ними существуют корреляции. В частности, те особенности, которые свойственны спектрам всех губных, характерны, хотя и в меньшей степени, для спектров гласных, объединенных по признаку высокого подъема, а также, правда, в еще меньшей мере, и для всех мягких гласных. Следовательно, 4 губных тюркских гласных по степени нарастания губности должны быть расположены таким образом: *о*, *ö*, *u*, *ü*, так как *о* — ато только губной, а *ü* — кроме того и узкий, и мягкий. В. А. Богородицкий в известных таблицах использовал именно такой порядок следования губных гласных[26].

Из перечисленных наблюдений вытекает ряд достаточно очевидных выводов: 1) сила огубляющего воздействия губного гласного пропорциональна степени губности этого гласного (если картина не осложнена дополнительными факторами, отмечаемыми ниже); 2) при равных огубляющих воздействиях узкие негубные гласные должны подвергаться огублению легче, чем широкие, а внутри каждой пары мягкие легче, чем твердые; 3) любая причина, способствующая дополнительному огублению гласного (например, последующий губной согласный) либо просто сужению (почти любой последующий согласный), содействует, при прочих равных условиях, проявлению губного сингармонизма; 4) переход от слога с узким гласным к слогу с широким гласным приводит за счет резкого переключения артикуляционных органов к преувеличенной степени «расширения» и, следовательно, сказывается отрицательным образом на способности широкого гласного подвергнуться огублению. Это преувеличенное расширение назовем «динамическим». Ясно, что динамическое расширение тем больше, чем больше амплитуда между уровнями подъема гласных в данном языке.

Перечисленные фонетические факторы обусловливают хорошо известные в тюркологии особенности губного сингармонизма, в том числе: 1) узкие аффиксы, оканчивающиеся на губной согласный, наиболее легко подвергаются огублению, иногда даже после слогов с негубным гласным, т. е. вопреки сингармонизму; 2) в языках, в которых губной сингармонизм очень слабо развит, он, как правило, проявляется прежде всего в узких закрытых аффиксах после слогов с узкими губными гласными и скорее в «мягких» слогах; 3) в языках, где губной сингармонизм достаточно развит, наиболее последовательно он выдерживается в узких аффиксах; 4) недоразвитость или утрата губного сингармонизма проявляется в первую очередь в широких аффиксах; при этом самым «уязвимым местом» оказывается позиция после слогов с узкими губными гласными (из-за динамического расширения). Проиллюстрируем сказанное фактами.

Проследим основные тенденции в проявлении губной гармонии гласных. Начнем с чувашского языка. Губная гармония в нем, по сравнению с остальными тюркскими языками, развита в наименьшей степени. В литературном языке и в низовом диалекте, легшем в основу литературного,

[26] См. его «Законы сингармонизма в тюркских языках», стр. 61.

губная гармония вообще отсутствует. В верховом диалекте она проявляется как в неразложимых основах, так и в аффиксах, но с рядом ограничений: только в узких редуцированных и только после губных узких редуцированных. Этимологически это соответствует огублению узких аффиксов после *u/ü*, т. е. в наиболее благоприятных для этого фонетических условиях.

Принципиально такое же положение мы имеем в татарском языке (точнее — в казанско-татарском): огубляются только (этимологически) узкие гласные после слогов с (этимологически) узкими губными[27]. Правда, в силу того, что в татарском очень развита редукция гласных, губная гармония быстро затухает и не доходит обычно до последующего слога слова. Поэтому на письме она в основном не отражается. Однако в башкирском огубление аффиксов с этимологически узкими гласными после этимологически узких губных распространяется на все слоги слова и узаконено орфографией.

В хакасском языке, как уже отмечалось, губной сингармонизм возможен также только в узких аффиксах после слогов с узкими губными гласными. Орфографически это отражается лишь в пределах неразложимых основ, но в говорах огубление нередко распространяется на несколько аффиксов[28]. Можно сказать, что вообще не существует ни одного тюркского языка (т. е. включая и несингармонические говоры узбекского языка), в котором в той или иной мере не проявлялась бы губная гармония узких аффиксов после слогов с узкими губными гласными. Это служит достаточно веским доказательством того, что губная гармония развивается прежде всего в тех позициях, где фонетические условия для этого наиболее благоприятны.

Далее, как отмечалось, позиция узких аффиксов после слогов с губными гласными вообще более благоприятна (с точки зрения фонетических условий) для проявления губной гармонии, чем эта же позиция для широких. Следовательно, во многих тюркских языках должно наблюдаться такое положение, что все узкие аффиксы способны подвергаться огублению, а широкие всегда остаются неогубленными. Пример такой системы губного сингармонизма мы уже видели на ряде литературных тюркских языков. К ним можно отнести также бесписьменный карагасский язык (тофаларский), язык татар южного берега Крыма, а также караимский язык[29], который, несмотря на его уникальность в области нёбной гармонии, в отношении губной гармонии входит в группу наиболее типичных тюркских языков. К этой же группе следует причислить и новоуйгурский язык, правда с очень многими оговорками и учетом того, что значительное число новоуйгурских аффиксов выступает лишь в одном варианте, а гармония по признаку ряда также далеко не всегда выдерживается, общий же облик слова сильно изменяется за счет регрессивной ассимиляции гласных[30].

---

[27] Включение В. А. Богородицким татарского и башкирского в число языков, в которых губная гармония распространена и на широкие аффиксы (указ. соч., стр. 69), как нам представляется, нельзя считать оправданным, так как у него речь идет лишь об оттенке губности, а не о переходе широких гласных в разряд губных; кроме того, известно, что в казанско-татарском и башкирском языках широкие негубные имеют губной оттенок в начале слова и без воздействия на них губных гласных. О проявлении губности в широких негубных аффиксах татарского и башкирского языков см.: Г. Алпаров, Избр. труды (Вопросы татарской грамматики и общего языкознания), Казань, 1945, стр. 47 (на татар. языке).

[28] См. Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 202.

[29] См.: В. А. Богородицкий, О крымско-татарском наречии, сб. «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию», Казань, 1933, стр. 92; T. Kowalski, Karaimische Texte im Dialekt von Troki, Kraków, 1929; М. Рясянен, указ. соч., стр. 91.

[30] См.: А. Боровков, Учебник уйгурского языка, Л., 1935; Э. Н. Наджип, Уйгурский язык, М., 1961.

Теперь рассмотрим языки, в которых губная гармония проявляется и в широких аффиксах. Начнем с языков, в которых губной сингармонизм проводится непоследовательно: либо не во всех диалектах, либо не целиком во всем слове, либо даже в одном и том же слове одним человеком по-разному: с губной гармонией и без нее. Такая непоследовательность может дать для изучения сингармонизма даже больше полезных сведений, чем строгая регулярность, не имеющая исключений. Например, если обратиться к говорам казахского, каракалпакского и ногайского языков, то можно убедиться, что огубление чаще всего обнаруживается в узких аффиксах после узких губных и несколько реже — после широких губных, причем в одинаковом фонетическом окружении огубление более вероятно в закрытых слогах, чем в открытых, и скорее в «мягких» словах, чем в «твердых». Последнее особенно наглядно проявляется в широких аффиксах рассматриваемых языков. Во-первых, как и следует ожидать, широкие аффиксы огубляются значительно реже узких. Во-вторых, огубление возможно только в мягких вариантах широких аффиксов (т. е. после слогов с *ö* и *ü*). Широкий твердый *o*, как менее губной по сравнению с *ö*, не имеет достаточной огубляющей силы для того, чтобы губная гармония после него проявилась в широких аффиксах. После узкого губного твердого широкие аффиксы не огубляются из-за динамического расширения, тогда как после мягкого губного узкого динамическое расширение преодолевается за счет этой мягкости.

В туркменском языке с его многочисленными говорами губная гармония также проявляется непоследовательно. На письме она находит отражение лишь после губных гласных в первом аффиксе при условии, что за этим гласным следует согласный. В говорах же огубление может распространяться на несколько узких аффиксов. Значительно реже, чем узкие, огубляются широкие аффиксы[31],— как правило, после мягкого широкого губного гласного; однако встречается огубление и после твердого губного[32]. После узких гласных широкие аффиксы не огубляются. Все эти факты свидетельствуют о том, что, во-первых, общая тенденция к губной гармонии в туркменском языке проявляется сильнее, чем в рассмотренных ранее языках (в закрытых узких аффиксах она вообще обязательна, а в широких аффиксах огубление наблюдается не только после широких губных мягких, но и после широких губных твердых), и, во-вторых, что туркменские гласные по признаку подъема различаются, по-видимому, в большей степени, чем, например, казахские, так как динамическое расширение в широких аффиксах после узких губных настолько сильно, что противодействует огублению этих аффиксов даже и после губного узкого мягкого. Назовем условно тюркские языки, в которых мы имеем право предполагать повышенное влияние динамического расширения, языками с большой амплитудой различия гласных по подъему. Тогда языки типа казахского, каракалпакского и ногайского следует назвать языками со средней амплитудой различия гласных по подъему. К последним, на основании особенностей губной гармонии, можно отнести балкарский диалект карачаево-балкарского языка, хасав-юртовский диалект кумыкского языка, чулымский язык, кызыльский диалект хакасского языка и барабинский — татарского[33].

Якутский язык должен быть отнесен к группе языков с большой амплитудой различия гласных по подъему: в нем последовательно и во

---

[31] См. Ф. Г. Исхаков, указ. соч., стр. 154.

[32] Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 124. Небезынтересно отметить, что в языке северокавказских туркменов наблюдается постепенная утрата губной гармонии и проявляется это в первую очередь в том, что перестают огубляться именно широкие аффиксы (см. там же, стр. 125).

[33] Кроме уже указанной литературы по этим языкам, см. также: W. Pröhle, Balkarische Studien, I, «Keleti szemle», XV, Budapest, 1914, стр. 172; В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 124.

всех диалектах[34] огубляются узкие аффиксы после всех губных гласных, а широкие — лишь после широких губных. И, наконец, киргизский язык, где огубляются регулярно узкие аффиксы, а широкие аффиксы огубляются, несмотря на динамическое расширение, и после слогов с узкими губными гласными, но опять — лишь в мягких разновидностях, следует отнести к группе языков со средней амплитудой различия гласных по подъему.

Языков с идеальной губной гармонией, т. е. таких, в которых огублялись бы и узкие, и широкие аффиксы после любых губных гласных, в настоящее время не существует[35]. Таким образом, во всех перечисленных языках и диалектах[36], несмотря на большое разнообразие систем губной гармонии гласных, обнаруживается проявление одних и тех же, общих для всех тюркских языков тенденций, подтверждающих наши представления о связи губной гармонии с фонетическими условиями, в которых эта гармония должна проявиться. Само разнообразие систем губной гармонии зависит лишь от одного параметра — общей тенденции тюркского языка к развитию сингармонизма, т. е. от того, насколько велика в каждом конкретном языке его потребность в сингармоническом способе разграничения слов в потоке речи. А это, в свою очередь, зависит от того, насколько богат в данном языке арсенал других средств словоразграничения[37]. Изучение сингармонизма с этой точки зрения приводит нас к необходимости увязывать с ним не только фонетическую, но и морфологическую, интонационную, синтаксическую стороны языка и, следовательно, дает возможность более глубоко понять язык как сложную, многогранную, но логически взаимосвязанную систему языковых явлений различных уровней.

Обзор основных тенденций проявления губной гармонии в тюркских языках удобнее закончить некоторыми статистическими обобщениями. Для этого мы воспользуемся (как это принято в упоминавшихся работах В. А. Богородицкого, Ф. Г. Исхакова, М. Рясянена) сводной таблицей 2. В ней представлены зафиксированные типы губной гармонии, перечислены тюркские языки и диалекты с каждым данным типом гармонии[38] и

---

[34] См. Е. И. Убрятова, Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР, М., 1960.

[35] По свидетельству Н. Ф. Катанова («Опыт исследования урянхайского языка», Казань, 1903, стр. 241, 275), в киргизском языке были зафиксированы случаи огубления широких аффиксов после узкого губного твердого, но в настоящее время такие факты не наблюдаются.

[36] Из всех рассмотренных тюркских языков лишь алтайский язык вместе с тубаларским и шорским диалектами является своеобразным исключением: в них губная гармония широких аффиксов проявляется более последовательно, чем губная гармония узких. Это, с одной стороны, наводит на мысль, что какие-то существенные особенности фонетики этого языка с диалектами еще не изучены, и, с другой стороны, еще больше убеждает в правильности наших представлений о губной гармонии, поскольку среди более чем 30 языков и диалектов нашлось такое редкое (и то не полное) исключение из общего правила.

[37] Даже первые приблизительные подсчеты убеждают в том, что между количеством используемых в языке средств разграничения слов в потоке речи и степенью развития сингармонизма в этом языке существует обратно пропорциональная зависимость [подробнее об этом см.: Г. П. Мельников, Агглютинация и сингармонизм, «Материалы дискуссии „Понятие агглютинации и агглютинативного типа языка“», Л., (в печати)].

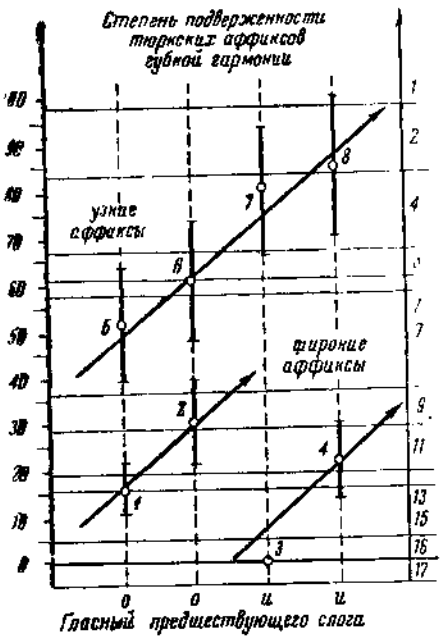
[38] Естественно, что отнесение живого разговорного языка со всеми его говорами к определенному типу в большей или меньшей мере условно даже с учетом тех оговорок, которые были сделаны ранее. Поэтому во многих случаях используется знак ‖, т. е. знак нерегулярности проявления гармонии в данной позиции, а где это оказалось возможным, диалекты рассматриваются как самостоятельные языковые единицы. При такой схематизации возможны отклонения и погрешности, однако при статистическом обобщении все эти отклонения в среднем взаимно компенсируются и конечный результат оказывается мало отличающимся от того, который был бы получен при значительно более точных сведениях о каждом языке и всех его диалектах и говорах. Это, конечно, не отменяет истины: чем больше число исходных статистических объектов, тем более тонкие закономерности можно обнаружить при статистическом обобщении. Но те

подсчитано, в каком проценте языков (и диалектов) проявляется губной сингармонизм после слогов с каждым из четырех губных гласных как в широких, так и в узких аффиксах, т. е. в восьми возможных позициях. Будем нумеровать эти позиции в принятом В. А. Богородицким порядке:

1 5
2 6
3 7
4 8

Следовательно, позиции с 1 по 4 относятся к широким аффиксам, а с 5 по 8 — к узким.

Для большей наглядности и легкости интерпретации результатов конечные данные представлены в виде графика (рис. 23). По оси абсцисс отложены гласные предшествующего слога по степени нарастания их



Относительный уровень утраты губной гармонии
1 — чувашский низовой д.
2 — татарский, мещерякский д., узбекский, хакасский
4 — башкирский, бельтирский д., койбальский д., сагайский д., тюменский д., чувашский верховой д.
3 — ишимский д., тобольский д., туринский д.
7 — азербайджанский, гагаузский, караимский, карачаевский д., крымско-татарский (южный д.), кумыкский, тофаларский д., тувинский, турецкий, уйгурский
9
11 — хасав-юртовский д., чулымский (казахский, каракалпакский, крымско-татарский — северный д., ногайский)
13 — балкарский д.
15 — киргизский (современный)
16 — киргизский (по Катанову — Богородицкому)
17 — язык с идеальной губной гармонией
Перечень языков и диалектов с данным уровнем утраты губной гармонии

Рис. 23. Зависимость между типом губной гармонии, степенью подверженности тюркских аффиксов губной гармонии и уровнем утраты губной гармонии

губности, а по оси ординат — процент языков и диалектов, в которых огубляются широкие и узкие аффиксы во всех возможных позициях. Таким образом, на графике мы получаем 8 точек, которые характеризуют огубляемость соответствующих аффиксов. Можно ожидать, что усредненная огубляемость аффиксов должна быть пропорциональна предрасположенности аффиксов к губной гармонии в каждой из позиций. Из графика видно, что огубляемость узких аффиксов (линия, проходящая приблизительно через точки 5, 6, 7, 8) действительно примерно пропорциональна степени губности гласного предшествующего слога. Для графического изображения широких аффиксов характерен приблизительно такой же, как и для изображения узких, наклон прямой, однако она сама терпит разрыв (точки 1—2 и 3—4), объяснить который нетрудно: широкие аффиксы после узких губных приобретают дополнительную устойчивость к огублению за счет динамического расширения. Поэтому самым слабым звеном

тенденции, которые рассматриваются в данном случае, достаточно наглядно проявляют себя уже при том количестве языковых единиц, которое приведено, например, только в таблицах В. А. Богородицкого или в таблицах Ф. Г. Исхакова.

Статистическая оценка степени подверженности аффиксов современных с губными

Тип аффикса / Гласный предшествующего слога	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У
о	— —	— —	— —	— —	— ‖	+ ‖	— +	‖ +	— —	+ ‖
ö	— —	— —	— ‖	— —	‖ ‖	+ ‖	— +	‖ +	+ +	+ +
ы	— —	— ‖	— ‖	— +	— ‖	— ‖	— +	— +	— +	— +
ü	— —	— ‖	— +	— +	‖ ‖	— ‖	— +	— +	+ +	‖ +
Показатель соблюдения губной гармонии	0	1	2	2	3	4	4	5	5	6
Номер типа губной гармонии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число языков с данным типом гармонии	1	4	3	6	4	1	10	1	2	1
Тюркский язык (или диалект, сокращенно — д.)	1 — чувашский низовой д.	2 — казанско-татарский, 3 — мещерядкий д., 4 — узбекский, 5 — хакасский	6 — шишмский д., 7 — тобольский д., 8 — туринский д.	9 — башкирский, 10 — бельтирский д., 11 — койбальский д., 12 — сагайский д., 13 — тюменский д., 14 — чувашский верховой д.	15 — казахский, 16 — каракалпакский, 17 — ногайский, 18 — крымско-татарский (северный д.)	19 — алтайский	20 — азербайджанский, 21 — гагаузский, 22 — караимский, 23 — карачаевский д., 24 — крымско-татарский (южный д.), 25 — кумыкский, 26 — карагасский, 27 — тувинский, 28 — турецкий, 29 — уйгурский	30 — туркменский	31 — барабинский д., 32 — кызылский д.	33 — тубаларский д.

Таблица 2

тюркских языков (и диалектов) губной гармонии в позиции после слогов гласными

	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш У	Ш	У	Ш	У
34 — касав-юртовский д., 35 — чулымский	—+	++	‖+	+‖	++	++	++	6	19,5	16±7	50±12
	++	++	++	++	++	++	++	11,5	23	30±9	60±13
36 — якутский	—+	—+	—+	—+	—+	‖+	++	0	30	0	77±14
37 — балкарский д.	++	—+	++	++	++	++	++	8,5	31,5	22±8	81±15
38 — шорский д.	6	6	6,5	6,5	7	7,5	8	абсолютное число случаев соблюдения губной гармонии (из 39)		относительное число случаев соблюдения губной гармонии (в %), с учетом статистической погрешности	
39 — киргизский (современный)	11	12	13	14	15	16	17				
40 — киргизский (по Катанову)	3	1	1	1	1	0	0				
41 — язык с идеальной губной гармонией (несуществующий)	**Условные обозначения:** Ш — широкие аффиксы; У — узкие аффиксы; + соблюдение губной гармонии в данной позиции, цена 1; — несоблюдение губной гармонии, цена 0; ‖ нерегулярное проявление губной гармонии в данной позиции (либо не во всех говорах, либо не во всех слогах слова, либо спорадически в одном говоре), цена 0,5										

в губном сингармонизме является огласовка широких аффиксов после твердого губного (точка 3). Если при помощи горизонтальных линий делить график на две части и приписывать позициям, находящимся выше этой линии, знак +, позициям ниже линии знак —, а позициям, пересекаемым этой линией, знак ‖, то получающиеся таким образом сетки из знаков в восьми позициях будут соответствовать одному из типов губной гармонии, представленной в сводной таблице. На графике проведено 12 таких горизонтальных линий, которым присвоены номера соответствующих типов губной гармонии из сводной таблицы. Так, например, линия 17 обозначает тип огласовки аффиксов с идеальной губной гармонией, не зафиксированной среди современных тюркских языков. В хасавюртовском диалекте и в чулымском языке огубление отсутствует после *а* и *и* (линия 11). Аналогичная картина в казахском и крымско-татарском (северном диалекте), каракалпакском и ногайском языках с той лишь разницей, что во всех указанных позициях огубление проявляется спорадически. График позволяет предположить, что среди языков с наиболее распространенным типом огласовки (линия 7) возможно найти диалект, в котором утрачено огубление не только широких, но и узких аффиксов после слогов с *о* (линия 7′). Горизонтальная линия 1 соответствует низовому диалекту чувашского языка, полностью лишенному губного сингармонизма, и т. д.

Из этого же графика видно, что если диапазон различия гласных по признаку подъема очень велик, то динамическое расширение также будет больше, чем в усредненном тюркском типе, следовательно, правая часть разорванной прямой широких аффиксов (т. е. точки 3 и 4) сильнее опустится вниз и может оказаться ниже левой части. Тогда, если развитие сингармонизма будет характеризоваться горизонталью 13, широкие аффиксы не будут огубляться как после *и*, так и после *й*. Именно такой тип огласовки встречается в якутском языке, и именно в якутском, по сравнению, например, с киргизским, гласные различаются по признаку подъема более сильно[39]. Подобная картина наблюдается и в туркменских говорах.

И наоборот: слабое противопоставление по признаку подъема должно уменьшить разрыв кривой широких аффиксов и приблизить к ней кривую узких. Следовательно, если сингармонизм в языке будет характеризоваться горизонталью 9, то после *о* возможно отсутствие огубления не только в широких, но и в узких аффиксах. Такой тип огласовки мы имеем в барабинском и кызылском диалектах. Не совсем ясным с точки зрения рассмотренных факторов остаются только алтайский язык и диалекты черневой и шорский. Таким образом, 13 из 16 схем огласовок тюркских аффиксов, что соответствует охвату 36 из 39 рассмотренных языков и диалектов, получают вполне убедительную интерпретацию при помощи приведенного статистического графика. Размеры вертикальных отрезков на графике, показывающие величину возможной статистической погрешности, убеждают в том, что амплитуды рассматриваемых закономерностей вполне превышают диапазон статистических ошибок.

*

1. Рассмотрение вокализма тюркских аффиксов показывает, что ряд языковых явлений не только возможно, но и более целесообразно изучать и описывать на «подфонемном» уровне, т. е. на уровне различительных признаков, и именно дихотомической системы различительных признаков.

2. Различия в типах огласовки тюркских аффиксов являются не качественными, а количественными: изменяется прежде всего количество согласующихся различительных признаков, но сам принцип взаимодей-

[39] См. Ф. Г. Исхаков, Общая характеристика тюркского вокализма, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I.

ствия аффиксов с гласным предшествующего слога остается общим для всех сингармонических тюркских языков. Следовательно, если со временем встанет вопрос о создании машины, переводящей с какого-либо языка на тюркские языки, то с точки зрения соблюдения орфографических правил сингармонической огласовки тюркских аффиксов можно воспользоваться едиными описанными выше принципами построения автоматов. Хотя приведенные формулы и схемы не отражают таких дополнительных изменений в аффиксах, как уподобление согласных, эпентеза, акопия на стыке согласных и гласных и т. д., однако и эти явления могут быть выражены при помощи несложных правил, аналогичных описанным, и, следовательно, учтены при построении автоматов.

3. Возможность однозначного формулирования правил огласовки аффиксов тюркских слов облегчает сопоставление фонетических систем тюркских языков, что, в частности, может иметь значение для решения проблемы автоматического анализа звуковой речи.

4. Если для простоты и строгости описания правил сингармонизма удобно рассматривать различительные признаки тюркских гласных как дихотомическую систему дискретных элементов, из которых комбинируются гласные в конкретных позициях (причем это описание дает возможность вычленить в каждом гласном как фонематические, смыслоразличительные составляющие, так и сингармонические, словоразграничительные), то для понимания своеобразия правил сингармонизма в различных языках возникает необходимость учитывать и тот факт, что различительные признаки не являются абсолютно дискретными элементами, что они оказывают друг на друга некоторое воздействие, в результате чего один и тот же признак, например губность, в различных комбинациях с другими признаками проявляет свое качество в различной степени.

5. На примере правил сингармонизма видно, что хотя с точки зрения дихотомической системы противопоставлений все три различительных признака равноценны, использование их в аффиксальных гласных подчинено определенной тенденции. Для смыслоразличения используется прежде всего признак подъема (во всех без исключения тюркских языках), во вторую очередь для этой цели оказывается пригодным признак губности узких гласных (ср. независимо губные аффиксы большинства тюркских языков); исключительно редким является использование губного признака как смыслоразличительного в широких аффиксах (аффикс собирательного числительного в киргизском языке); и, наконец, противопоставление гласных аффиксов по признаку ряда ни в одном из тюркских языков не используется как смыслоразличительное, но во всех языках оно является сингармонически релевантным, т. е. служит средством словоразграничения. Таким образом, на классическом кубе тюркских гласных выделяются как дистинктивно релевантные три из двенадцати возможных его ребер: *a/ä*, *i/y*, *u/ü*. Если учесть, что при утрате сингармонизма по признаку ряда (например, в узбекском, уйгурском) в широких аффиксах сохраняется *a*, в узких — *i* и *u*, то станет понятным, что, несмотря на свою своеобразную кубическую или «двухступенчатую четырехугольную» (в терминологии Н. С. Трубецкого) систему, тюркский аффиксальный вокализм не может изучаться в отрыве от тех акустических и фонологических факторов, под влиянием которых сформировались так называемые треугольные системы, встречающиеся «в самых различных языках всех частей света»[40].

---

[40] Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 112.

В заключение пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность многим товарищам, для которых родным является один из тюркских языков, за их помощь и дружественную поддержку, а также сотрудникам сектора структурной лингвистики Института русского языка АН СССР, сектора прикладной и структурной лингвистики и сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР за внимательное отношение к данной работе, справедливую критику и ценнейшие замечания.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

Я. Б. КРУПАТКИН

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ

В предуэссекских диалектах до эпохи палатальной перегласовки десятифонемная система гласных, отраженная в древнейших рунических надписях [1]:

$$\begin{array}{ccccc} \bar{\imath} & & \bar{u} & i & u \\ \bar{e}_2 & & \bar{o} & e & o \\ & e_1(\bar{a}) & & a & \end{array} \qquad (1)$$

претерпела два или даже три значительных фонологических изменения в области наиболее открытых фонем [2].

Первое из них состояло, по-видимому, в расщеплении германских $\bar{e}_1$ и a в связи с появлением носового $\tilde{\bar{a}}$ из сочетаний $an\chi$, ans, amf, $anþ$. При этом носовые аллофоны $\bar{e}_1$ совпали с новым $\tilde{\bar{a}}$ в фонеме $\bar{a}^n$, которая отныне противопоставлялась остальным аллофонам $\bar{e}_1$ (обозначим эту новую фонему через $\bar{a}'$) как назализованная фонема неназализованной. Носовые аллофоны германского a фонологизовались в a^n — краткий член оппозиции $\bar{a}^n$ — a^n, который опять-таки противопоставлялся остальным аллофонам старого a по признаку назальности:

$$\begin{array}{cccccc} \bar{\imath} & \bar{u} & & i & u \\ \bar{e} & \bar{o} & & e & o \\ \bar{a}^e & \bar{a}^n\,(<\tilde{\bar{a}};\ \bar{e}_1) & & a^e & a^n \end{array} \qquad (2)$$

Что касается гласных среднего и высокого подъема, то результаты, полученные М. И. Стеблиным-Каменским для праскандинавского состояния [3], представляются верными и для западногерманской области. Поскольку $\bar{u}$, $\bar{o}$ должны были иметь переднеязычные аллофоны (которые позже в результате i-умлаута фонологизовались в $\bar{y}$, $\bar{æ}$), переднее или заднее положение должно было быть иррелевантно для $\bar{u}$, $\bar{o}$. Следовательно, фонемы $\bar{\imath}$, $\bar{e}$ противополагались фонемам $\bar{u}$, $\bar{o}$ по признаку отсутствия или наличия лабиальности, и это было верно как для этапа (1), так и для этапа (2).

Поскольку фонема $\bar{e}_1$ некоторое время была единственной наиболее открытой долгой фонемой, положение языка было для нее иррелевантным, и она могла реализоваться самым различным образом — от более переднего до более заднего звука в зависимости от окружения. В связи с этим появление на этапе (1) фонемы $*\bar{a}$ на месте $\bar{e}_1$ в «ингвеонской» зоне должно быть признано возможным, хотя и не обязательным. Важно, что с фонологической точки зрения носовые аллофоны этой единственной наиболее открытой фонемы могли выделиться и в том и в другом случае [4].

---

[1] См. М. И. Стеблин-Каменский, Какую систему гласных выражал первоначально рунический алфавит?, «Скандинавский сборник», IV, Таллин, 1959, стр. 158.

[2] См. Y. Krupatkin, The Anglo-Frisian development of Germanic $\bar{e}_1$, «Philologica pragensia», IV, 3, 1961.

[3] M. I. Steblin-Kamenskij, A contribution to the history of the Old Icelandic vowel system, «Philologica pragensia», I, 3, 1958, стр. 76.

[4] Собственно, чем отличалось бы новое $*a$ от старого e_1? Возможно, сменой основного варианта, на что потребовалось бы какое-то время. В таком случае уточнение можно было бы внести в зависимости от того, какой отрезок времени отделяет возникновение $\bar{e}_2$ и смещение e_1 к нижнему ряду от появления $\bar{a}$.

Как бы то ни было, с появлением $\bar{\bar{a}}$ (и, далее, с отходом к нему части аллофонов старого $\bar{e}_1$) у наиболее открытых гласных установилась оппозиция по назальности, где фонема $\bar{a}^e$, образовавшаяся на месте $\bar{e}_1$ после отщепления его носовых аллофонов, противополагалась фонеме $\bar{a}^n$ как неносовая носовой. Естественно, что в сравнении с $\bar{e}_1$ «область рассеивания» $\bar{a}^e$ должна была сузиться, и при этом в определенном направлении. Судя по тому, что $\bar{a}^n$ в дальнейшем сближается с огубленными $\bar{u}$, $\bar{o}$, можно ожидать, что противополагавшаяся ей неносовая фонема $\bar{a}^e$ приблизится к неогубленным $\bar{i}$, $\bar{e}$. И это действительно было так, о чем свидетельствует преломление перед χ (см. ниже). Из того, что древнеанглийские (и фризские) памятники передают германское $\bar{e}_1$ перед носовыми уже через $\bar{o}$, можно было бы заключить, что носовое $\bar{a}^n$ обладало еще и огубленностью. Однако, во-первых, результатом раннего сокращения этой фонемы перед известными группами согласных было *a* (например, *samcuci* «полуживой»), а после палатальной перегласовки — *æ* (например, *brætbel* «куманика») [5]; во-вторых, как будет показано ниже, старое $\bar{e}_1$ лишилось своих огубленных аллофонов только спустя некоторое время, когда новое $\bar{\alpha} < ai$ заняло место лабиальной фонемы в одном ряду с $\bar{u}$, $\bar{o}$. Итак, с появлением $\bar{\bar{a}}$ из *anχ* и др. и с отходом к нему носовых аллофонов $\bar{e}_1$ наиболее открытые гласные $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^n$ стали противополагаться друг другу по признаку назальности.

В рамках исторической фонологии процесс расщепления краткого германского *a* на носовую и неносовую фонемы вполне понятен. Поскольку новое $\bar{\bar{a}}$ образовалось в четырех позициях и стало сравнительно частой фонемой, его включение в систему, не знавшую носовых, должно было вызвать аллофонные перераспределения по признаку назальности у наиболее открытых долгих. Когда же носовые аллофоны $\bar{e}_1$ в конце концов выделились и совпали с $\bar{\bar{a}}$, они должны были «увлечь» за собой и носовые аллофоны *a*, противопоставлявшегося фонеме $\bar{e}_1$ по количеству. Последовавшая затем фонологизация этих аллофонов и образование фонемы a^n означали, что $\bar{\bar{a}}$ из *anχ* и др. включилось не только в оппозицию по качеству, но и в оппозицию по количеству. О существовании носового a^n в качестве самостоятельной фонемы свидетельствует расширение ингвеонского рунического ряда с 24 до 28 знаков. Раннее сокращение $\bar{a}^n$ перед группами согласных, о котором уже говорилось, представлено в памятниках как *d*, что также предполагает более раннее a^n. Все это означает, что в отношении кратких гласных складывалась ситуация, подобная той, которая обнаруживается у долгих. Действительно, дальнейшее развитие фонемы a^n в корневой гласный в исторически засвидетельствованных словах [ср. *man* (*mon*) «мужчина» и т. д.] показывает, что она тяготела к огубленному ряду *u*, *o*. В то же время a^e отличалось от более раннего *a* сужением «зоны рассеивания» в направлении неогубленного ряда *i*, *e*, что подтверждается последующим преломлением этих трех фонем. Симметрия кратких и долгих на этапе (2) не была, однако, полной. В отличие от краткого a^n долгое $\bar{a}^n$, образованное из двух источников, обладало большей функциональной нагрузкой. И это могло иметь важное последствие.

Следующая группа звуковых изменений должна была состоять в дальнейшем расщеплении $\bar{a}^e$ и a^e в связи с появлением нового $\bar{\alpha}$ из *ai*.

$$\begin{array}{ccccccc} \bar{i} & \bar{u} & & & i & u & \\ \bar{e}_2 & \bar{o} & . & & e & o & \\ \bar{æ} & \bar{\alpha} & \bar{a}^n\ (<\bar{\bar{a}};\ \bar{e}_1) & & æ & \alpha & a^n \\ & \uparrow & ____(<ai;\ \bar{a}^e). & & & & \end{array} \qquad (3)$$

Новая фонема $\bar{\alpha}$, по-видимому, не сразу заняла пустующее место широ-

[5] См. A. Campbell, Old English grammar, Oxford, 1959, § 127 (примеч. 1).

кой огубленной фонемы [6], т. е. стала в один ряд с $\bar{o}$, $\bar{u}$. Дело в том, что по своему качеству $\bar{\alpha}$ как будто не всегда было идентично α. Известно, что при образовании последнего были использованы в с е велярные аллофоны германского *a* [7], тогда как при образовании первого — только некоторые из велярных аллофонов германского $\bar{e}_1$, и, в частности, те, которые обладали еще и лабиальностью [8]. А это значит, что первоначально фонема $\bar{\alpha}$ как наиболее открытая ротовая фонема могла быть заднеязычной (следы этого этапа и отражены в характере краткого $\bar{\alpha}$), и только потом, благодаря притяжению системы, она включилась в оппозицию по лабиальности, характерную для фонем среднего и высокого подъема языка (о чем свидетельствует переход к ней лабиовелярных аллофонов герм. $\bar{e}_1$). Судя по результатам *i*-умлаута, фонема $\bar{\alpha}$ должна была, подобно $\bar{o}$, $\bar{u}$, иметь переднеязычные аллофоны, т. е. положение языка должно было быть для нее иррелевантным. А это, по-видимому, означает, что ко времени *i*-умлаута признак велярности уже лишь сопутствовал основному признаку лабиальности.

Из сказанного следует, что появление велярного $\bar{\alpha}$ из *ai* и установление оппозиции по положению языка у наиболее открытых долгих ротовых фонем было причиной расщепления фонемы a^e. Отделившиеся от нее велярные аллофоны фонологизовались в α, противопоставленное долгому $\bar{\alpha}$ по количеству. В дальнейшем, вслед за включением долгого $\bar{\alpha}$ в универсальную оппозицию по огубленности (и переходом к нему лабиовелярных аллофонов старого $\bar{e}_1$, см. выше), лабиальность как дифференциальный признак распространяется, по-видимому, и на краткие низкого подъема. Появление α в качестве самостоятельной фонемы еще на континенте [9] согласуется с расширением ингвеонского рунического ряда до 28 знаков (см. ниже). О том, что в следующую эпоху эта фонема, подобно $\bar{\alpha}$, характеризовалась огубленностью, свидетельствует результат ее удлинения перед известными группами согласных (ср. др.-англ. *ald*, *eald* — ср.-англ. *ǭld* «старый» с тем же гласным, что и ср.-англ. *stǭn* < др.-англ. *stān* «камень»). В списке ингвеонизмов среднеголландского языка, составленном Т. Фрингсом, рядом с утратой носовых перед глухими щелевыми и пр. мы находим также огубленные $\breve{\bar{a}}$ [10]. Таким образом, перед нами, по-видимому, более широкая закономерность, выходящая за рамки древнеанглийского и охватывающая диалекты, известные под названием ингвеонских. Случаи палатальной перегласовки α [11] говорят о том, что в предшествующую эпоху положение языка не было релевантным для этой фонемы и велярность имела лишь характер сопутствующего признака.

Отход лабио-велярных и велярных аллофонов от фонем $\bar{a}^e$ и a^e не мог не отразиться и на характеристике самих этих фонем, которые теперь обозначаются нами как $\bar{æ}$ и *æ*. Все говорит о том, что в области наиболее открытых ротовых фонем устанавливалась оппозиция по огубленности и $\bar{æ}$, *æ* противополагались $\bar{a}$, *a* как неогубленные огубленным. Именно иррелевантностью положения языка у фонем *æ*, *e* и можно объяснить те (естественно, редкие) случаи их палатальной перегласовки, которые все же обнаруживаются в исторически засвидетельствованных формах [12].

По-видимому, в настоящее время следует отказаться от традиционной схемы, согласно которой германское *a* в древнеанглийском и фризском

---

[6] Y. Krupatkin, On the development of Germanic *ai* in Anglo-Frisian, «Časopis pro moderní filologii»: «Philologica», IX, 4, 1957, стр. 49—50.

[7] E. Sievers — K. Brunner, Altenglische Grammatik, Halle (Saale), 1942, § 50.

[8] Там же, § 63a.

[9] K. Luick, Historische Grammatik der englischen Sprache, Leipzig, 1914—1940, § 166.

[10] Th. Frings, Die Stellung der Niederlande im Aufbau des Germanischen, Halle, 1944, стр. 30.

[11] См. K. Luick, указ. соч., § 188.

[12] Там же, §§ 189—190.

было повсеместно палатализовано до *æ* (кроме позиций перед носовыми), а затем это *æ* веляризовалось снова в *a* перед заднеязычными *ă*, *ŏ*, *ŭ* следующего слога [13]. Засвидетельствованное уже в древнейших памятниках противопоставление *æ* — *α* должно было возникнуть в результате расщепления прадревнеанглийского a^e, причем определяющей могла быть именно фонологизация *α*. Можно при этом говорить о веляризации, имея в виду лишь возникновение комбинаторного варианта a^e, обусловленного регрессивной ассимиляцией [14]. Не случайно так называемая «веляризация» не затронула *e* и *i* [15]: они участвовали в оппозиции по огубленности и поэтому не могли иметь лабиальных аллофонов. В плане теоретическом можно заключить, что необходимым условием для возникновения новой гласной фонемы из позиционного варианта, обусловленного регрессивной ассимиляцией гласных, могут быть не только исчезновение или редукция ассимилирующего гласного [16], но и потребности развития системы в связи с появлением в ней новых фонем.

На этапе (3) все ротовые фонемы противопоставлялись как неогубленные огубленным, всех их объединяла иррелевантность положения языка. А это значит, что в зависимости от окружения артикуляция фонем *ĭ*, *ĕ*, *æ̆* могла варьировать от более передней до более задней. Именно в эту эпоху они и должны были подвергнуться так называемому «преломлению», откуда в свою очередь можно заключить [17], что перед *χ*, *r*, *l* гласные *ĭ*, *ĕ*, *æ̆* реализовались как дифтонги *ĭu*, *ĕu*, *æ̆u*.

Б. Трнка считает древнеанглийские краткие дифтонги *ea*, *eo*, *io* (в том числе и дифтонги преломления) самостоятельными фонемами, противопоставленными по количеству *ēa*, *ēo*, *īo* [18]. По мнению же М. Донт и Ф. Моссе, краткие дифтонги являлись лишь орфографическими вариантами соответствующих монофтонгов [19]. Недавняя дискуссия показала, что, по-видимому, нет оснований для отказа от традиционного взгляда на краткие дифтонги как на самостоятельные единицы [20]. Однако по крайней мере один вопрос остается пока открытым. Дело в том, что обычно появление древнеанглийских форм с *ea*, *eo*, *io* в положении преломления связывают с ассимиляторным воздействием велярной артикуляции *χ*, *r*, *l*. Но ведь регрессивная ассимиляция объясняет в лучшем случае лишь возникновение аллофонов. А в чем причины их фонологизации? Почему новые фонемы образовались здесь именно в эту эпоху? Иначе говоря, предстоит еще дать объяснение причин возникновения преломления с точки зрения современной исторической фонологии.

На синтагматической оси появление новых фонем могло быть компенсацией за утрату некоторых различительных признаков. Как убедитель-

[13] Там же, §§ 160, 164; см. также: A. Campbell, указ. соч., § 157. Кстати, против этой схемы еще 40 лет назад возражал К. Ван-Херинген, который полагал, что перед велярными гласными следующего слога германское *a* оставалось непалатализованным (C. B. van Haeringen, Zur friesischen Lautgeschichte, PBB, XLIV, 1920, стр. 17).

[14] См. М. И. Стеблин-Каменский, Что такое умлаут?, «Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языкознания», М., 1959, стр. 52—63.

[15] См. K. Luick, указ. соч., § 167.

[16] См. W. F. Twaddell, A note on Old High German umlaut, «Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur», XXX, 1938, стр. 177—181.

[17] Ср. M. I. Steblin-Kamenskij, Scandinavian breaking from a phonemic point of view, «Studia linguistica», Lund — Copenhague, XI, 2, 1957.

[18] B. Trnka, Výbor z literatury středoanglické a staroanglické. Úvod literárně, historický a gramatický, Praha, 1941, стр. 62.

[19] См: M. Daunt, Old English sound changes reconsidered in relation to scribal tradition and practice, «Transactions of the Philological society», Oxford, 1939, стр. 108—137; F. Mossé, Manuel de l'anglais du moyen âge, I — Vieil anglais, Paris, 1945, стр. 45.

[20] Sh. M. Kuhn, R. Quirk, Some recent interpretations of Old English digraph spellings, «Language», XXIX, 2 (pt. 1), 1953; R. P. Stockwell, C. W. Barritt, The Old English short digraphs: some considerations, «Language», XXXI, 3 (pt. 1), 1955; Sh. M. Kuhn, R. Quirk, The Old English digraphs: a reply, там же.

но показал Й. Вахек, появление ларингального *h* на месте велярного χ в интервокальной позиции относится к эпохе непосредственно перед преломлением [21]. Что касается *r*, *l*, то они в прадревнеанглийском как будто не исчезали, и все же не исключено, что и здесь мы должны считаться с фонологической компенсацией. На парадигматической оси фонологизация аллофонов преломления могла получить поддержку со стороны системы фонем (и явиться «заполнением пустых клеток», в терминах исторической фонологии) [22]. В пользу системной связи между долгими и краткими дифтонгами говорят многие факты. Так, например, и те и другие одинаково изображаются на письме (что регулярно выдерживается в орфографии). Делабиализация второй части краткого *æu* следует за делабиализацией второй части *ǣu* [23], тогда как развитие *io*, *io* сходно с развитием *ēo*, *īo* в том смысле, что в обоих случаях огубленность второй части сохраняется. Стяжение долгих и кратких дифтонгов при переходе к среднеанглийской эпохе тоже происходило почти одновременно и весьма сходным образом. Наконец, то обстоятельство, что дифтонги, возникшие уже после преломления (под воздействием палатальных согласных и в результате так называемого велярного умлаута), передаются в орфографии теми же тремя диграфами *ea*, *eo*, *io*, хорошо согласуется с предположением о системной связи кратких дифтонгов с долгими *ēa*, *ēo*, *īo* и, кстати, об их функциональной самостоятельности.

Таким образом, возникновение новых различительных признаков взамен утраченных могло быть поддержано системой фонем. Впрочем трудно сказать, какой из двух факторов мог быть поддержан другим. И обсуждавшееся выше образование носового a^n, и появление в дальнейшем огубленного α показывают, насколько сильным может быть воздействие системы. М. И. Стеблин-Каменский недавно обнаружил исключительную роль системных факторов также при скандинавском преломлении [24]. Возможно, что в случае преломления перед χ решающее значение имела компенсация за утрату различительного признака в связи со сменой вариантов и общим ослаблением функциональной нагрузки этой фонемы; в то же время фонологизация преломления перед *r*, *l* могла осуществляться уже по пути, намеченному фонологизацией перед χ и поддержанному со стороны долгих дифтонгов.

Некоторые факты наводят на мысль, что и в случаях преломления перед *r*, *l* мы, возможно, имеем дело с компенсацией за утрату каких-то признаков. Й. Вахек показал, что ослабление функциональной нагрузки фонемы *h*/χ и ее устранение из системы не является изолированным случаем в истории английского языка: они находят параллель в судьбе южноанглийского *r* [25], причем начало процесса устранения *r* относится еще к доисторической эпохе [26]. Далее в отличие от преломления перед χ преломление перед *r* происходит только перед последующим согласным, т. е. именно там, где *r* в дальнейшем исчезает. Не исключено также, что изменение качества прадревнеанглийского *r* в сравнении с качеством позднего древнеанглийского *r* [27] относится как раз к эпохе преломления. Наконец, известно, что наиболее регулярно преломление проведено перед χ, менее регулярно—перед *r* и далее перед *l*; и именно в такой последовательности по нисходящей линии ослаблялись на протяжении истории англий-

[21] J. Vachek, Ještě k likvidaci fonému *h*/χ v angličtině, «Časopis pro moderní filologii», XXXIX, 2—3, 1957.

[22] K. Bülbring, Altenglisches Elementarbuch, Heidelberg, 1902, § 130 (примеч. 1).

[23] См. A. Campbell, указ. соч., §§ 139, 276.

[24] M. I. Steblin-Kamenskij, Scandinavian breaking..., стр. 91.

[25] J. Vachek, The decline of the phoneme *r* in English, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», IX, Řada jazykovědná — A8, 1960, стр. 79.

[26] K. Luick, Historische Grammatik der englischen Sprache, Leipzig, 1914—1940, §§ 317—320.

[27] J. Vachek, The decline..., стр. 80.

ского языка указанные три согласные фонемы. (Интересно было бы уточнить, не является ли то обстоятельство, что этот процесс растянулся на много веков, следствием внешнего влияния — скандинавского, а затем французского [28–29]). Пока же несомненными факторами фонологизации аллофонов преломления остаются факторы структурные.

*

Итак, в праистории древнеанглийского вокализма обнаруживаются три важных этапа. К сказанному можно добавить следующее.

1. Еще К. Бюльбринг по соображениям, далеким от изложенных выше, предполагал существование некоего «палатального *a*», на пути между германским *a* и древнеанглийским *æ*[30]. Возражение К. Луика против такой промежуточной стадии основывалось на развитии слов типа **slahan* (> *slēan*) «бить, убивать», где присутствовали как условия преломления, так и условия «веляризации»[31]. Между тем, при учете аллофонных реализаций фонем этот случай легко понять: После выделения a^n корневой гласный в **slahan* был представлен фонемой a^e, которая должна была реализоваться здесь как a^eu, поскольку влияние χ было сильнее влияния следующего гласного [32]. Затем, после фонологизации α здесь утвердилась фонема *æ*, реализовавшаяся как *æu*. Дальнейшее выпадение щелевого и стяжение вели к *slēan*.

2. Существование носовых $\bar{a}^n$, a^n и раннее возникновение оппозиции $\breve{\bar{æ}}$ — $\breve{\bar{\alpha}}$ вполне согласуются с характером расширения «ингвеонского» рунического ряда до 28 знаков. Действительно, появление трех рунических знаков (для *a* перед *n*, для *æ* и для *a*) на месте старой руны *a*[33] — важное доказательство фонематической самостоятельности $\bar{a}^n$, $\bar{æ}$, $\breve{\bar{\alpha}}$. Интересно, что новые знаки были введены именно для $\bar{a}^n$ и $\breve{\bar{\alpha}}$, как раз тех фонем, которые и должны были восприниматься говорящими в качестве новшеств. В то же время старая руна *a* была использована для изображения $\bar{æ}$, *æ*, появление которых проходило незаметно для говорящих. Если расширение ингвеонского футарка произошло не позже первой половины V в., как свидетельствуют фризские надписи из Харлингена и Арума [34], то рассмотренные звуковые изменения должны быть отнесены к эпохе до переселения англо-саксов на остров. И это согласуется с выводом К. Луика, отнесшего преломление и «веляризацию» к континентальной эпохе [35]. Относительная хронология была, по-видимому, следующей: 1) образование $\bar{\bar{a}}$ из *anχ* и др.; 2) расщепление $\bar{e}_1$, *a* на $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^n$; 3) стяжение *ai* > α; 4) расщепление $\bar{a}^e$ на $\breve{\bar{æ}}$ и $\breve{\bar{\alpha}}$; 5) преломление $\breve{\bar{æ}}$ перед χ, *r*, *l*.

3. Из рассмотренных звуковых изменений второе и четвертое имеют общую черту, которая пока осталась вне нашего внимания. Дело в том, что в обоих случаях определяющей была перестройка в области долгих (в связи с появлением $\breve{\bar{a}}$, а затем $\breve{\bar{\alpha}}$), тогда как фонологизации и перефонологизации у кратких были своего рода реакцией на нее. Возможно, что наряду с другими причинами это обстоятельство поможет объяснить более позд-

[28–29] См. J. Vachek, On the interplay of quantitative and qualitative aspects in phonemic development. A contribution to the history of some English consonant phonemes, «Zeitschr. fur Anglistik und Amerikanistik», V, 1, 1957.

[30] K. Bülbring, указ. соч., § 130 (примеч. 2).

[31] K. Luick, указ. соч., § 164.

[32] Об отсутствии заметного влияния со стороны *i*, *j* следующего слога см. E. Sievers — K. Brunner, Altenglische Grammatik, Halle (Saale), 1942, § 89 (примеч.).

[33] H. Arntz, Handbuch der Runenkunde, 2-te Aufl., Halle (Saale), 1944, стр. 120, 122.

[34] H. Arntz, указ. соч., стр. 124; K. Fokkema, Uit het spel der klanken, Groningen, 1952, стр. 6.

[35] K. Luick, указ. соч., §§ 142, 166. Впрочем фонологизация аллофонов преломления могла осуществиться уже на острове, и это тем более верно для исторических *eo*, *io*.

нее и менее последовательное появление ингвеонского *æ* на месте германского *a* в сравнении с *ē* на месте $\bar{e}_1$ [36]. Кстати, определяющая роль долгого гласного в этом примере отмечалась и ранее [37].

По-разному сложилась также дальнейшая судьба носовых $\bar{a}^n$ и a^n. Оказавшись на этапе (3) изолированными, обе фонемы должны были в конце концов утратить свою носовость. Но если $\bar{a}^n$ совпало с др.-англ. *ō* еще до появления первых памятников, то рефлекс a^n сохранял свое различие от *α* и *o* и только в X—XI вв. совпал повсюду с *a* (за исключением западно-центрального диалекта, где он совпал с *o* [38]). В связи с этим интересно, что в парах $\bar{a}^n$ — a^n и $\bar{\alpha}$ — *α* долгие фонемы, возникшие каждая из двух источников, характеризовались бо́льшей функциональной нагрузкой, чем краткие. Можно предположить, что именно это обстоятельство, угрожавшее появлением ряда омонимов, затрудняло слияние $\bar{a}^n$ с $\bar{\alpha}$, т. е. деназализацию с сохранением прежней высоты подъема языка. В таком случае надо было бы ответить также, почему в западноцентральном диалекте краткий a^n совпал не с *α*, а с *o*. Однако все это уже особая тема.

---

[36] См.: C. B. van Haeringen, указ. соч., стр. 40; A. Campbell, Some Old Frisian sound changes, «Transactions of the Philological society», 1939, стр. 92.

[37] K. Heeroma, Een Fries substraat in Noord Holland?, «Bijdragen en mededeelingen der Dialecten-commissie van de Nederlandsche Akademie van wetenschappen te Amsterdam», 1942, стр. 32; H. Kuhn, Friesisch und Nordseegermanisch, «Us Wurk. Meidielingen fan it Frysk Ynstitut oan de Ryksuniversiteit yn Grins», IV, 3/4, 1955, стр. 44.

[38] K. Luick, указ. соч., § 367; A. Campbell, Old English grammar, §§ 127, 130.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

Т. П. ЛОМТЕВ

ОТНОСИТЕЛЬНО ДВУХСТУПЕНЧАТОЙ ТЕОРИИ ФОНЕМ

В брошюре «Структурная лингвистика как имманентная теория языка» [1] С. К. Шаумян выдвинул ряд теоретических положений, которые позже были положены в основание его специальной работы «Двухступенчатая теория фонемы и дифференциальных элементов» [2]. Вопросы, поднятые С. К. Шаумяном, имеют весьма важное значение. Они затрагивают коренные стороны марксистского мировоззрения. В концепции, которой следует С. К. Шаумян, признается существование объектов только как членов отношений. «При таком рассмотрении „объекты" наивного реализма, с нашей точки зрения, — говорит Л. Ельмслев, — являются не чем иным, как пересечением пучков подобных зависимостей.... Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться» [3].

В работе «Структурная лингвистика как имманентная теория языка» С. К. Шаумян настаивает на необходимости различать «две концепции лингвистической реальности: субстанциальную концепцию лингвистической реальности и структурную концепцию лингвистической реальности» (стр. 8); вслед за Ф. де Соссюром он утверждает, что «лингвистическую реальность составляют не звуки и значения, а особые чисто реляционные элементы» (стр. 7). С. К. Шаумян осуждает субстанционалистскую концепцию языка и отстаивает релятивистскую концепцию лингвистической реальности. Согласно этой концепции, фонологические единицы не обладают собственными свойствами вне тех отношений, членами которых они являются; эти свойства принадлежат не единице, а отношениям. Природа фонологических единиц определяется их принадлежностью к тем или иным парам данных отношений: эти единицы имеют реляционный характер, так как они порождаются определенными отношениями.

Однако возможна и другая концепция, согласно которой каждый данный фонетический объект, участвуя в каждом данном отношении, обладает свойствами, которые не зависят от данных отношений, и свойствами, которые возникают в данных отношениях и не существуют вне их. С этой точки зрения в фонетических объектах различаются такие свойства, которые принадлежат им как таковым и лишь проявляются в данных отношениях [4], и такие свойства, которые порождаются данными отношениями и не существуют вне их. Абсолютные свойства объектов в данных отношениях не могут существовать без реляционных, а реляционные — без абсолютных. Во всяком реляционном при данных отношениях имеется абсолютное, во всяком абсолютном в тех же отношениях имеется реляционное [5].

---

[1] М., 1958.

[2] ВЯ, 1960, 5.

[3] Л. Ельмслев, Пролегомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», 1, М., 1960, стр. 283.

[4] Ср.: «...свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» (К. Маркс, Капитал, I, 1950, стр. 64).

[5] См. у Ленина: «...отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в релятивном есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 328).

Перед концепцией, утверждающей реляционный характер всех дифференциальных признаков данной фонемы, стоит задача установить тождество разных фонетических реальностей в разных синтагматических условиях, т. е. в разных позициях. Эта задача может быть разрешена двумя путями: 1) можно установить класс объектов, различных в одном отношении и тождественных в другом; тогда фонетические реальности a_1, a_2, a_3, a_4 — не фонетический объект, а класс фонетических объектов [6]; 2) можно постулировать идеальный конструкт, в котором дано тождество фонетических реальностей a_1, a_2, a_3, a_4. С. К. Шаумян избрал второй путь при решении поставленной задачи и вынужден был прийти к так называемому двухступенчатому пониманию фонемы.

Перед концепцией, утверждающей наличие в фонетическом объекте абсолютных и реляционных свойств при данном синтагматическом отношении, стоит задача установить дифференциальные признаки данной фонемы, которые должны быть признаны независимыми от тех или иных позиций, занимаемых фонемой в соответствующих синтагматических условиях. Эта задача разрешима. В самом деле, если некоторая фонема обладает одинаковым составом дифференциальных признаков по меньшей мере в двух разных позициях, то эти признаки принадлежат данному фонетическому объекту, а не порождаются указанными позициями. Предложенное умозаключение безупречно с логической стороны, а его посылки подкрепляются разнообразными фактами. Рассмотрим эти факты.

Гласные заднего образования /а, о, у/ сохраняют свои дифференциальные признаки в положении под ударением в следующих четырех позициях: 1) между твердыми согласными, 2) перед твердыми согласными без предшествующего согласного, 3) после твердого согласного без последующего согласного, 4) в отдельном употреблении. Так, в слове *дал* имеется гласная фонема /а/ под ударением, между твердыми согласными. В этом положении /а/ характеризуется нижним подъемом, нелокализованным рядом и нелабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *алый*, *ах*, *атом*), без последующего согласного (см. *туда*, *глаза*, *коза*, *всегда*, *да*), а также в отдельном употреблении (см. союз *а*). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки фонемы /а/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. В слове *Дон* имеется гласная фонема /о/ в положении под ударением между твердыми согласными. В этом положении она характеризуется средним подъемом, задним рядом, лабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *он*, *охать* и др.), без последующего согласного (см. *до*, *молоко*, *село*), а также в отдельном употреблении (см. *о*). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки фонемы /о/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. В слове *дума* имеется гласная фонема /у/ в положении под ударением между твердыми согласными. В этом положении она характеризуется верхним подъемом, задним рядом и лабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *ум*, *ухать*, *удаль*), без последующего согласного (см. *несу*, *бегу*, *кенгуру*, *наяву*), а также в отдельном употреблении (см. *у*). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки фонемы /у/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями.

Гласные переднего образования сохраняют свои дифференциальные

---

[6] Имеются в виду четыре разновидности /а/: a_1 — между твердыми согласными (*палка*), a_2 — после твердого согласного перед мягким (*тачка*), a_3 — после мягкого согласного перед твердым (*тряпка*) и a_4 — между мягкими согласными (*Лялька*). Эти разновидности /а/ С. К. Шаумян считает индивидуальными звуками и называет конкретными фонемоидами (С. К. Шаумян, Двухступенчатая теория фонемы и дифференциальных элементов, стр. 22, 26).

признаки в положении под ударением в следующих четырех позициях: 1) между мягкими согласными, 2) перед мягкими согласными без предшествующего согласного, 3) после мягких согласных без последующего согласного, 4) в отдельном употреблении. Так, в слове *вить* имеется гласная фонема /и/ в положении под ударением между мягкими согласными. В этом положении /и/ характеризуется верхним подъемом, передним рядом, нелабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *или*, *Ире*, *илистый*), без последующего согласного (см. *бери*, *посреди*, *дополати*, *взиперти*), а также в отдельном употреблении (см. союз *и*). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки /и/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. В слове *семь* имеется гласная фонема /е/ в положении под ударением между мягкими согласными. В этом положении гласная фонема /е/ характеризуется средним подъемом, передним рядом, нелабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *эти*, *экий*, *эре*), без последующего согласного (см *везде*, *где*, *эге*), а также в отдельном употреблении (см. *э*) [7]. Следовательно, названные выше дифференциальные признаки гласной фонемы /е/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. Изложенное позволяет сделать вывод, что релятивистская концепция лингвистической реальности не находится в соответствии с фактами. Фонетические объекты могут обладать свойствами, не порождаемыми теми позициями, в которых мы фиксируем данные объекты[8].

Рассмотрим теперь, каким образом разные фонемы могут получать реляционные дифференциальные признаки в разных позициях. Согласно релятивистской концепции фонемы, признаки позиции формируются в зависимости от свойств фонетических объектов, представляющих синтагматическое окружение, без учета свойств фонетических объектов, находящихся в данном синтагматическом положении. Этими положениями руководствовался С. К. Шаумян, выделяя позиции гласных фонем. Он различает четыре позиции для всех гласных: между твердыми согласными, после твердого согласного перед мягким, после мягкого согласного перед твердым, между мягкими согласными [9]. При предложенном принципе выделения позиций не учитываются собственные свойства гласных фонем, которые занимают данные позиции, причем в результате оказывается, что в

---

[7] Рассмотренные нами позиции сформулированы Р. И. Аванесовым (см. его «Фонетику современного русского литературного языка», М., 1956, стр. 96, 97 и сл.).

[8] В формах *рта* и *рода*, т. е. в одних и тех же синтагматических отношениях, наблюдение фиксирует наличие двух разных фонем /д/ и /т/, а в формах *рот* (ср. *рта*) и *рот* (ср. *рода*), т. е. в других синтагматических отношениях, наблюдение фиксирует наличие только одной фонемы /т/. Релятивизм утверждает, что все свойства фонемы, т. е. все ее дифференциальные признаки, порождаются отношениями и имеют реляционный, т. е. одинаково обусловленный этими отношениями характер. Если бы мы стали на точку зрения релятивизма и стали бы утверждать, что все отношения равноправны и что все они одинаково обусловливают свойства фонем, то следовало бы признать истинными два прямо противоположных высказывания: 1) одна фонема /т/, данная в форме *рот*, расщепляется на две фонемы /д/ и /т/ в формах *рода* и *рта*; 2) две фонемы /д/ и т/, данные в формах *рода* и *рта*, сливаются в одну фонему /т/ в форме *рот*. Если все позиции равноправны, то нет оснований признавать ложным тезис о расщеплении одной фонемы /т/ на две фонемы /д/ и /т/ и истинным тезис о совпадении двух фонем д/ и /т/ в одной фонеме /т/ и наоборот.

Как видим, концепция релятивизма приводит к парадоксу: с точки зрения релятивизма утверждение и его отрицание оказываются одинаково истинными. Разрешение этого парадокса достигается не отрицанием реляционных свойств фонем, а признанием того, что фонемы обладают природными и обусловленными, абсолютными и реляционными свойствами. Дифференциальные признаки звонкости и глухости фонем /д/ и т/ в формах *рода* и *рта* являются имманентными свойствами этих фонем, а дифференциальный признак глухости фонемы /т/ в форме *рот* при форме *рода* — реляционным свойством этой фонемы.

[9] С. К. Шаумян, Двухступенчатая теория фонемы..., стр. 22.

одной и той же выделенной позиции гласные разного качества изменяются по-разному. Так, двустороннее соседство твердых согласных не изменяет дифференциальных признаков фонемы /а/, но изменяет дифференциальные признаки фонемы /и/: фонема /а/ между твердыми согласными сохраняет свои характеристики, а фонема /и/ в тех же условиях принимает реляционную форму [ы]. Если данную позицию рассматривать как синтагматическое условие, при котором гласные изменяют свои свойства, то она должна отвечать требованию однозначности: в одной позиции должны происходить одинаковые изменения всех гласных фонем. Однако позиции, выделенные С. К. Шаумяном, не отвечают этим требованиям.

Согласно концепции, признающей в фонетических объектах абсолютные и реляционные свойства, признаки позиции должны определяться в зависимости от свойств окружающих согласных и свойств самой гласной фонемы, находящейся в данном окружении. Членами отношения являются не только согласные, но и гласные. В этой концепции позиции рассматриваются в качестве операторов, указывающих, каким преобразованиям подвергаются фонемы как таковые.

В разных позициях происходят неодинаковые изменения разных гласных фонем относительно ряда. Выделяем следующие позиции: 1) различные позиции гласных фонем, в которых дифференциальные признаки, различающиеся по положению языка относительно ряда, сохраняются без изменения. Эти разные позиции сведем в одну позицию и обозначим знаком P. Несколько разных позиций, в которых гласная фонема сохраняет без изменения свои дифференциальные признаки, считаем одной и называем ее первичной позицией. Позиция P без индекса есть первичная позиция; 2) различные позиции гласных фонем, в которых дифференциальные признаки, различающиеся по положению языка относительно ряда, подвергаются преобразованию. Эти позиции будем называть вторичными.

Различаются вторичные позиции трех типов: 1) позиция между мягкими согласными — для гласных заднего ряда /о/ и /у/ и для не локализованной по ряду гласной фонемы /а/ и позиция между твердыми согласными — для гласных переднего ряда /и/ и /е/. Эти позиции обозначим P_1; 2) позиция после мягких согласных перед твердыми — для гласных фонем /о/, /у/, /а/ и позиция после твердых согласных перед мягкими — для гласных фонем /и/ и /е/. Эти позиции обозначим P_2; 3) позиция после твердых согласных перед мягкими — для гласных /а/, /о/, /у/ и позиция после мягких согласных перед твердыми — для гласных фонем /е/ и /и/. Эти позиции обозначим P_3.

В позиции P_1 гласные фонемы подвергаются воздействию расположенных слева и справа от них согласных фонем. Ввиду этого дифференциальный признак заднего ряда гласных фонем /о/ и /у/ и признак нелокализованности гласной фонемы /а/ преобразуются в дифференциальный признак переднего ряда на всем протяжении длительности гласной фонемы, т. е. в первой и второй половинах ее длительности. Нелокализованность гласной фонемы /а/ и задний ряд фонем /о/ и /у/ под влиянием мягкости согласных, расположенных с правой и левой стороны от них, преобразуется в передний ряд в первой и второй половинах длительности гласной фонемы; в результате этого /а/, /о/, /у/ преобразуются в гласные [ä], [ö], [ÿ]. Передний ряд гласных фонем /и/ и /е/ под влиянием твердости согласных с правой и левой стороны преобразуется в средний ряд в первой и второй половинах длительности гласного; в результате этого /и/ и /е/ преобразуются в гласные [ы] и [э]. Представим это преобразование графически:

	/а/	/о/	/у/	/и/	/е/
P_1	['а']	['о']	['у']	[ы]	[э]

В позиции P_2 гласные фонемы подвергаются воздействию только согласных, расположенных от них с левой стороны; согласные, находящие-

ся с правой стороны от них, не оказывают воздействия на ряд гласной фонемы. Ввиду этого дифференциальный признак заднего ряда у гласных фонем /о/ и /у/ и признак нелокализованности гласной фонемы /а/ под влиянием мягкости согласных слева от них преобразуются в дифференциальный признак переднего ряда только в первой половине длительности гласной фонемы, во второй же половине сохраняются его независимые признаки; в результате этого /а/, /о/, /у/ преобразуются в гласные [ˈа], [ˈо], [ˈу]. Передний ряд гласных фонем /и/ и /е/ под влиянием твердости согласных, расположенных слева от них, преобразуется в средний ряд только в первой половине длительности гласной, во второй же половине длительности гласной фонемы сохраняются ее независимые признаки; ввиду этого гласные фонемы /и/ и /е/ преобразуются в гласные [ыˈ], [эˈ] [10]. Представим это преобразование графически:

	/а/	/о/	/у/	/и/	/е/
P_2	[ˈа]	[ˈо]	[ˈу]	[ыˈ]	[эˈ]

В позиции P_3 гласные фонемы подвергаются воздействию только согласных, расположенных от них с правой стороны; согласные, расположенные слева, не оказывают воздействия на ряд гласной фонемы. Ввиду этого дифференциальный признак заднего ряда гласных фонем /о/ и /у/ и признак нелокализованности гласной фонемы /а/ под влиянием мягкости согласных, расположенных справа, преобразуются в дифференциальный признак переднего ряда только во второй половине длительности гласной фонемы; в первой же половине длительности гласной фонемы сохраняются ее независимые признаки; в результате этого гласные фонемы /а/, /о/, /у/ преобразуются в гласные [аˈ], [оˈ], [уˈ]. Передний ряд гласных фонем /и/ и /е/ под влиянием твердости согласных, расположенных справа, преобразуется в средний ряд только во второй половине длительности гласной фонемы; в первой же половине длительности гласной фонемы сохраняются ее независимые признаки; ввиду этого гласные фонемы /и/ и /е/ преобразуются в гласные [и¹] и [е¹] [11]. Графически:

	/а/	/о/	/у/	/и/	/е/
P_3	[аˈ]	[оˈ]	[уˈ]	[и¹]	[е¹]

Однозначный характер воздействия каждой позиции на отдельные фонемы подчеркивает тождество гласной фонемы как таковой и ее реляционных форм, какие она принимает в отдельных позициях. Это также доказывает, что звуки [а, ˈа, ˈа, аˈ] представляют собой одну единицу, а звуки [о, ˈо, ˈо, оˈ] — другую единицу и т. д. С этой точки зрения, фонологическая единица — не то, что стоит по ту сторону лингвистической реальности, звука и постулируется, а то, что представляет собою единство абсолютного и реляционного.

Теперь мы можем сопоставить две концепции, имеющие назначением истолковать одну и ту же предметную область. Если фонетические объекты рассматриваются как порождение позиций, то различие позиций должно порождать их различие. В разных позициях должны быть разные фонетические объекты, свойства которых принадлежат не им, а позициям. И так как различие мыслится только как различие без момента тождества, а тождество только как тождество без момента различия, то для получения нескольких тождественных единиц, не содержащих различия, необходимо постулировать некую идеальную сущность, конструкт. Понятия конструктов и репрезентации оказываются здесь совершенно необходи-

[10] Надстрочный знак ˈ, расположенный с правой стороны знаков ы и э, означает ДП переднего ряда в конце длительности соответствующих гласных.

[11] Надстрочный знак ¹, расположенный с правой стороны знака гласной переднего ряда, передает дифференциальный признак среднего ряда во второй половине длительности указанных гласных.

мыми. Если фонема есть некая идеальная самотождественная сущность, то, чтобы она смогла стать доступной для восприятия, она должна быть репрезентирована чем-то другим.

Если же фонетические объекты рассматриваются в единстве абсолютного с реляционным, то различия позиций, создавая различия реляционных свойств фонетического объекта, не могут нарушать его тождества. И если различие при этом мыслится как момент тождества, а тождество как момент различия, то необходимым является различение понятия фонетического объекта как такового и понятия его реляционных форм. В этой концепции постулирование конструктов не является необходимым, а введение расщепленных понятий «конкретного фонемоида (индивидуальный звук)» и «конкретной фонемы (индивидуальная фонема)», «абстрактного фонемоида (класс индивидуальных звуков)» и «абстрактной фонемы (класс индивидуальных фонем)» не представляется правомерным.

Свойство релевантности или нерелевантности также обычно считается реляционным. Тем не менее и это свойство может быть как реляционным, так и абсолютным. ДП фонемы может быть релевантным лишь тогда, когда он имеет двоичный характер. Это определяется природой сигнала.

Дифференциальный признак взрывности в фонеме /д/ имеет релевантный характер, так как в фонетической системе русского языка имеется фонема /з/, которая отличается от фонемы /д/ фрикативностью при тождестве дифференциальных признаков по другим основаниям; см. *дам — зам*. Таким образом, дифференциальный признак взрывности в фонеме /д/ имеет двоичную природу и является релевантным, т. е. способным иметь значимость. Но тот же дифференциальный признак взрывности в фонеме /б/, не будучи двоичным, не имеет релевантного характера, так как в фонетической системе русского языка нет фонемы, которая отличалась бы от фонемы /б/ только фрикативностью при тождестве дифференциальных признаков по другим основаниям.

Дифференциальный признак фрикативности в фонеме /в/ не имеет релевантного характера, так как он по своей природе не является двоичным: в русском языке нет фонемы, которая отличалась бы от фонемы /в/ только взрывностью. Но дифференциальный признак фрикативности в фонеме /с/ имеет релевантный характер, так как он двоичен по своей природе: в русском языке имеется фонема /т/, которая отличается от фонемы /с/ взрывностью при тождестве других дифференциальных признаков.

Понятия абсолютности и релевантности дифференциального признака не совпадают. Взрывность в фонеме /б/ является константным, независимым, или абсолютным, признаком: в фонетической системе литературного языка нет таких позиций, в которых этот дифференциальный признак мог бы измениться. И тем не менее этот признак не является релевантным в фонеме /б/, так как он не имеет двоичного характера. Признаки звонкости фонемы /д/ и глухости фонемы /т/ являются двоичными в положении перед гласными, сонорными и /в/, но в положении перед другими согласными признак звонкости и признак глухости перестают быть двоичными. В этих условиях звонкость или глухость фонемы не обладают свойством релевантности, так как в одних позициях функционирует только звонкость, а в других — только глухость. С этой точки зрения должны быть охарактеризованы дифференциальные признаки гласных фонем.

Дифференциальные признаки гласных фонем, различающиеся по ряду, могут быть зависимыми (реляционными) и независимыми (абсолютными), но ни в том, ни в другом случае они не являются релевантными, так как не имеют двоичного характера. Дифференциальный признак заднего ряда в фонемах /о/ и /у/ имеет абсолютный характер, но он не является релевантным, так как не имеет двоичного характера: в тех же условиях, т. е. между твердыми согласными (*Р*), не функционирует дифференциальный признак другого ряда. Дифференциальный признак переднего ряда в фонемах /о/ → [ˈоˈ], /у/ → [ˈуˈ] имеет реляционный характер, но он также не яв-

ляется релевантным, так как не имеет двоичного характера. Дифференциальный признак переднего ряда в фонемах /и/ и /е/ имеет абсолютный характер, но он не является релевантным, так как не имеет двоичного характера: в тех же условиях, т. е. между мягкими согласными (P_1), не функционирует дифференциальный признак другого ряда. Дифференциальный признак среднего ряда в фонемах /и/ → [ы], /е/ → [э] имеет реляционный характер, но он не является релевантным, так как не имеет двоичного характера.

Дифференциальный признак может иметь реляционный характер и быть релевантным, если он сохраняет свою двоичную природу. Дифференциальные признаки гласного /а/ в первом предударном слоге (нижний подъем и нелабиализованность) имеют обусловленный, или реляционный, характер, но они имеют релевантный характер, так как сохраняют в этой позиции двоичную природу ввиду наличия в русском языке фонемы /у/ (верхний подъем и лабиализованность), например: /сарóк/ (ср. *сорока*) и *с/у/рок*.

Таким образом, абсолютность, независимость, константность дифференциального признака не означает еще его релевантности; в свою очередь зависимость, реляционность, обусловленный характер признака не означает отсутствия у него релевантности. Необусловленный признак может быть нерелевантным, а обусловленный — релевантным.

Если дифференциальный признак представляет собою свойство фонемы, то и наличие или отсутствие релевантности данного признака есть свойство фонемы. С. К. Шаумян в соответствии со своей общей концепцией полагает, что и это свойство фонемы также определяется синтагматическими отношениями и является реляционным фактом. Для обоснования этой точки зрения обычно используется следующий силлогизм: в конце слова или перед глухими согласными звонкость и глухость не противопоставляются; ввиду этого глухость фонем в указанной позиции не обладает свойством релевантности. И так как отсутствие противопоставленности звонкости и глухости определяется характером названных позиций, то и отсутствие релевантности глухости фонем определяется характером тех же позиций. С другой стороны, в положении перед гласными звонкость и глухость фонем противопоставляются. Ввиду этого звонкость и глухость фонем в указанных позициях обладают свойством релевантности. И так как наличие противопоставленности звонкости и глухости определяется характером названных позиций, то и наличие релевантности глухости и звонкости фонем определяется характером тех же позиций.

Рассмотренный нами силлогизм сам по себе не вызывает возражений. Тем не менее выводы, которые получены при помощи указанного силлогизма, не являются истинными, т. к. сами посылки установлены неверно.

Разберем поставленный нами вопрос сначала в применении к отдельным дифференциальным признакам в разных фонемах. При решении этого вопроса необходимо исходить из двоичности [12] всякого сигнала. Двоичность дифференциального признака фонемы является его изначальным, исходным свойством. Релевантность есть назначение дифференциального признака, а она невозможна без его двоичности. Если двоичные признаки фонемы имеют абсолютный характер и не порождаются синтагматическими отношениями, то и их релевантность является независимым свойством фонемы и не порождается указанными отношениями.

Дифференциальные признаки, различающиеся по месту образования шума, являются, как правило, двоичными [13] и независимыми. Они встречаются в любых синтагматических условиях и сохраняют в них свой двоичный характер; их релевантность не зависит от синтагматических условий,

[12] Для ответа на один двоичный вопрос, предполагающий ответ «да» или «нет», необходимо иметь два сигнала: + и —, 1 и 0 и т. д. Каждый из таких сигналов в отдельности является двоичным. Сигнальная система не может состоять из одного сигнала. Ср. также Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1960, стр. 20.

[13] ДП, различающиеся по месту образования шума, могут быть и троичными, но различие между двоичными и троичными ДП здесь не учитывается.

например: *дом — том*, *тот — ток* и т. д.; ср. также *дол — гол*, *дал — бал* и т. д.; *дом*, *дал*, *дым* и *том*, *там*, *тыл* и т. д.

Дифференциальный признак фрикативности в фонемах /в/ и /ф/ не является двоичным и не имеет релевантного характера. Но так как он является независимым и встречается в любых синтагматических условиях, то и отсутствие у него релевантности является абсолютным свойством фонем, не зависящим (в русском языке) от синтагматич. условий их употребления.

Однако двоичные дифференциальные признаки фонем могут утрачивать свой двоичный характер в той или другой позиции; дифференциальные признаки фонем, утратившие двоичный характер под влиянием данной позиции, утрачивают и релевантность под влиянием той же позиции. Так, глухость конечных согласных не имеет двоичного характера. Двоичный характер данного дифференциального признака утрачивается под влиянием конечной позиции. Тем самым утрачивается и релевантность этого признака. Отсутствие двоичности дифференциального признака глухости на конце слова является реляционным свойством; ввиду этого обусловленным свойством становится и отсутствие релевантности у данного признака в данной позиции. Таким образом, свойство релевантности и нерелевантности данного ДП фонемы может быть не зависимым от характера одних позиций фонемы и зависимым от других позиций той же фонемы. Релевантность и нерелевантность может быть абсолютным и реляционным свойством данной фонемы в тех или иных синтагматических условиях.

Рассмотрим вопрос об абсолютности и реляционности наличия релевантности или ее отсутствия в применении к совокупностям дифференциальных признаков в разных фонемах. Каждая фонема представляет собою совокупность ряда дифференциальных признаков и, следовательно, совокупность ряда релевантностей. В разных парадигматических сопоставлениях релевантную функцию в фонемах получают разные ДП; так, в сопоставлении /д/ и /т/ в словах *дом* и *том* релевантную функцию имеют только звонкость и глухость, в сопоставлениях /д/ и /г/ в словах *дол* и *гол* — только дентальность и заднеязычность, а в сопоставлениях /д/ и /з/ в словах *дал* и *зал* — только взрывность и фрикативность.

Как видим, в разных сопоставлениях фонемы /д/ релевантную функцию имеет то один ДП, то другой. Уместно поставить вопрос, не дает ли это оснований говорить о трех фонемах /д/ в трех указанных сопоставлениях. Для ответа на этот вопрос поставим фонему в самые различные сопоставления с другими фонемами и с нулем звука. Фонема /д/ может входить в сопоставление с нулем звука, например *дом* и *ом*, и тогда релевантную функцию имеют все дифференциальные признаки данной фонемы. Она может входить в сопоставление с фонемами, отличающимися двумя дифференциальными признаками, например /д/ и /с/ в словах *дом* и *сом*; в этом сопоставлении релевантную функцию в фонеме /д/ имеют два дифференциальных признака: звонкость и взрывность. Она может входить в сопоставление с фонемами, различающимися тремя дифференциальными признаками, например /д/ и /с'/ в словах *дол* и *сёл*. В этом сопоставлении релевантную функцию в фонеме /д/ имеют три дифференциальных признака: взрывность, звонкость и твердость. Она может входить в сопоставление с фонемами, отличающимися четырьмя ДП, например /д/ и /ш':/ /щ/ в словах *дам* и *щам* (дат. падеж). В этом случае релевантную функцию в фонеме /д/ имеют пять ДП: дентальность, взрывность, звонкость, твердость и краткость.

Множество парадигматических сопоставлений фонемы /д/, в которых релевантную функцию получают разные ее дифференциальные признаки и в разных своих комбинациях, не нарушают ее тождества; тождество фонемы заключено в совокупности ее релевантных возможностей, представленных совокупностью ее дифференциальных признаков. В основе тождества фонемы лежит тождество кванта времени реализации всех ее ДП. Фонема потому и является не разложимым далее сегментом синтагматической цепи, что все ее ДП имеют бытие в одном кванте времени.

В разных синтагматических условиях дифференциальные признаки одной фонемы получают релевантные функции в разных пропорциях. В каждой согласной фонеме весь набор ее двоичных дифференциальных признаков функционирует в положении перед гласными фонемами [14]. Так, фонема /ф/ имеет три двоичных релевантных признака[15]: лабиадентальность, глухость, твердость; взрывность в фонеме /ф/ не имеет двоичного характера и, следовательно, не имеет релевантной функции. Эти три двоичных дифференциальных признака фонемы /ф/ имеют релевантную функцию, например, в положении перед гласной фонемой /о/. Лабиадентальность /ф/ обнаруживает свою значимость при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *фон* и фонемы /с/ в слове *сон*; глухость /ф/ обнаруживает свою значимость при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *фон* и фонемы /в/ в слове *вон*; твердость /ф/ обнаруживает свою значимость при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *Фока* и фонемы /ф'/ в слове *Фёкла*.

Но в синтагматической цепи имеются и такие позиции, в которых некоторые двоичные признаки утрачивают свою двоичность и тем самым утрачивают значимость. Так, фонема /ф/ в положении перед шумными согласными утрачивает двоичный характер глухости (хотя сами дифференциальные признаки глухости и звонкости могут сохраняться) и твердости, но сохраняет двоичный характер лабиадентальности; например, в фонеме /ф/, представленной в слове *фтор*, имеет релевантность только один дифференциальный признак — лабиадентальность; его значимость обнаруживается при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *фтор* и фонемы /ш/ в слове *штор* (род. падеж мн. числа). Отсутствие релевантности у двух остальных ДП фонемы в рассматриваемой позиции есть реляционное свойство названной фонемы, так как оно порождается данной позицией.

В положении перед плавными согласными фонема /ф/ утрачивает двоичный характер только одного дифференциального признака — твердости, но сохраняет двоичную природу двух других дифференциальных признаков — лабиадентальности и глухости. Релевантность дифференциального признака дентальности обнаруживается при сопоставлении фонемы /ф/ в форме *флейте* (дат. падеж ед. числа) и фонемы /с/ в форме *слейте* (повелит. наклонение). Релевантность дифференциального признака глухости обнаруживается при сопоставлении фонемы /ф/ в форме *флейте* и фонемы /в/ в форме *влейте* (повелит. наклонение). Дифференциальный признак твердости фонемы /ф/ в слове *флейта* не имеет релевантного характера. Отсутствие релевантности данного признака фонемы /ф/ в данной позиции обусловлено этой позицией и имеет реляционный характер.

Таким образом, свойства релевантности и нерелевантности в фонемах могут зависеть от позиций, которые занимают эти фонемы, и быть реляционными, либо не зависеть от соответствующих позиций и быть абсолютными [16]. Фонетическая система в этом отношении представляет сложную структуру, и было бы ошибочным считать реляционными все свойства фонемы в области их значимостей.

С. К. Шаумян выделяет в языке реляционный каркас и объявляет его предметом особой науки — структурной лингвистики как имманентной теории языка. Новые методы изучения лингвистической реальности, связанные с пониманием языка как особой структуры, имеют весьма прогрессивное значение для всего языкознания. Однако понимание структуры языка как реляционного объекта (каркаса) нельзя признать правильным.

[14] Твердость и мягкость согласных в позиции перед гласной /е/ не функциональна

[15] Упрощая изложение, опускаем вопрос о различии ДП долготы и краткости.

[16] Существует три класса позиций фонем: одни устанавливаются с точки зрения необусловленности (абсолютности) или обусловленности (реляционности) их дифференциальных признаков, другие — с точки зрения наличия или отсутствия релевантности отдельных ДП фонемы (сильные и слабые позиции), третьи — с точки зрения соотношения релевантных и нерелевантных ДП в составе фонемы. В последнем случае различаются позиции с максимумом или минимумом релевантных ДП и промежуточные позиции.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ*

Вопрос № 4. «Если в задачу общеславянского атласа входит выявление структурной типологии славянских языков и диалектов, то в какой мере и как должны учитываться так называемые „микродиалектные миры"?»

Широкое отражение в общеславянском лингвистическом атласе микродиалектных явлений представляется и ненужным и нереальным. Это задача одноязычных или даже областных атласов; в применении к общеславянскому атласу это грозило бы накоплением неоднородного, неоднотипного материала, непригодного для сравнений. Такой материал отражал бы совершенно различные стадии развития отдельных говоров, охватывал бы элементы остаточные и периферийные наряду с элементами системными, характерными для данного диалекта в целом. В результате вместо выявления системных элементов имелось бы великое множество гетерогенных реализаций. Такие опасения возникают прежде всего по отношению к сильно дифференцированным диалектам, таким, как кашубские или словенские, где почти каждый говор, значительно отличаясь от соседних, ограничен пределами одной или нескольких деревень. При таком положении трудно претендовать на полное отображение этой раздробленности. Данная задача находится вне рамок общеславянского атласа, а в некоторой степени — даже и вне пределов атласа одноязычного; этого можно достичь лишь в специальных региональных атласах, что и делается, например, для кашубских говоров в Варшаве специальным коллективом под руководством проф. З. Штибера.

М. Карась (Краков)

Вопрос № 6. «Какого характера должен быть фонетический вопросник для атласа (выбор явлений, формулировка вопроса, обязательность слов)? Какие современные фонологические явления в структуре славянских диалектов следует выделить для определения их типологии (и как)?»

При построении вопросника по фонетике следует исходить из праславянского звукового состава; это дает возможность установить, какие происшедшие в нем изменения характеризовали развитие отдельных языков и давних диалектных группировок. Конечно, придется положить в основу гипотетическую реконструкцию праславянской фонетической системы, но именно такой путь представляется наиболее обоснованным. Что же касается построения вопросов по развитию отдельных звуков, то ответы на них должны информировать о том, как представлены в конкретном языке или диалекте реализации соответствующих фонем и их соединений. Здесь также следует дать типичные, лучше всего общеславянские слова или же при отсутствии соответствий слова, включающие данную фонему или сочетание; например, вопрос о развитии праславянской группы **tort* должен иллюстрироваться рефлексами этой группы в словах праслав. **worna*, **borda* и т. п. Конечно, наряду с типичными и общими рефлексами надо отражать и явления лексикализовавшиеся. Следует

* Продолжение публикации ответов на анкету, помещенную в № 5 за 1960 г. (стр. 45—46).

подчеркнуть, что примеры для иллюстраций должны быть подобраны так, чтобы они охватили все фонетические позиции, важные для развития данной фонемы или данного сочетания фонем. Нам кажется, что всем предъявленным здесь требованиям полностью удовлетворяет проект фонетического вопросника, подготовленный проф. З. Штибером.

М. Карась

Учитывая редкую сетку общеславянского лингвистического атласа, а также ограничения, накладываемые на объем его вопросника, можно предположить, что наиболее эффективный результат при обследовании звукового аспекта славянских диалектов даст фонологическая анкета. Фонологическая анкета представляет собой набор минимальных пар слов (квазиомонимов) и сегментных пар (т. е. пар слогов, морфем, словосочетаний, в которых каждый член пары отличается от другого члена одним звуком). Необходимо, чтобы между членами минимальных пар существовали коррелятивные отношения [т. е. взаимооднозначные противопоставления по одному различительному (дифференциальному) признаку].

Анкета предлагается группе носителей данного диалекта, которые должны однозначно определить (в случае разногласий путем голосования), являются ли оба члена каждой пары одним и тем же словом (слогом, морфемой, словосочетанием), т. е. омонимом, или они осознаются в качестве двух различных слов (соответственно слогов, морфем и т. д.).

Анкета реализуется или путем прямого опроса (одно это слово или два слова?) или, что более надежно, при помощи фонологических тестов. Сущность метода фонологических тестов состоит в том, что группа носителей диалекта отгадывает значения слов (морфем), произносимых другим носителем диалекта в установленном заранее порядке. Если значения называются правильно, это свидетельствует о том, что члены минимальных пар не являются омонимами в данном говоре. Если же угадывающие путают значения парных форм или сами указывают на то, что в их родном говоре существует не две, а одна форма, имеющая два значения, то следует говорить о превращении минимальной пары в пару омонимов. Реализация фонологической анкеты даст готовый набор дискретных лингвистических тождеств и различий, в котором будет отражаться скрытая от прямого наблюдения фонологическая схема исследуемого диалекта.

Подобрать единый для всей славянской территории набор минимальных пар невозможно. Поэтому в разных районах пришлось бы использовать анкеты, включающие неодинаковые с лексической точки зрения минимальные пары. Однако все эти анкеты должны иметь одно и то же фонологическое содержание и целенаправленность (например, они должны выявлять сохранение или устранение дифференциальных признаков «твердость — мягкость», «долгота — краткость», «звонкость — глухость» в конце слова и т. п.). При таком построении анкеты ее варианты могли бы включать и заведомо диалектные формы. Ср. русск. диал. [сырой] (им. и вин. падежи ед. числа мужского рода): [сырôй] (косв. падеж ед. числа жен. рода); как известно, в русском литературном языке противопоставление [о:ô] нейтрализовано, в связи с чем члены минимальной пары превратились в грамматические омонимы.

Р. Г. Пиотровский (Ленинград)

Атлас должен проследить сумму рефлексов праславянских звуков и изучить систему звуков с позиции функциональной фонологии. Интересно, между прочим, изучить дистрибуцию отдельных фонем, т. е. сумму их позиционных возможностей. Изучение дистрибуции фонем будет иметь значение для морфемного анализа слов и вопросов, связанных с граница-

ми слова. Следует выявить лексемы, фонемы которых не соответствуют общим законам дистрибуции; картографирование их обязательно. Особое внимание следует уделить системе ударения славянских языков и его семантической нагрузке.

О. Ф. Рипецкая (Львов)

Вопрос № 7. «Какого характера должны быть вопросники по морфологии и словообразованию? Каким образом и в какой мере следует учитывать парадигматические и словообразовательные связи отдельных форм при их картографировании?»

Отбор явлений и слов для морфологической части вопросника славянского лингвистического атласа определяется морфологической структурой славянских языков. С точки зрения содержания и объема он должен исчерпать проблематику таким образом, чтобы результаты картографирования могли быть надежным источником для сравнительно-исторического и структурно-типологического изучения славянской морфологии. Дифференцированность морфологических явлений проявляется в их форме и в их значении. Объектом исследования является и то и другое, так что при изучении формы учитывается ее значение, а при изучении значения обращается внимание и на форму.

Большое число морфологических различий между славянскими языками основывается на формальных расхождениях, которые восходят к фонетическим изменениям. Иногда эти изменения влекут за собой парадигматические сдвиги; ср. утрату различий между твердыми и мягкими основами, утрату чередования согласных *k/c*, *g*, *h/z*, *ch/s*, *š*. Некоторые фонетические изменения привели к ярким морфологическим различиям; ср. стяжение в парадигме сложных прилагательных (русск. *молодой*, *молодая*, *молодое*, но ср. польск. *młody*, *-a*, *-e*, чеш. *mladý*, *-á*, *-é*; ср. словацк. *mladí*, *-á*, *-ců*, южно-слав. *mladi*, *-a*, *-o*), в род. падеже мн. числа (русск. *костей*, *людей*, но ср. чеш., словацк. *kostí*, *l'udí*). Различие фонетического происхождения представлено также в форме твор. падежа ед. числа женского рода: русск. *горой*, *новой*, чеш., словацк. *rukou*, *mladou*, диал. *ruků*, *mladú*, польск. *ręką*, *nową*, сербско-хорв. *mladom*, *sestrom*, словин. *ribo*, *belo*. Однако фонетические изменения не привели ни к изменению значения, ни к изменению функции формы. Тем не менее фонетическим изменениям следует все же уделять должное внимание, поскольку многие из них еще и теперь являются живыми, как, например, чередования гласных и согласных, ударение, количество и др.

Никакого влияния на изменение значения не имели также различные выравнивания по аналогии внутри парадигм или между парадигмами в рамках данной части речи или между частями речи. Например, замена формы 1-го лица ед. числа презенса типа *vedu*, *nesu* в южнославянских языках и в словацком языке формой на *-em* не изменила значения формы. А эта форма является ярким дифференциальным признаком славянских языков и связана также и с различием окончания 1-го лица мн. числа *-m/-me/-my* и т. д. С другой стороны, форма, не имеющая фонетических вариантов, в отдельных славянских языках может иметь разное значение и разную функцию. Поэтому морфологические явления необходимо исследовать на фоне целого, чтобы ясно выявились их положение в системе и их функции.

Например, в южнославянских языках именные и сложные формы прилагательных выражают категорию определенности и неопределенности, в остальных славянских языках именные формы употребляются в предикативной функции, сложные — в атрибутивной. В славянских языках, кроме лужицкого и словинского, двойственное число как грамматическая категория утратилось, но окончание твор. падежа двойственного числа *-ma* в среднесловацком диалекте, например, стало характерным для скло-

нения количественных числительных, а в восточнословацком оно стало обычным окончанием родового (атрибутивного) склонения вообще.

Исконные *u*-основы как морфологический тип утратились, но некоторые их окончания (дат. падеж ед. числа *-ovi*, им. падеж мн. числа *-ové*) в различном объеме выступают как характеризующие категорию одушевленности (личности) имен существительных и т. д. Исконное окончание род. падежа ед. числа *u*-основ *-u* встречается в русском языке у вещественных имен существительных в родительном партитивном (*кило сыру*, но в другом значении: *цена сыра*).

Итак, морфологическая проблематика не исчерпывается лишь констатацией различий по форме. Сами эти различия иногда обусловлены грамматическим и лексическим значением формы, иногда — синтаксически. Изучение значения и функции формы раскрывает внутренние закономерности и тенденции развития грамматического строя славянских языков, исчезновение и перегруппировку грамматических категорий, показывает их объем, различия в грамматическом роде, утрату простых прошедших и развитие сложных прошедших времен, грамматикализацию глагольного вида, утрату причастий и т. д.

Основное внимание при изучении морфологических различий сосредоточивается на явлениях регулярных, которые являются основой системы. На слова или формы несистемного характера, которые сохранились как редкие архаизмы, следовало бы обращать внимание лишь тогда, когда это касается специфических для данного языка слов или форм (например, чеш. род. падеж мн. числа *rukou*, *nohou*, *kolenou*, твор. падеж *rukama*). В вопросник можно включить также и лексикализованное причастие настоящего времени *idúc idúcky* сравнительно с *ida*, *buda*, фразеологические падежные сочетания чеш. *na kůň*, *ist' za muž* и т. п. Для южнославянских языков характерны явления типа *govedo-govedeta*, *more-moreta*, *drvo-drvesa*, словин. *breme-brema-bremu* и т. д. Такие стоящие вне системы формы обычно ограничены небольшим числом слов определенного семантического круга. Они не имеют большого значения для характеристики морфологической системы, но как формы отмирающие представляют собой фон, на котором яснее выступают характерные тенденции системы.

При составлении вопросника могли бы найти применение определенные принципы.

1. Выбор явлений и подбор слов должен быть экономичным; при этом необходимо учитывать и уровень обследования территории, и обработанность привлеченного материала. Но прежде всего желательно, чтобы количество слов, иллюстрирующих дифференциацию определенного морфологического явления, охватило все варианты, важные для данного явления. Отбор слов, как и их количество, определяется общеславянскими процессами дифференциации, которые с точки зрения славянского лингвистического атласа представляют собой одно закономерное диалектическое целое. Познать это целое можно в том случае, если не будет пропущен ни один органический и существенный элемент, связанный в цепи развития с исходным состоянием. Поэтому было бы нежелательно значительное сокращение количества слов, иллюстрирующих отдельные явления. В атласе отдельного славянского языка проблематику явления можно передать на примере двух-трех слов. Однако в общеславянском масштабе дифференцированность явлений, с одной стороны, оказывается более пестрой по фонетическим признакам, с другой — по-разному характеризуется в плане семантическом и функциональном в отдельных грамматических категориях и лексических группах. Поэтому для отображения всей проблематики явлений требуется большее количество слов; оно должно наглядно и полно раскрывать проблематику, вытекающую из территориальной дифференцированности явления.

2. Слова, иллюстрирующие дифференцированность морфологического явления, должны быть обязательными для всей обследуемой территории.

Поэтому прежде всего отбираются слова, общие для всех славянских языков. Однако этого недостаточно. Во многих случаях необходимо будет привести значительное число параллельных слов, из которых собиратель использует только то, которое встречается в обследуемом пункте. Однако и это не всегда будет возможно, и в ряде случаев придется привести лишь слова-образцы (потенциальные), которые собиратель заменит словами того же самого типа. Это будет необходимо главным образом при определении синтаксической конструкции, сочетания слов и т. п. Разработанные таким образом вопросы, конечно, сильно затруднят работу собирателя. Слова для вопросника отбираются из общеславянского словарного состава. Исключаются имена собственные, личные, топонимика и т. п. Формы следовало бы приводить в предложных или кратких синтагматических сочетаниях. Однако в вопроснике, пожалуй, достаточно привести только слово, предоставив собирателю зафиксировать соответствующую форму в сочетании, которое встретится при обследовании.

3. Возникает вопрос, на каком языке приводить слова в вопроснике. Реконструируемая праславянская форма слова в какой-то мере была бы оправдана в фонетической части вопросника, однако в морфологии и словообразовании она, очевидно, уже не имеет оснований, а в синтаксисе полностью исключается. В этом отношении необходимо единство во всем вопроснике. Праславянская форма для полевой работы не подходит. По нашему мнению, было бы полезно разработать оригинал вопросника на каком-нибудь славянском языке, причем для примеров по необходимости можно было бы использовать и праславянские формы. Такой вопросник для нужд собирателя следует перевести на отдельные национальные языки.

4. Статья вопросника может состоять из трех частей. Сначала дается указание, касающееся определения обследуемого явления (формулировка задачи), потом следуют примеры (слова, предложения), а в третьей части по необходимости при более сложных явлениях может быть примечание о том, что устанавливается на примере этих слов (форма, фонетическое явление, ударение, количество, чередование и т. д.). Первая часть вопроса должна быть настолько ясной и простой, чтобы не было необходимости в третьей части добавить замечание. Следует избегать чрезмерно теоретизированных и отвлеченных формулировок.

5. В принципе вопросник можно строить или в соответствии с грамматической системой, или по семантическому признаку; можно выбрать и какое-либо компромиссное решение. Систематическое расположение материала имеет то преимущество, что итоги обследования и отдельные результаты можно будет непосредственно сравнивать. Тем самым представится возможность проверки, дополнения или исправления полученных данных. При таком методе собиратель может давать дополнительные примечания к отдельным явлениям, касающиеся их употребительности у различных слоев населения и т. под. Семантический принцип расположения материала удовлетворяет и по содержанию, и по методике при обследовании словаря. Однако для изучения синтаксиса он совершенно исключен. В области же грамматики его преимущества сомнительны, так как при его применении система разбивается и материал органически единый разбрасывается по всему вопроснику; практически при этом теряется возможность контроля за работой, который не обеспечивается и индексами. При расположении по семантическому принципу должны быть два индекса — индекс слов и индекс явлений. При систематическом расположении достаточно было бы только индекса слов.

Соображениями материальной экономии диктуется желательность того, чтобы слова не повторялись и чтобы однажды приведенное слово использовалось для обследования фонетических, морфологических, семантических, а по необходимости и иных явлений. В таком случае следует в примечании подробно указать, что обследуется в этом слове помимо явления, отмеченного в заглавии. Нужно обдумать, не целесообразнее и не проще

ли привести слово вместе с другими словами, иллюстрирующими явление, а в соответствующих местах (в третьей части) указывать при каждом слове отдельно, что́ на нем исследуется. Слова, иллюстрирующие одно и то же фонетическое или морфологическое явление, при семантическом принципе расположения оказались бы на разных местах, и при каждом слове пришлось бы в третьей части вопроса повторять одно и то же разъяснение. С точки зрения экономичности проблема предстает как circulus vitiosus: при систематическом принципе расположения вопросов нельзя избежать повторения слов, а при семантическом — нельзя избежать повторения сложных разъяснений и указаний в третьей части вопроса.

Важно, чтобы при территориальном обследовании с вопросником работали квалифицированные собиратели-диалектологи, обладающие должным знанием изучаемого диалекта и хорошо понимающие теоретическое значение своей работы. От содержания вопросника, которым собственно определяется и содержание атласа, от собирателя и результатов его полевой работы зависит успех всей дальнейшей работы над славянским лингвистическим атласом.

Й. Штольц (Брно)

Перевод со словацкого

Определить тип вопросника по морфологии и словообразованию гораздо сложнее, чем по фонетической проблематике, так как серьезного опыта на уровне одноязычных атласов в этой области нет. В области морфологии, видимо, основным вопросом, требующим обязательного обсуждения, будет следующий: является ли целью атласа установление (или показ) эволюции старых систем склонения и спряжения, начиная от праславянского языка, или же раскрытие средств, которые в настоящее время выполняют словоизменительные функции (например, предложные конструкции на месте старых синтетических окончаний). Важно также определить, в какой степени будущий атлас вторгнется в область специфики отдельных языков. Кажется, наилучшим решением было бы изучение рефлексов старого, общего для всей славянской территории состояния. Тогда бы обнажились основные линии и тенденции развития. Было бы очень полезно охватить целые парадигмы именного или глагольного словоизменения, по крайней мере в период собирания материала; каким образом это будет затем отражено на картах, зависит от решения редакционного комитета. Нельзя исключать возможности при случае картографировать более одной формы данной парадигмы; например, для отражения в системе склонения противопоставления по роду дать польские род. и вин. падежи *dom brata*, *widziałem brata*; им.-вин. падежи *dobrzy ludzie*, *dobrych ludzi*. Иногда стоило бы соединять ныне различные, но нéкогда общие группы склонения, например вин. падеж *dobrych ludzi*, *dobre stoły*. Подобные явления не чужды также и спряжению глагола; ср. противопоставление 1-го лица ед. числа и 1-го лица мн. числа настоящего времени.

Много проще проблема словообразовательного вопросника. Здесь возможны два пути — идти либо от формантов, либо от семантических групп (например, выяснить, какие форманты употребляются в том или ином языке для образования имен существительных типа nomen agentis). Более реальным представляется все же первый вариант, позволяющий установить географическую сферу распространения отдельных формантов, а в случае отсутствия таковых — их функциональных соответствий. Таким путем выясняется вопрос о различных формантах, обслуживающих иногда одни и те же основы и имеющих одни и те же функции; ср. польск. *kowal*, чеш. *kovář*; как бы вторичным исходным пунктом здесь является значение и функция. Вопрос осложняется возможностью лексических противопоставлений; ср. русск. *кузнец*. Все же вопросник по формантам представляется более практичным. Конечно, и здесь надо выделить постоянное, обязательное для исследователя ограниченное количество слов-соответ-

ствий, что позволит избежать неясных и двусмысленных ответов. В этом проявляется своего рода «лексичность» словообразовательного вопросника[1].

М. Карась

Чешские языковеды подготовили весьма ценные перечни явлений, отражение которых в общеславянском атласе представило бы большой интерес. Поскольку, однако, программа атласа естественным образом будет ограничена, следует установить в каждом из инвентарей очередность включения их отдельных пунктов в программу. Можно попытаться продемонстрировать это на примере одного из инвентарей. М. Комарек составил полный, тщательно разработанный «Инвентарь явлений из области числительных»[2]. Многие из вошедших в инвентарь явлений кажутся весьма существенными. Их включение в программу атласа представляется очень желательным.

К первоочередным вопросам по числительным относятся вопросы о склонении числительных (как типа *два — три — четыре*, так и типов *пять*, *сто*, а также составных, сложных и собирательных; важен учет склоняемости отдельных числительных и компонентов сложных и составных числительных), об их образовании (особенности в порядке компонентов и их оформлении; обязательность или допустимость союза в составных числительных), об их сочетаниях с существительными (в им.-вин. падеже, а отчасти и в косвенных падежах), об особенностях варьирования некоторых форм числительных (*два — две*; *двое — двои*; лично-мужские и «женско-вещные» формы), о некоторых территориальных лексических вариантах (*девяносто — девятьдесят*, граница которых не совпадает с западной границей восточнославянских языков; «тысяча» — ср. болг. и сербско-хорв. *хиляда*, *хиљада*, сербо-луж. *towzynt*, сербско-хорв.диал. *ezer*; быть может, «сорок», «сто») и некоторые другие.

Хотя отдельные явления в области числительных сами по себе и интересны, они представляются второстепенными с точки зрения включения их в атлас. Таковы, например, сохранение конструкций типа *двадцать без одного*, наличие особых составных числительных типа словацк. *jedenásť sto*; наличие форм вроде белорус. *абодва* и под. Часть таких фактов может быть отражена в сравнительном словаре славянских языков.

Включение некоторых явлений в программу атласа едва ли целесообразно в силу того, что трудно рассчитывать на получение доброкачественной информации об употреблении ряда параллельных форм, а в случае ее получения затруднительно будет нанести соответствующие данные на карты. Такое, например, важное для восточнославянских языков явление, как согласование в числе сказуемого с количественным подлежащим, определяется многими взаимодействующими факторами; чтобы получить ответ на возможный вопрос программы, пришлось бы проводить довольно сложное исследование по различным относящимся сюда пунктам, а нанести итоги этих исследований на карту, вероятно, окажется невозможным. Поэтому придется отказаться от включения указанного явления в программу атласа. Видимо, это касается и форм прилагательных в выражениях *два хорошие/хороших стола*.

Некоторые языковые факты довольно существенны, но их распределение по славянской территории не позволяет провести межславянские

[1] Следует отметить, что словообразованием в общеславянском лингвистическом атласе занимается в особенности варшавский коллектив под руководством проф. В. Дорошевского. Там же совместно с краковским коллективом ведутся работы над подготовкой лексикального вопросника. Кроме того, проблематике атласа было посвящено заседание в Варшаве 25. II. 1961 г. На этом заседании были прочтены доклады: проф. З. Штибера (по фонетике), проф. С. Урбанчика (по семантике), проф. К. Дейны (по синонимике), Й. Пузыниной и С. Шлиферштейновой (по словообразованию).

[2] См. M. Komárek, Inventář jevů z oblasti číslovek; zasady výběru a výběr sám, «Slavia», XXIX, 2, 1960, стр. 262—267.

изоглоссы. Такова, вероятно, сочетаемость собирательных числительных с разными существительными [русск. *двое мужчин*, *верховых*, укр. (восточн.) *двоє відер*, *вікон*]. Целесообразность включения в атлас фактов такого рода должна быть рассмотрена в каждом конкретном случае. Хотя изучение отдельных фактов и может казаться довольно интересным (ср., например, распространение конструкций типа *сам-третей*, *полтора*, *пятого января*), необходимость их включения в программу атласа сомнительна, поскольку они не оказали значительного влияния на формирование числительных как особой части речи, т. е. на системные отношения в языке.

Иногда полезно (если не в самом атласе, то в вопроснике) выяснить не отдельную форму, а всю парадигму (ср. склонение слова *два*). В некоторых случаях интересно будет получить сведения не просто о наличии такого-то типа образований, а и о его распространенности в языке. Так, например, полезно выяснить «верхний» предел образования собирательных числительных или некоторых отчислительных прилагательных (ср. укр. *двадцятеро*; польск. *sześcioraki* и под.).

Прежде чем приступать к повсеместному сбору материалов для атласа, полезно опубликовать проект программы, опробовать его в нескольких пунктах (во всех языках) и подвергнуть широкому обсуждению.

А. Е. Супрун (Фрунзе)

Атлас должен выявить эволюцию отдельных праславянских парадигм, нейтрализацию их дифференцирующих черт и новые противопоставления. В отношении структуры грамматических форм заслуживает внимания процесс преобразования аналитических форм в синтетические (например, укр. *ходитиму*, *ходив'ем*) и образование супплетивных форм (ср. образование степеней сравнения прилагательных). Следует также уделить достаточное внимание синтаксическим возможностям отдельных грамматических форм, их центральным и периферическим грамматическим значениям. В связи с этим большое значение имеет, например, изучение синтаксиса падежей.

Для реконструкции праславянского языка имеет значение фиксирование реликтных форм, например форм двойственного числа. В раздел морфологии следует включить морфологизированные средства словообразования, например префиксацию и суффиксацию глаголов как способ образования видовых категорий. Структурную специфику словообразования отдельных частей речи следует рассматривать в четкой системе. Так, например, в отношении словообразования существительных атлас должен выявить географию словообразовательных типов и моделей по отдельным словообразовательным разрядам (nomina agentis, nomina instrumentalis).

Атлас должен выявить географическую дифференциацию словообразовательных типов в пределах одного словообразовательного разряда и внутреннюю связь между отдельными типами различных разрядов. Вместе с тем следует выявить и непродуктивные типы словообразования (структурные особенности некоторых словосложений, рефлексы суффикса прилагательных *-jь*).

Заслуживают внимания и типы деминутивных образований как существительных, так и прилагательных с учетом семантических оттенков отдельных суффиксов. Интересно было бы, между прочим, рассмотреть и nomina attributiva, особенно характерные для народного языка, образующие переходное звено между апеллятивами и антропонимами. Важен вопрос образования существительных женского рода от существительных мужского как для названий животных, так и для профессиональных терминов.

О. Ф. Рипецкая

Вопрос № 8. «Какого характера должны быть вопросники по лексике и семантике? Какова их взаимосвязь? Какой должна быть „хронологическая направленность" вопросов? Какие лексические заимствования можно внести в вопросник?»

В лексическом составе современных славянских языков и их диалектов следует выявить общие праславянские элементы в их диалектной дифференциации. Атлас должен зафиксировать и современное состояние лексики славянских языков. В первом случае диахроническое изучение лексики требует главным образом применения семасиологического метода опрашивания — от слов к их значениям. В качестве вспомогательного приема следует использовать ономасиологический метод — от понятий к словам. Это необходимо в тех случаях, когда данное общеславянское слово отсутствует в исследуемом населенном пункте. Во всех случаях надо принимать во внимание как основное, так и вторичное значение слова. При изучении современного состояния лексики следует идти от предметов и понятий к их наименованиям.

Вопросник должен охватить разные семантико-лексические сферы, отображающие быт рядового носителя диалекта. При этом должны преобладать данные материальной культуры. Очевидно, придется исключить лексику, связанную с влиянием городской цивилизации. Разумеется, большие трудности возникнут при установлении лексического инвентаря для выявления лексических противопоставлений.

При изучении современного состояния лексики следует опираться на этнографические данные, посредством которых можно выявить общие элементы быта и культуры славянских народов на современном этапе их развития. В связи с этим весьма важное значение имеет изучение реалий. Трудность их изучения состоит в том, что предметы, служащие одной цели, внешне могут быть различны. В отдельных случаях эти внешние различия обусловливают и название предметов. Следует установить, какие предметы можно идентифицировать в отношении их функций. При опрашивании надо пользоваться соответствующими рисунками.

Собранный материал выявит синонимические ряды, содержащие общеславянские слова, новейшие образования отдельных национальных языков, заимствования из одних славянских языков и диалектов в другие, иноязычные заимствования. В одном населенном пункте можно иногда обнаружить лексические дублеты (слова из двух разных диалектов; архаизм и новейшее наименование; слово родного диалекта и иноязычное заимствование). На такие синонимические наименования следует обратить внимание (они могут иметь значение для изучения культурных связей). При рассмотрении лексических дублетов нужно установить доминанты.

Атлас должен охватить главным образом существительные, но можно бы учесть и некоторые прилагательные, выражающие наиболее характерные свойства людей и окружающих их предметов. Целесообразно включить и некоторое количество глаголов, прежде всего для наименования процессов производства. Интересно также выявить структурную специфику наиболее употребляемых фразеологизмов.

Семантика, на наш взгляд, должна изучаться не отдельно, а в тесной связи с лексикой и словообразованием. Поэтому важно фиксировать разные значения лексем. Соответствующий анализ лексического материала даст возможность выявить наиболее характерные явления в области семантики — лексическую и словообразовательную синонимию, полисемию, омонимию. На основании обобщенных наблюдений можно будет составить сводные карты-схемы.

Из заимствований считаем нужным ввести только относящиеся к общеславянскому периоду, например германские. Новейшие заимствования, например немецкие, связанные с средневековой колонизацией

(в чешском, польском и других языках), не должны входить в общеславянский атлас. Другое дело, что отдельные из заимствований более поздних периодов будут обнаружены при синхроническом изучении лексики, при использовании ономасиологического метода. Таким образом будут установлены заимствования, выступающие как элементы одного и того же синонимического ряда в его географическом распространении в межславянском масштабе (например, польское *zegar*).

О. Ф. Рипецкая

Вопрос № 9. «Какого характера должен быть вопросник по синтаксису? Нужно ли типологическое обследование синтаксиса?»

Изучение синтаксиса в отличие от изучения других ярусов языковой структуры, например лексики, может проводиться исключительно в синхроническом плане. Правда, в определенных случаях можно будет провести наблюдения и сделать ретроспективные выводы. Какие из явлений доминируют в данном диалекте и являются контрастными в общеславянском масштабе, можно будет установить только на основании соответствующего анализа большого количества связных текстов. Выявление отдельных конструкций посредством вопросов должно быть только вспомогательным средством.

Основное внимание придется уделить структуре самостоятельного предложения, в том числе эллиптическим предложениям, характерным для разговорной речи. Заслуживает внимания структура сказуемого, конструкция глагола с отрицанием, деепричастные конструкции. Необходимо раскрыть структуру словосочетаний, изучить явления, стоящие на границе морфологии и синтаксиса, такие, как синтаксис падежей, глагольное управление, предложные конструкции. Какие гипотаксические конструкции будут приниматься во внимание, покажет анализ текстов. Задачей исследования синтаксиса должно быть выявление целого ряда синтаксических моделей. Типологическое исследование синтаксиса, на наш взгляд, целесообразно.

О. Ф. Рипецкая

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. ЭЙХЛЕР

ДРЕВНЕЛУЖИЦКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ОБЛАСТЬ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

(К вопросу о славянском ономастическом атласе)

Важное значение ономастических исследований для исторического рассмотрения славянских языков в последние десятилетия становится все очевиднее[1]. При помощи ономастического материала успешно разрешались проблемы исторической фонетики, словообразования и лексикологии. Особенно важна роль ономастики при установлении прежних языковых особенностей так называемых «исторических» языковых областей, например таких, в которых в настоящее время больше не говорят на словянских языках; в этом случае материал для исследования представляет в сущности лишь топонимика (наряду с немногочисленными заимствованиями) [2]. В Европе имеется несколько таких областей: в Германии (от Гольштинии до Дуная), в Австрии, в Западной Венгрии, в Румынии, Албании и Греции. Некогда живые славянские наречия были «перекрыты» здесь неславянским языковым суперстратом.

Живой интерес к прежним славянским наречиям в современной немецкой языковой области и особенно к древнелужицким названиям наблюдался в период расцвета сравнительного языкознания в прошлом столетии. В появившихся в то время работах основное внимание уделялось объяснению — этимологии имен. Однако исследователи указанного периода во многих случаях неизбежно впадали в ошибки, ибо тогда мало было известно о славянских звуковых соотношениях и о словарном запасе вымерших славянских наречий. Ономастический материал из славянских стран либо вовсе отсутствовал, либо был труднодоступным. В 20-х годах XX в. это «этимологическое» направление все более уступало место другому, представители которого в большей степени учитывали историческую фонетику немецкого и славянских языков и устанавливали немецко-славянские звуковые соответствия. Здесь можно назвать таких ученых, как П. Лессиак, который сам происходил из немецко-словенской пограничной области, как Э. Шварц и Р. Фишер, которые изучали главным образом славянские элементы немецко-чешской пограничной области.

Однако лишь в последние годы появляются первые свободные от каких-либо догматических установок попытки фонологического рассмотрения замены звуков. С другой стороны, уже давно стало ясно, что и этимологическая интерпретация, и рассмотрение замены звуков должны

---

[1] Ср. В. В. Виноградов, Состояние и перспективы развития советского славяноведения, ВЯ, 1959, 6, стр. 13 и сл. См. также вышедшие выпуски серии «Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte» (сокращенно: DS) (1956 и сл.).

[2] Ср. В. Ташицкий, Место ономастики среди других гуманитарных наук, ВЯ, 1961, 2; R. Fischer, Erkenntnisse und Aufgaben der slawistischen Namenforschung, Berlin, 1959, и др.

быть связаны с географией и стратиграфией имен. Этот принцип, уже давно принятый в германском и романском языкознании, лишь в последние годы стал приобретать все большее значение в славистике. Начиная с 30-х годов польские исследователи (особенно С. Роспонд и В. Ташицкий) занимаются изучением отдельных типов имен, что в конечном итоге должно послужить основой для создания славянского ономастического атласа. Эти методы, позволившие создать определенную школу, в настоящее время применяются также советскими и немецкими славистами [3].

Немецкие исследователи, занимавшиеся изучением славянских топонимов, представленных в онемеченном виде, ранее редко указывали на значение географии имен; на это обратил внимание Р. Фишер, открывший параллелизм имен в горной области Фихтельгебирге и в областях Эгерланд и Фогтланд [4]. Каков же предмет географии имен? С нашей точки зрения, предметом географии имен является пространственное распределение определенных типов имен. Под типом имен можно понимать группу имен (в данном случае — топонимов в самом широком смысле слова), которые обнаруживают какие-то общие признаки образования (например, определенный суффикс, такой, как *-'ane*, *-ьsko*,*-ęta* и т. д., или имя нарицательное; при этом необходимо иметь в виду, что в разных славянских языках унаследованные от праславянского состояния именные словообразовательные элементы комбинируются различным образом, что создает различия в их ономастическом материале). К географии имен приходится обращаться также при исследовании фонетических особенностей, этимологического происхождения некоторых имен и т. д. Распространенный термин «группа имен» вряд ли может заменить термин «тип имен», хотя против этого последнего неоднократно выдвигались возражения, поскольку термин «группа имен» не обязательно содержит указание на типичные для определенного круга имен словообразовательные особенности. Если не ограничивать понятие «тип имен» строгими терминологическими рамками, то оно может стать ключом к новым открытиям, особенно в области хронологии и исторической значимости топонимического материала (ср., например, книгу В. Шмилауэра).

Возникает и другой, чисто методологический вопрос: в каком случае возможно картографирование того или иного типа имен? Прежде всего необходимо располагать по возможности наиболее полными сведениями обо всех встречающихся топонимах (в том числе, разумеется, и о названиях пустошей). Затем следует провести их структурную классификацию, которая даст возможность выделить типы имен; только после этого можно производить картографирование, которое позволит выяснить, можно ли вычленить более или менее замкнутую область распространения того или иного типа имен.

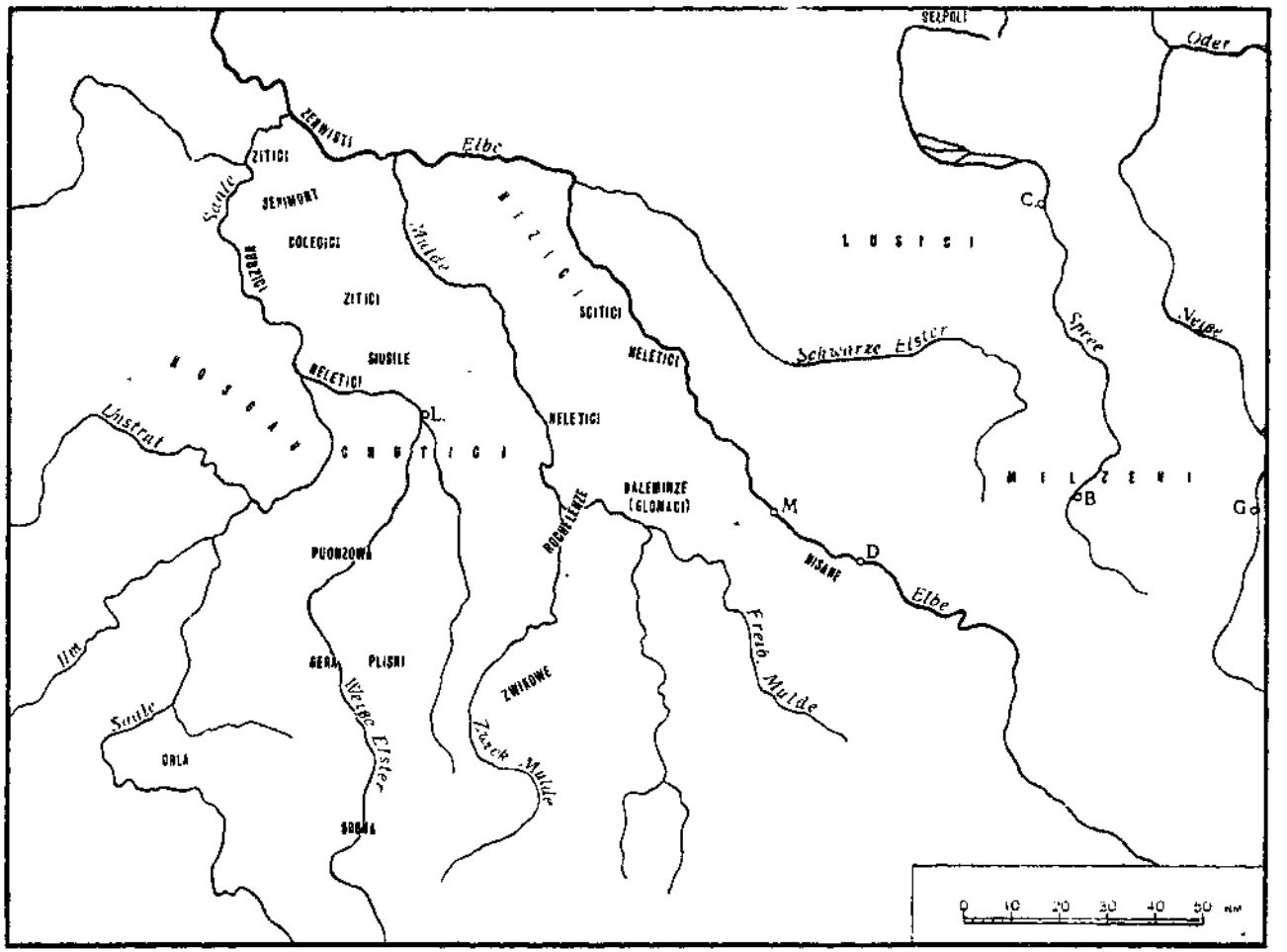
Собранные материалы позволяют исследовать географию имен доисторического состояния древнелужицкой языковой области. Представляется целесообразным в первую очередь дать обзор важнейших древнелужицких типов имен, которые необходимо учитывать при исследовании географии имен на современном этапе [5].

---

[3] Ср. В. А. Никонов, География русских суффиксов, «Onomastica», V, 2, 1959; по чешской топонимике см.: V. Šmilauer, Osídlení Čech ve světle místních jmen, Praha, 1960; E. Eichler, Probleme der Analyse slawischer Ortsnamen in Deutschland, сб. «Leipziger namenkundliche Beiträge», Berlin, 1961.

[4] R. Fischer, Probleme der Namenforschung an Orts- und Flurnamen im westlichen Böhmen und in seiner Nachbarschaft, Leipzig, [1952], стр. 14 и сл.

[5] Ср. E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 27 и сл. Следует отметить особое значение обследования славянских топонимов области Далеминце (совр. Саксония), ср. E. Eichler, H. Walther, Die Ortsnamen des Slawengaues Daleminze, 1961 [рукопись].



Карта 1. Древнелужицкая языковая область: название местностей

1. В связи с высокой частотностью в начале нашего списка будут разобраны древнелужицкие топонимы с патронимическим суффиксом *-ici* (или *-ovici*) [6]. Они образуются от личных имен (полных, сокращенных имен и прозвищ); ср. *Domasłavici*, *L'utoborici*, *L'utętici*, *L'utanici*, *Nosakovici* соответственно от *Domasłav*, *L'utobor*, *L'utęta*, *L'utan*, *Nosak*. Сокращенные имена, от которых были образованы топонимы на *-ici* resp. *-ovici*, могут быть как суффиксальными, так и несуффиксальными (ср. *Chot* и *Chotan*, входящие в топонимы *Chotici* и *Chotanici*, и т. д.). В суффиксальных сокращенных именах древнелужицкой языковой области некоторые суффиксы (*-k-*, *-n-*, *-ch-*, *-š-*, *-t-*) встречаются чаще, некоторые реже (*-l-*, *-m-*, *-r-*, *-ava*), некоторые же вообще не встречаются (*-d-*, *-j-*, *-s-*). К сожалению, соответствующая классификация древнелужицких топонимов отсутствует (до последнего времени этому вопросу уделялось мало внимания), хотя необходимость ее очевидна. Патронимические топонимы древнелужицкой языковой области исследованы далеко не полностью, в связи с чем нет и карты их ареального распределения. Число таких топонимов достигает нескольких сотен. Более тщательному исследованию подверглись патронимические топонимы, образованные от полной формы имен (*Domasłavici* и т. д.: *Domasłav*). При этом наблюдается преобладание топонимов, образованных от исходных форм с определенными вторыми компонентами (например, *-mir*, *-słav*), над посессивными топонимами, образованными по модели «полное имя + суффикс *-j-*».

На былую продуктивность суффикса *-ici* (соответственно *-ovici*) указывает его употребление в так называемых смешанных именах в гибридных языковых образованиях [7]. В эпоху немецкой колонизации земель, населенных лужичанами, были образованы такие имена, как *Arntitz* (к *Arnold*), *Berntitz* (к *Bernhard*), *Kerstenwitz* (к *Kersten*, из *Christian*), *Markritz* (к *Markward*) и т. д. (в округе Ломмач), далее *Elberitz* (к *Elber*, *Alber*), *Einewitz* (к *Eino*), *Güntheritz*, *Peterwitz* (в округе Делич, севернее Лейпцига), а также разбросанные по лужицкой территории имена типа *Hilbertitz*, *Meinharditz*, *Oßmaritz*, *Wolftitz* (к *Wolfhart*) и т. д. Этот материал показывает, что еще в XII и XIII вв. суффикс *-ici* resp. *-ovici* употреблялся в функции образования топонимов. На длительную продуктивность суффикса *-ici* -resp. *-ovici* указывает и то, что он представлен уже в древнейших названиях, относящихся приблизительно к IX в. (ср., например, название племени *Neletici*). Следует указать еще на то обстоятельство, что в Верхней и Нижней Лужице такие немецкие топонимы, как *Günthersdorf* (округ Баутцен) и *Hartmannsdorf* (округ Люббен), имеют сербо-лужицкие соответствия (*Hunćericy* и *Hartmanojce*), которые не были искусственно введены учеными или чиновниками и существование которых вполне оправдано с точки зрения свидетельств древних документов [8].

Заслуживает внимания тот факт, что суффикс *-ici* resp. *-ovici* в значении принадлежности употреблялся также и с именами нарицательными

---

[6] О патронимических топонимах на *-ici* (праслав. **itjo*) прежде всего см.: W. Taszycki, Rzekomo patronimiczne nazwy miejscowe (Znaczenie przyrostka *-ic*), сб. «Rozprawy i studia polonistyczne», I — «Onomastyka», Wrocław, 1958. О древнелужицких топонимах на *-ici* см.: E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 29 и сл.

[7] Ср.: R. Fischer, Slawisch-deutsches Zusammenleben im Lichte der Ortsnamen, BzNf, VI, 1, 1955; E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 31; H. Naumann, Sprachliche und räumliche Gruppenbildung im Ortsnamenschatz Nordwestsachsens und der angrenzenden Gebiete, «Sächsische Heimatblätter», VII, 9, 1961. Так называемые смешанные имена по своей структуре близки к «христианским» именам типа *Biskopici*, *Popovici*, *Proboštovici* и т. д., которые также возникли в период немецко-славянских связей (ср. W. Taszycki, Das christliche Element in den polnischen Ortsnamen, сб. «Rozprawy i studia polonistyczne», I).

[8] Верхнелужицкие формы имен ряда деревень и городов этой области прослеживаются в рукописях работ А. Френцеля (1656—1740) вплоть до конца XVII в. Указанные рукописи хранятся в Верхнелужицкой научной библиотеке в Гёрлитце и в Городской библиотеке Циттау.

(правда, намного реже, чем с личными). Имеются в виду названия жителей типа *Podgrodici* «люди, живущие около города» или *Novosedlici* «новые поселенцы», которые имеют определенную область распространения: *Podgrodici* на востоке едва переходит за Эльбу, а *Novosedlici* широко представлено в Верхней Лужице[9].

2. Древнелужицкие названия жителей образуются при помощи древнего суффикса *-'ane* (тип *Dol'ane*, *Łukov'ane*, *Rokycane* и т. д.). При помощи этого суффикса образуются некоторые этнонимы (например, *Nižane* в области Дрезден-Пирна на Эльбе) [10]. Картографирование ясно указывает на концентрацию имен этого типа в области древних поселений между Саале и Эльбой; в Верхней Лужице, в районе Мильчан близ Будышина, встречаются лишь три имени этой группы (др.-луж. *Błocane Dol'ane*, *Strěl'ane*, совр. верхне-луж. *Błocany*, *Delany*, *Třělany*) [11]. Особого упоминания заслуживает преобразование славянского суффикса *-'ane* в *-ehna*, *-öna* (с ударением на гласной) в немецкой речи прежней провинции Саксонии, которая в средние века была заселена нижненемецкими поселенцами. Вполне возможно, что при становлении ударения названий на предпоследнем слоге (ср. совр. *Liemêhna* (др.-луж. *Lomane* и т. д.) еще проявлялись реликтовые особенности славянской акцентуации (так называемое свободное ударение). Этот комплекс проблем нуждается в детальном изучении.

3. Следующей группой названий жителей являются имена типа *Kosobody*, *Žornosěky* и т. д. Ареал их распространения, имеющий довольно ясные очертания несмотря на трудность этимологии большинства онемеченных территориальных названий, поразительно совпадает с областью распространения названий жителей на *-'ane*: эти имена также не встречаются в Нижней Лужице, а в Верхней Лужице отмечено лишь три названия этого типа. У многих имен (например, *Kosobody*, *Prestavil'ky*, *Sębě-/ Soběkury*, *Tupadły*, *Všeroby* и т. д.) ясно прослеживается ареал распространения между Саале и Мульде [12]. Имена этого типа имеют параллели в других славянских языках и прежде всего — в чешском [13]. Ясными соответствиями др.-чеш. *Otěvěky* и *Nesvačiły*, например, являются др.-луж. *Otěvěky* и *Nisvačiły*.

4. Характерным типом имен являются посессивные топонимы, образованные от личных имен при помощи суффикса *-j-* [14]. Они образуются из полных, реже из сокращенных имен: *Chotěbuž*: *Chotěbud*; *Radobyl'*: *Radobył*; *Radogošč* : *Radogost*; *L'uboraž* : *L'uborad* и т. д.; *Četań* : *Četan*; *Mališ* : *Mališ* (resp. *Malich*) и т. д. Указанные названия можно обнару-

---

[9] Об этих именах и их распространении см. E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 32 (карта). Семантически им соответствуют польские имена типа *Podstolice* и т. д. (ср. K. Buczek, *Podstolice*, *Pstrościce i Węgierce*, «Onomastica», IV, 1, 1958).

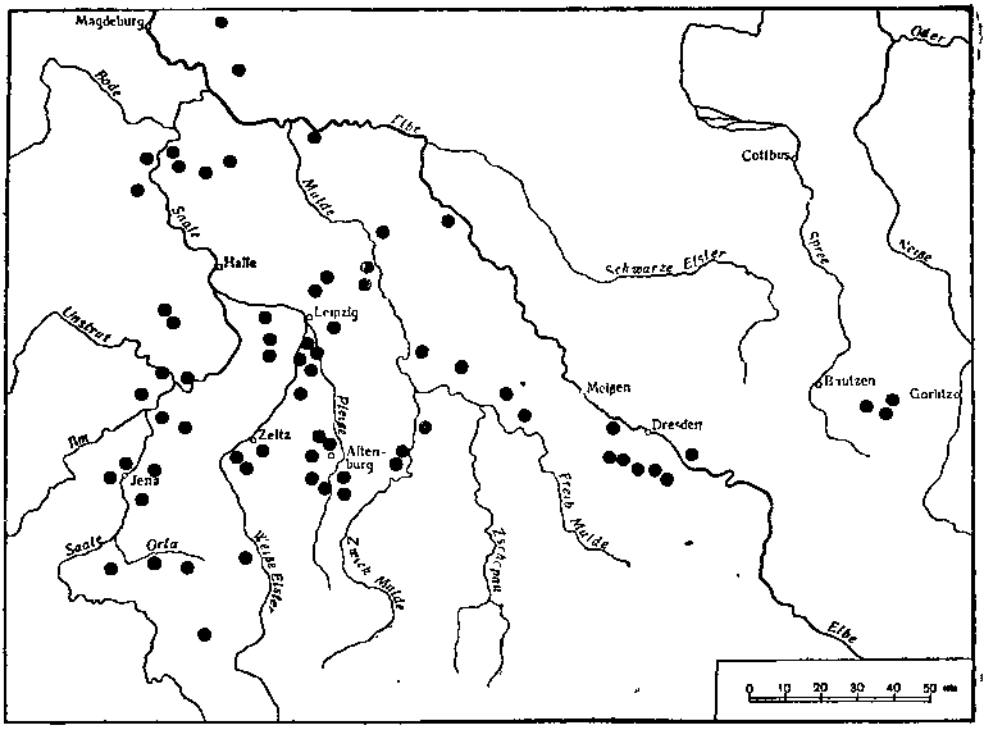
[10] Ср.: E. Eichler, Zur Deutung und Verbreitung der altsorbischen Bewohnernamen auf *-jane*, «Slavia», XXXI, 3, 1962; J. Spal, Místní jména obyvatelská zakončená na *-any*, «Sborník Vyšší pedagogické školy v Plzni», Jazyk a literatura, I, Praha, 1958. Болгарскими именами на *-jane* занимается И. Заимов (София).

[11] Ср. A. Muka, Serbske městnostne mjena a jich woznam, «Slavia occidentalis», V, 1926 [отд. оттиск].

[12] Ср. E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 39 и сл. (см. карту).

[13] Ср. E. Eichler, Sorbisch-tschechische Beziehungen in eingedeutschten Ortsnamen, сб. «Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur» [в печати].

[14] Ср.: E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 35 и сл.; его же, Studien zur Frühgeschichte der slawischen Mundarten zwischen Saale und Neiße [подготавливается к печати]. Ср. также: St. Rospond, Stratygrafia toponimiczna, «Z polskich studiów sławistycznych. Prace język. i etnogen...», Warszawa, 1958, стр. 175 и сл.; его же, Śląskie studia toponomastyczne, II — Possessiva, «Rozprawy Komisji językowej [Wrocławsk. t-wa naukowego]», III, 1961. О соответствующих именах в Северной Баварии ср.: E. Schwarz, Sprache und Siedlung im Nordostbayern, Nürnberg, 1960, стр. 11 и сл.; E. Eichler, Zur Etymologie und Struktur der slawischen Orts- und Flußnamen in Nordostbayern, «Wissenschaftl. Zeitschr. der Karl-Marx-Univ. Leipzig», Gesellschafts- und Sprachwissenschaftl. Reihe (далее GSR), XI, 2, 1962.

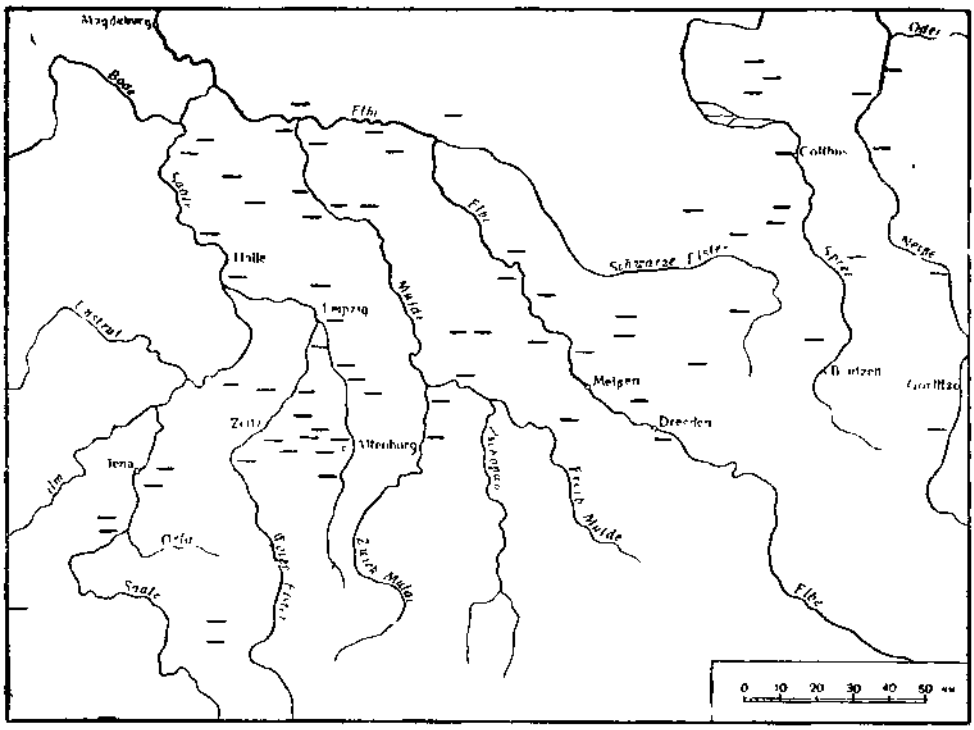


Карта 2. Распределение древнелужицких названий жителей типа *Kosobody* и т. д.

жить не только в известных районах заселения, но также и в лесных местностях (например, в Дюбенер Хайде и в Тюрингском Лесу). Это важное отличие в распространении разбираемого типа имен от имен типа *Dol'ane* и *Kosobody*. При ближайшем рассмотрении двучленных имен с суффиксом *-j-* и патронимических топонимов с суффиксом *-ici* resp. *-ovici* становятся очевидными их различия как в отношении способов связи их конститутивных элементов (неодинаковая структура полных имен, легших в основу образования посессивных топонимов), так и в области их распространения. Имена *Radogošč* и *Radobyl'* обнаруживаются прежде всего на западе, а именно в области поселения, расположенной между реками Саале и Эльбой, т. е. имеют такой же ареал распространения, как и имена на *-mysł* (тип *Radomyšl'* и т. д.). Для восточной области — к востоку от Эльбы и в Верхней и Нижней Лужице — особенно характерны личные имена на *-bud* и *-rad*; соответствующие посессивные топонимы в Северной Баварии (например, *Skoro-*, *Trebogošč* и т. д.), которые в большинстве своем одновременно являются древними названиями рек, составляют южное ответвление западной части древнелужицкого ареала. Эти имена, безусловно, отражают праславянскую традицию [15]. Что касается возможностей хронологии на основе этой группы имен, то об этом будет сказано ниже.

5. До сих пор типы имен определялись по их образованию при помощи топонимических суффиксов или посредством основосложения. Некоторые типы имен можно выделить, исходя из особенностей их структуры. В древнелужицкой языковой области выделяется группа топонимов, образованных сочетанием личного имени и отрицания *Ni-* (вместо *Nę-* в других случаях). О том, что встречающиеся в документах написания с *Ni-* не являются передачей слав. *Ne-*, свидетельствует топоним *Neiden* (округ Тор-

[15] Ср. P. Arumaa, Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe: Les noms en *-gost*, «Scando-slavica», VI, 1960.



Карта 3. Распределение древнелужицких посессивных топонимов типа *Chotěbuž*, *Radogošč* и т. д.

гау). Известны написания *Nidan*, *Niden*, на базе которых реконструируется др.-луж. *Nidan'* «место Нидана». Нем. *-ei-* в онемеченном топониме *Neiden* может восходить только к более раннему *-i-*, которое соотносится со слав. *-i-*, а не с *-e-*. Имена личные с *Ni-* в качестве первого члена встречаются прежде всего на западе древнелужицкой языковой области. Речь идет о таких именах, как *Nivětr'*, *Niporovici*, *Nikraš*, *-ovici*, *Nidabudovici*, *Nikur'*, *Nikaznici*, *Nikradovici*, *Nimerkovici*, *Nisvaž*, *Nivołkovici* и т. д. При этом встречаются несколько имен с более редким *Ne-* (*Neunavici*, *Neběličici*, *Neradici*, этноним *Neletici*).

6. Уже подробно рассматривавшийся в литературе тип *Podgora*, *Zalěs* [16] (префиксально-именной тип в противоположность префиксально-суффиксально-именному типу *Podgor'e*, *Zalěs'e* и т. д.) в связи с фонетическими преобразованиями на немецкой почве не всегда легко различим; например, топоним *Zadel*, который представлен в форме *Zadili* (XI в., близ г. Мейсен), можно этимологизировать либо как *za* + *dělt* (*Zadělt*), либо как *za* + *děl* + *ьje* (*Zaděl'e*). В ряде случаев, однако (ср., например, нижне-луж. *Nabłoto*, *Zabłoto*), имена этого типа выделяются легко [17]. В древнелужицкой языковой области указанный тип особенно распространен на востоке (к востоку от Эльбы); он широко представлен в названиях земельных угодий.

---

[16] Ср. хотя бы: E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 39; M. Karaś, Nazwy miejscowe typu *Podgóra*, *Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich («Prace onomastyczne PAN», 1), Wrocław, 1955; И. Дуридановъ, Префиксално-именният тип в български и неговото значение за топонимичната стратиграфия, «Onomastica», VI, 1960; В. А. Никонов, Русские префиксно-бессуффиксные названия, «Onomastica», VII, 1961.

[17] Ср. A. Muka, Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte, III, Prag, 1928 (примеры топонимов и названий угодий из нижнелужицкой языковой области типа *Podgora*, *Zalěs*).

7. Особого внимания при картографировании заслуживают топонимы с суффиксом *-sk* (resp. *-sko*) (тип *Lip'sk(o)*>*Leipzig*) [18]. В большинстве случаев суффикс *-sk(o)* представлен в онемеченной форме *-zig*. Речь идет прежде всего о топонимах, производных от имен нарицательных [ср. *Dub'sk(o)*, *Gor'sk(o)*, *Lom'sk(o)*, *Polen'sk(o)*, *Žir'n'sk(o)* и т.д. к *dub*, *gora*, *łom*, *pole*, *žorna* (resp. *žorny*)]. Географическое распространение этого типа указывает на возникновение этих названий в районах древних поселений и в Лужице. В единичных случаях встречаются производные от имен собственных, например *Munzig* в Саксонии из **Mun'sk(o)* < *Mun'a* (ср. польск. *Lutomirsko*). Что касается имени *Ganzig* в Саксонии, для которого предполагалась исходная форма *Jan'sk*, то оно образовано не на основе личного имени, но из гидронима *Gana* (ныне *Jahna*).

8. Особую группу составляют посессивные имена на *-ov-*, *-in-* и *-ynja*; ср. *Budov*, *L'ubin*, *Bolechyn'a* [19]. Они образуются главным образом от сокращенных имен и прозвищ. Указанные имена могут образовываться и от так называемых «неподлинных» антропонимов прибавлением суффикса *-ov*; ср., например, *Niegeroda* в Саксонии < **Ni-* resp. **Negerdov*— от антропонима *Ni-* resp. **Negerd* из слав. *gŕdy* «гордый» (верхне-луж. *hordy*, нижне-луж. *gjardy* и более старые формы *gerdy*, *g'erdy*). В лесных областях, находящихся на границе древнелужицкого языкового ареала и заселенных в более позднее время, посессивные имена отступают от нарицательных имен (прежде всего от имен, производных от названий на *-ica*, *-nica*, *-ovica*) [20].

Если в образованиях на *-ov-*, *-in-*,*-ynja* следует усматривать праславянское наследие, то важно иметь в виду, что в период господства только славянских языков на территории, позднее заселенной немцами, на месте адъективных образований с *-ov-*, *-in-* (и с *-j-*, ср. § 4) выступали субстантивные производные, например, с суффиксами *-izna* [21] (ср. польск. *Mroczkowizna*, *Klimontowszczyzna*), *-ka* (ср. польск. *Galaska* : *Galas*) и *-stvo* (ср. польск. *Dziergoniewstwo*, *Wójtowstwo* [22]). Отдельные образования на *-stvo* известны из верхнелужицких названий общинных земель (например, *Šołćinstwo*) [23]. Весьма затруднительной представляется география суффиксов *-ov-* и *-in-* в доисторический период: наряду с именами мужского рода на *-ov* следует допустить существование и имен женского рода на *-ova* и *-ovo* (имена на *-ovo* типа *Kosovo* представлены в документах лишь небольшим количеством примеров). Современная форма сербо-лужицких имен на *-ow* resp. *-in*, очевидно, не является отражением их первоначального состояния и объясняется более поздним выравниванием.

[18] Ср. особенно: S t. R o s p o n d, Sufiksy *-sk* i *-sko* w nazwach miejscowych polskich do XVI w. Przyczynek do historycznej dialektologii polskiej, «Lud słowiański», II, A, 1931; e r o ж e, Sufiks *-sk-sko* jako formant zachodnio-słowiańskich nazw miejscowych, «Slavia occidentalis», XII, 1933; e r o ж e, Stratygrafia toponimiczna, стр. 179 и сл.; об образованиях с *-isko* и *-išče* см. W. T a s z y c k i, Przyrostek *-isko*, *-išče* w językach zachadnio-słowiańskich, «Slavia», IV, 2, 1925.

[19] Ср.: S t. R o s p o n d, Stratygrafia toponimiczna, стр. 175 и сл.; e r o ж e, Śląskie studia toponomastyczne, II, стр. 32 и сл.; W. T a s z y c k i, Rzekomo dzierżawcze nazwy miejscowe (Znaczenie przyrostków *-ow*, *-owa*, *-owo* oraz *-in*, *-ina*, *-ino*), сб. «Rozprawy i studia polonistyczne», I — «Onomastyka»; ср. еще W. Ś m i e c h, Historia nazw miejscowych z przyrostkiem **-ov-* na terenie dawnego powiatu sieradzkiego, «Rozprawy Komisji językowej [Łodźk. t-wa naukowego]», IV, 1956; V. Š m i l a u e r, Západočeská místní jména na *-ovo* (typ *Černíkovo*), «Slavica pragensia» («Acta Universitatis Carolinae». Philologica Suppl.), I, 1959.

[20] По топонимике Рудных Гор ср.: E. E i c h l e r, Zur sprachgeschichtlichen Auswertung der slawischen Hydronymie im Erzgebirge, «Beiträge zur Namenforschung», XI, 3, 1960, стр. 269.

[21] Ср. хотя бы: H. S a f a r e w i c z o w a, Nazwy miejscowe typu *Mroczkowizna*, *Klimontowszczyzna* («Prace onomastyczne PAN», 2), 1956.

[22] Ср. W. T a s z y c k i, Dwa studia z polskiej toponomastyki, I — Polskie nazwy miejscowe typu *Miętustwo*, *Wójtowstwo*, *Dziergoniewstwo*, «Slavia occidentalis», XX, 2, 1960.

[23] Ср. W. S p e r b e r, Die slawischen Ortsnamen des Kreises Kamenz (Ostteil), Leipzig, 1960 [рукопись].

9. Наряду с патронимическими и посессивными топонимами (см. §§ 1, 4, 8) имеется еще одна группа имен, образуемая на основе антропонимов. Это—образования типа др.-луж. *Chrobry* из антропонима *Chrobr* (ср. *chrobry* «храбрый»). Данную группу, однако, трудно отделить от посессивных топонимов на *-j-*, ибо процесс онемечивания стер старые различия.

Подобным же образом в древнелужицкой языковой области почти нельзя обнаружить формы мн. числа от обозначений людей (но не от антропонимов) на *-ar'*, *-nik* и т. д. (типа чеш. *Štítary*, *Dvorníky*: польск. *Piekary*, *Tokary*, словацк. *Grnčári*, *Tesari* и т. д.) [24]. Поэтому топоним *Könnern* (близ Халле) едва ли можно возводить к более древнему **Konary* (летопись Титмара: *Coniri*) [25].

10. Уменьшительные топонимы типа польск. *Janówek* : *Janów*, чеш. *Janovičky* : *Janovice* и т. д. [26] весьма редки в древнелужицкой языковой области и известны, собственно, лишь по именам, встречаемым в Лужице; ср. верхне-луж. *Budyšink* (уменьшит. от *Budyšin*), нижне-луж. *Gubink* (уменьшит. от *Gubin* = *Guben*), *Žylowk* : *Žylow* (= *Sielow*, округ Коттбус); *Žylowk* представлено немецкой формой *Merzdorf* [27]. Не подлежит сомнению, что этот тип имен впервые появился в период средневекового земледелия, чем и можно объяснить его отсутствие в древней области поселения к западу от Эльбы.

11. Остается еще рассмотреть большое число топонимов, образованных от имен нарицательных и подразделяющихся на первичные, вторичные и «многочленные» имена. Под «многочленными» здесь понимаются, с одной стороны, сложные слова типа *Medobor* «медовый лес» (отсюда *Magdeborn* близ Лейпцига) [28], а с другой стороны, сочетания прилагательного с существительным типа др.-луж. *Lipova gora* и т. д. Под первичными именами понимаются такие, которые могут топонимизироваться без присоединения соответствующего суффикса (при этом они сами могут быть суффиксальными образованиями); ср. *gora*: топоним *Gora*; *gor'ny*: топоним *Gor'ny*; *gorica*: топоним *Gorica* и т. д., а также *Dol*, *Dolina* и т. д. Отграничение указанных имен от вторичных образований (типа *Brežnica*, *Brežno* и т. д.), особенно в случае онемеченных имен, является весьма затруднительным.

Соединения слов типа *Dobra gora*, *Lipova gora* и т. д. обнаруживаются главным образом в старых обозначениях земельных угодий, начиная с IX в.

До сих пор мало известно о географическом распределении и хронологии суффиксов. Большинство суффиксов (например, *-ava*) безусловно древнего происхождения, другие суффиксы долгое время были продуктивными (например, *-ica*, также в сочетаниях *-ovica* и *-nica*). Суффикс *-ava* в ономастических образованиях имел особую область употребления: он встречается в старой славянской гидронимике (например, в таких названиях рек, как *Ilava* : *il*), а также в топонимике (например, в верхне-луж.

---

[24] Ср. хотя бы: W. Taszycki, W sprawie pochodzenia nazw miejscowych typu *Konary*, *Kuchary*, *Piekary* itp., сб. «Rozprawy i studia polonistyczne», I — «Onomastyka»; R. Krajčovič, K otázce sociálného rozvrstvenia staroslovanského etnika na Slovensku, «Slovenský národopis», IV, 4—5, 1956.

[25] Ср. E. Eichler, Probleme der Analyse..., стр. 42; A. Richter, Die Ortsnamen des Saalkreises, DS, 15, Berlin, 1962.

[26] Ср. W. Taszycki, Słowiańskie nazwy miejscowe (Ustalenie podziału), Kraków, 1946, стр. 46 (перепечатано в сб. «Rozprawy i studia polonistyczne», I — «Onomastyka»).

[27] Ср. F. Redlich, Zur Siedlungsgeschichte und Namenkunde des Cottbuser Landes, «Wissenschaftl. Zeitschr. der Karl-Marx-Univ. Leipzig»,GSR, IX, 4, 1959/1960, стр. 593.

[28] Ср. E. Eichler, E. Lea, H. Walther, Die Ortsnamen des Kreises Leipzig, DS, 8, Halle (Saale), 1960, стр. 58. О многочленных именах ср. W. Taszycki, Złożone nazwy miejscowe w języku polskim, «Slavia», XXIX, 1, 1960.

Žitawa, нем. *Zittau*)[29]; в большинстве случаев этот суффикс распространен в старых областях поселения. В сербо-лужицком словарном составе, напротив, этот суффикс долгое время был продуктивным и мог употребляться даже в словах, заимствованных из немецкого: к немецкому прилагательному *brūn* (позднее *braun*) восходит нижне-луж. *bruny* и образованное от него название растения *brunawa*.

*

Все сказанное выше является лишь первой попыткой исследования древнелужицкой географии имен. Для некоторых групп имен уже сейчас (по крайней мере приблизительно) можно выделить области преимущественного распространения. Особенно обращает на себя внимание то, что река Эльба и непосредственно прилегающие к ней местности являются своего рода пограничной зоной в пределах древнелужицкой языковой области; впрочем, этот факт еще не является достаточным для соответствующего языкового подразделения древнелужицких племен на западные и восточные. Тем не менее концентрация архаических типов к западу от Эльбы весьма примечательна. Такая концентрация находит свое подтверждение в ареалах распространения ономастических названий. Области к западу от Эльбы присущи и определенные фонетические особенности [30]. Наконец, в ряде случаев может оказаться весьма показательным выделение так называемых «малых типов» и выяснение области их распространения; так, онемеченный топоним *Ockrilla*, соотносимый с др.-луж. *okrugły* «круглый», встречается в области к востоку от Эльбы, что характерно также для топонима *Komorov*, *Uběgov*, имен нарицательных *dubrava*, *ujězd* и т. д. С другой стороны, нарицательные имена типа *kyrč*, *mogyła* и т. д. явно имеют западный ареал распространения. Исследования такого рода в настоящее время находятся в зачаточном состоянии; их разработка даст очень много для исторической лексикологии. Для решения всех возникающих здесь вопросов необходимо более широкое использование данных микротопонимии, археологии и истории поселений.

Проблему хронологии топонимических типов [31] можно решать, исходя из структуры названий и из истории поселений. Однако прежде всего необходимо на основе структурного анализа попытаться установить относительную хронологию отдельных групп. Наиболее удобный материал для этого дают топонимы, образованные от полных личных имен (посессивные и патронимические имена, а также так называемые смешанные имена типа *Časlavendorf* «деревня Часлава»); при этом для сравнения следует привлекать часто встречающиеся в документах (начиная с X в.) личные имена [32]. Если славянские топонимы, содержащие полные имена, подразделить согласно второму компоненту такого полного имени [например, *-bor*, *-bud*, *-był*, *-dan*, *-gor*, *-gost*, *-l'ub*, *-l'ud*, *-mił*, *-mir/-mer* (*-měr*), *-mysł*, *-rad*, *-sław*, *-voj* и т.д.], то становится очевидным, что то или иное полное имя с определенным вторым компонентом употребляется лишь в группе топонимов определенного структурного типа. Это правило имеет очень немного исключений. Так, компоненты *-bor*, *-mir-/-mer* и *-sław* очень редко встречаются в составе посессивных топонимов на *-j-*, но относятся к более позднему слою и обычны в патронимических смешанных топонимах (ср. *Ratiborici*: *Ratiboresdorf*; *Dobromirici*: *Dobromiresdorf*; *Ros-*

[29] О значении этого топонима ср.: E. Schwarz, Wendische Ortsnamen im Lande Zittau, «Neues Lausitzisches Magazin», CIII, Görlitz, 1927, стр. 50.

[30] Ср. E. Eichler, Studien zur Frühgeschichte...

[31] Ср. прежде всего: V. Šmilauer, Osídlení Čech ve světle místních jmen; St. Kniezsa, Chronologie der slowakischen Ortsnamentypen, «Studia slavica», V, 1—2, 1959.

[32] Ср. G. Schlimpert, Slawische Personennamen in mittel-alterlichen Quellen Deutschlands, DS, 17 [в печати].

ławici: *Rosławendorf*; *Časławici*: *Časławendorf* и под.). Вторые компоненты полных имен *-bud*, *-był*, *-gost*, *-mysł*, *-rad* присущи посессивным топонимам (*Chotěbuž*, *Radobyl'*, *L'ubogošč*, *Chotěmyšl'*, *Tuchoraž* и т. д.). Сказанное хорошо согласуется с данными засвидетельствованных в документах личных имен, которые в большинстве своем оканчиваются на *-sław* [33].

При рассмотрении нескольких типов имен бросаются в глаза определенные различия в их распределении, что в конечном счете обусловливается их хронологией. В Северной Баварии и Тюрингии славянский элемент был намного слабее, чем в Саксонии. Если в Северной Баварии и Тюрингии преобладают смешанные имена типа *Radanesdorf*, то в Саксонии встречаются топонимы типа *Arntitz* из *Arnoltici* (где немецкое личное имя представлено в славянской форме). В Рудных Горах и в Тюрингии к западу от Саале совсем не встречаются патронимические имена на *-ici*; в этом районе они ограничены лишь несколькими небольшими территориями, являющимися древними поселениями. Преобладающим типом в Рудных Горах и Тюрингии являются топонимы и названия земельных угодий, образованные от имен нарицательных (например, с окончаниями *-ica*, *-ovica*, *-nica*). Можно было бы привести еще многие иллюстрации.

Подобные же результаты можно получить при сравнении отдельных славянских языков. Так, между древней восточнославянской и древнелужицкой областями намечаются определенные различия, которые становятся особенно очевидными при рассмотрении гидронимов (являющихся, как известно, древнейшим языковым слоем). Так, названия рек с древними суффиксами *-ostь*, *-ujь-*, *-ajь*, *-yni*, *-anь*, *-očь* и т. д. (ср. *Čěrnostь*, *Bobruja*, *Berezaj*, *Vjazynь*, *Dolganь*, *Roganь*, *Levočь* и т. д.), очевидно, были свойственны старым восточнославянским областям, входившим в состав славянской прародины. Эти суффиксы полностью отсутствуют в древнелужицкой гидронимике. Встречающийся в документе, в котором дается ареальное разграничение Верхней Лужицы (1241), гидроним *Lawan* восходит, возможно, к древнему **Łavan'* от *ława* «отмель, песчаная коса». С другой стороны, название *Dołgan'* в округе Либенверда можно возвести как к **Dołgan'* «место, принадлежащее Долгану» (личное имя Долган), так и к **Dołgan'* от прилагательного *dołgy* «длинный» [34]. В древнелужицкой гидронимике преобладают образования на *-ica* (и на *-ovica*, *-nica*); очень редко встречается суффикс *-ava* (*Ilława*). Древнелужицкая гидронимия является более поздней по сравнению с древнерусской. Самые большие реки, находящиеся между Саале и Нейссе (т. е. в древнелужицкой языковой области), имеют не славянские, а более ранние германские или древнеевропейские имена (*Elbe*, *Elster*, *Saale*, *Mulde*, *Neiße*, *Pleiße*, *Parthe*, *Spree*, *Zschopau* и т. д.).

География имен может способствовать также лучшему пониманию типологических отношений между славянскими языками. Так, в восточнославянском суффикс *-itjo-* (зап.-слав. *-ici*, вост.-слав. *-iči*) известен прежде всего в белорусской и украинской областях [35]. В словацком языке, как и во всех южнославянских, вместо суффикса *-itjo-* чаще употребляется *-ci* (*-inьci*, *-ovьci*): сербско-хорв. *Milosavci* — словацк. *Budkovce*; *-ici* — характерный западнославянский суффикс. Что касается антропонимики, то в западнославянских языках отдается предпочтение суффиксу *-k-*, а в восточно- и южнославянских языках используется суффикс *-c-*

---

[33] Ср. P. Zwoliński, Funkcja słowotwórcza elementu *-sław* w staropolskich imionach osobowych, BPTJ, X, 1950; M. Karpluk, Słowiańskie imiona kobiece («Prace onomastyczne PAN», 4), 1961.

[34] Ср.: M. Vasmer, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands, Berlin, 1941; его же, The meaning of Russian river-names, «Oxford Slavonic papers», VI, 1955, стр. 54.

[35] Ср. L. Ossowski, Gwarowe białorusko-ukraińskie nazwy miejscowe na *-ičа*, «Onomastica», I, 1955.

(ср. чеш. *Pražák*, польск. *Austriak* — русск. *австриец*, сербско-хорв. *Bosanac* и т. д.)[36].

Внутри западнославянских языков можно выделить типы имен, характерные для одного или некоторых из них и чуждые другим: речь идет о новообразованиях в отдельных языках, которые в зародыше, видимо, могли существовать еще в праславянском. В польском языке распространены образования на *-izna*, *-stwo*, *-ęta* (*Mroczkowizna*, *Dziergoniewstwo*-*Jankowięta*), которые отсутствуют или встречаются очень редко в других западнославянских языках. В польском, чешском и словацком языках наблюдаются образования на *-ary* (тип *Piekary*, *Štítary*), которые отсутствуют в древнелужицком и редко встречаются в славянских областях на Эльбе и в Прибалтике [37]. При рассмотрении типологии славянских языков не следует, таким образом, пренебрегать данными ономастики.

Реконструкция древнелужицких имен является сложнейшей лингвистической проблемой, и не надо забывать, что онемечивание славянских имен, положившее конец их дальнейшему самостоятельному развитию, для исследователя является своего рода terminus ante quem. Учет онемеченных форм может оказаться весьма полезным при установлении хронологии имен. Исследование географии имен древнелужицкой языковой области, особенно будущий древнелужицкий ономастический атлас, может дать возможность (хотя бы частично) пролить свет на сложную и изменчивую историю этого района. Одним из важнейших факторов развития немецкого языка в западных районах Германии является соприкосновение и взаимодействие его с романскими языками (Germania Romana) [38]; что же касается немецкого языка в Восточной Германии, то еще в эпоху средневековья он вошел в соприкосновение со славянскими языками (Germania Slavica).

Перевел с немецкого *М. М. Маковский*

---

[36] Ср. St. Rospond, Stratygrafia toponimiczna, стр. 174—175.

[37] Ср. R. Trautmann, Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. II, Berlin, 1949, стр. 101 и сл.

[38] См. h. Frings, Germania Romana, Halle, 1932.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

И. КАЗЛАУСКАС

ОСТАТКИ ФОРМЫ 3-го ЛИЦА АОРИСТА И ИМПЕРФЕКТА В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В части восточноаукштайтского диалекта литовского языка широко употребляются следующие формы 3-го лица претерита: *ažùkas* «зарыл», *ìšveš* «отвез», *ìšneš* «унес», *atāneš* «принес», *ažùvet* «завел», *atsìgul* «лег», *ažùmuš* «убил», *nùjem* «снял», *ažùdek* «зажег» и др.; *nusìpraus* «умылся», *apìdenk* «покрыл», *sùverk* «заплакал», *ažùmerk* «замочил», *nùlėk* «полетел», *sùrėk* «закричал», *sùlenk* «согнул» и др. В тех же наречиях употребляются и полные формы: *ažùkasė*, *ìšvežė*, *ìšnešė*, *ažùvedė* и т. д. [1].

Краткая форма сейчас возможна только для приставочных глаголов с основой на *-ē* в претерите и с ударением на приставке. От глаголов акутированного корня употребляется только полная форма; ср. *invérė* «вдел», *nepasigérė* «не напился», *pérlaužė* «переломил», *pérkėlė* «перенес» и т. д.

Краткая форма 3-го лица претерита впервые привлекла внимание Э. Вольтера. Он приводит формы *atsìgul* «лег», *apìdink* «покрыл», *apìkas* «закрыл» [2]. Позднее Ф. Шпехт называет еще *šėr* «кормил», которую он объяснял как остаток формы 3-го лица корневого аориста от глагола *šerti* (=греч. κορέ-σαι) [3]. Новые данные показывают, что такая форма широко представлена в говорах восточной Литвы. По-видимому, она ведет свое начало от некогда продуктивной группы атематических аористов, широко представленной, например, в древнеиндийском, как и в других индоевропейских языках. Многие из древнеиндийских аористов имеют лексические соответствия в балтийских языках, например: *dìria*, *dēra*, ср. др.-инд. *adar*; *gēma*, *gìmė*, ср. др.-инд. *agan*, арм. *ekn*; *gēria*, *gérė*, ср. ст.-слав. *žrětъ*, арм. *eker*, др.-инд. конъюнктив атематического аориста *garat*; *kùria kūrė*, ср. др.-инд. аор. *akar*; *maũkia*, *maũkė*, ср. др.-инд. аор. *amok*; *mēna*, *mìnė*, ср. др.-инд. *amata*; *skiedžia*, *skiedė*, ср. др.-инд. *chedma*; *vēria*, *vérė*, ср. др.-инд. аор. *āvar* и др. Форма 3-го лица этих аористов должна была в балтийских языках дать **gert* > **ger*, **kurt* > **kur*, **vert* > **ver* и т. д.; **mauk* должно было развиться в **mau*, однако взрывной мог и сохраниться или восстановиться под влиянием нового претерита *maũkė*. Формы типа **ger*, **ver*, **kur* превратились в **gēr*, **vēr*, **kūr* под влиянием форм типа **gērē*, **vērē*, **kūrē*. Такое параллельное употребление обеих форм вызвало краткие претеритные формы и у других глаголов.

Для понимания того, почему в современных диалектах литовского языка краткие формы употребляются только с приставками, важно иметь в виду, что в балтийских языках, как и в других древних индоевропейских языках, наблюдается тенденция избегать односложных форм. Кроме

[1] Некоторый материал из восточноаукштайтских диалектов автору статьи предоставила Я. Карделите.

[2] См. Э. Вольтер, Литовская хрестоматия, СПб., 1904, стр. 385.

[3] См. F. Specht, Zu den altpreußischen Verbalformen auf *-ai*, *-ei*, *-sai*, *-sei*, KZ, LV, 1928, стр. 173; его же, Beiträge zur griechischen Grammatik, KZ, LIX, 1939, стр. 99.

того, бесприставочная краткая форма многих глаголов, корень которых оканчивается на *s*, *š*, должна была совпасть с формой будущего времени; ср. **kàs* «рыл» и *kàs* «будет рыть», * *mùš* «бил» и *mùš* «будет бить». О том, что ранее и глаголы акутированного корня могли иметь краткую форму, свидетельствует форма *šėr*. Однако она не могла быть употребительной даже при наличии приставки, так как нередко совпадала с формой 3-го лица будущего времени; ср. **išlàuš* «взломал» и **išlàuš* > > *išlaũš* «будет взламывать». Отсутствие кратких форм от основ на *-ā* в претерите объясняется безударностью их приставок.

2. В югозападноаукштайтском диалекте широко употребляются следующие формы 3-го лица претерита [4]: *dė* «положил», *stó* «стал», *sė* «сеял» и др.; *gulė* «лежал», *kentė* «терпел», *sėdė* «сидел» и др.; *bėgiõ* «бегал», *žinõ* «знал», *ieškó* «искал» и др. Ср. и в говоре Апсас в БССР [5]: *jõ* «ехал верхом», *ė* «шел», *ažuspė* «успел» и др.; *drebė* «дрожал», *norė* «хотел», *gulė* «лежал» и др.; *giedõ* «пел», *bijõ* «боялся» и др. Эти формы широко представлены и в говорах Гервячяй, Девянишкес, Лазунай, Зетела (по свидетельству П. Арумаа и Э. Френкеля). Наряду с краткой формой в названных говорах употребляется и полная: *dė/dėjo*, *stó/stójo*, *drebė/drebėjo* и т. д. Формы этого типа вообще широко представлены в большой части литовских диалектов: в югозападноаукштайтском, дзукском (в южном и в восточном), в части восточноаукштайтского, в придзукском, в южной части среднеаукштайтского; ср. *dė* «клал», *stó* «стал», *parė* «пришел», *atjõ* «приехал верхом», *galė* «мог», *kruté* «трудился», *norė* «хотел», *sė* «сеял» (Палуше), *dabõ* «стерег, присматривал», *regė* «видел» (Дотененай), *ė* «шел», *lė* «лил», *tylė* «молчал», *bėginė* «бегал», *virpė* «дрожал», *girdė* «слышал», *kapõ* «рубил», *žinõ* «знал» (Линкменис), *atõ* (< *ata* + *ė*) «пришел», *išė* «вышел» (Тверячус) [6], *predėj* «начал», *prešnekėj* «заговорил» (Симнас), *stõj* «стал», *turėj* «имел» (Лейпалингис, Канява, Вейсеяй), *turėj*, *jõj*, *miegõj* «спал» (Бирштонас) и др. В южнодзукском [7] и в восточной части югозападноаукштайтского диалектов употребляются формы типа *turėj*, *stõj*, в других — типа *turė*, *stõ*.

В велюонском, северноаукштайтском, а также в жемайтском диалектах подобные формы должны были исчезнуть, так как при широком сокращении окончаний, свойственном этим диалектам, во многих случаях они должны были совпасть с формой настоящего времени. Для жемайтского ср. примеры, приведенные Э. Френкелем из сочинений жемайтских писателей. Ф. Шпехт указывает, что краткая форма употреблялась и в восточнопрусском литовском говоре.

Мнения исследователей о происхождении этих форм разделяются. Г. К. Ульянов считает некоторые из них древними аористами [8]. А. Бецценбергер в форме *narei* «хотел» видит форму 3-го лица древнего имперфекта и сопоставляет ее с прусск. *signai*, *postai*, допуская исчезновение **-et* в конце слова [9]. Ф. Шпехт, обоснованно отказываясь от интерпретации А. Бецценбергера, считает формы *dė*, *stõ*, *bū*, **dõ* остатками древнего

[4] См. J. Senkus, Kai kurios kapsų ir zanavykų tarmių veiksmažodžio yratybės, «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai», Ser. A, II, 5, Vilnius, 1958, стр. 131.

[5] См. E. Grinaveckienė, Kai kurios Apso tarmės būdingesnės yratybės, «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai», Ser. A, II, 9, 1960, стр. 177.

[6] См. J. Otrębski, Wschodniolitewskie narzecze twereckie, 1, Kraków, 1934, стр. 358.

[7] В нашей статье «К развитию общебалтийской системы гласных» (ВЯ, 1962, 4) допущена неточность: на стр. 23 строку 22 сверху вместо «в южнодзукском диалекте лишь в определенных случаях появились *in*, *im*, *un*, *um*» следует читать: «... появились *in*, *un*, в других случаях — *en*, *em*, *an*, *am*».

[8] См. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, I, Варшава, 1891, стр. 86 и сл.

[9] См. A. Bezzenberger, Studien über die Sprache des preussischen Enchiridions, KZ, XLI, 1907, стр. 103—104.

атематического аориста, явившимися моделью для образования соответствующих форм от других глаголов (трудно предположить такую активность всего для четырех форм!); в то же время *dė́j*, *stój* и др. он трактует как контаминированные образования (из *dė́*, *stó* и *dė́jo*, *stójo*), не подтвердив это мнение параллельными примерами из балтийских языков. Это мнение поддерживает Э. Френкель [10]. Хр. Станг предполагает сокращение: *jójo* > *jój* > *jó* [11]. Я. Эндзелин поддерживает мнение А. Бецценбергера о том, что прусск. *dai* < **dāi̯et*, указывая, что наряду с презентными основами на *-i* **nāri-* > *nori*-имперфекта *narej* не могло быть [12]. Точка зрения Г. Ульянова, по мнению Я. Эндзелина, могла бы быть правильна только для односложных форм — таких, как *dė́*, латыш. *gā* и др. [13].

Могла ли рассматриваемая краткая форма произойти путем фонетического сокращения? Полагаем, что нет. Примеры типа *geram* < *geramui*, *galvõj* < *galvojè* (*-e* < *-ē*) свидетельствуют о морфологическом исчезновении долгого гласного или дифтонга в конце слова, происшедшем из-за утраты ими морфологического значения в связи с требованиями деклинационной системы. Что касается форм 3-го лица претерита, то окончание *-o* или *-jo* здесь исчезнуть по морфологическим причинам не могло. Не могло оно исчезнуть и по фонетическим причинам, так как в югозападноаукштайтском, дзукском, в восточноаукштайтском диалектах окончания не сокращаются регулярно. Таким образом, сокращение *dė́jo* > *dė́j* > *dė́* не могло произойти.

Рассматриваемые некоторые краткие формы могут быть древними формами атематического аориста: *dė́*, ср. др.-инд. *adhāt*, греч. ἔθηκα; *stó*, ср. др.-инд. *asthāt*, греч. ἔστη; *bū́*, ср. ст.-слав. *by*, др.-инд. *abhūt*; дзукское *šlėj* «прислонял» происходит от **šlei* под влиянием *šlėjo*, ср. др.-инд. аор. *aśret*; *jõ* < **jā* (*t*) могло быть древним имперфектом [14].

Остатком древнего имперфекта, видимо, является и форма 3-го лица *bõ* «был» < **bā* (*t*), употребляемая наряду с *bùvo* в некоторых западноаукштайтских говорах; ср. лат. *-bam* (< **-bhu̯ām*). Э. Френкель *bo* считает новообразованием, а с лат. *-bat* сравнивает литов. *bùvo* (< **bhu̯āt*) [15], по-видимому, исходя из несуществующей формы *bui* «будь» (которую он считает древней формой оптатива и сравнивает со слав. *bi*, восходящим к **bhu̯ī-*) [16], в то время как в говоре Линкменис существуют только новообразования *būj* «будь», *būjte* «будьте» [17].

Во всех индоевропейских языках форма 2-го лица корневого императива была чистой глагольной основой. Остатками такого императива в балтийских языках могут быть литов. *duo* «дай», *išei* «выходи», латыш. *ej* «иди». Формы этого императива некоторых глаголов совпали с основой инфинитива (ср. *duo* «дай» и *duo-ti* «дать»), которую и стали употреблять как повелительное наклонение. Так появились *bū*, *griū*, *šluo* и т. д. О сравнительной древности этих форм говорит сокращение акута или превращение его в конце слова в циркумфлекс; ср. *atsistà* < **atsistā́*, *griaũ* <

[10] См.: E. Fraenkel, Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen Litauischen, «Baltico-slavica», 2, Wilno, 1936, стр. 65 и сл.; его же, Zum baltischen und slavischen Verbum, ZfslPh, XX, 2, 1950, § 59.

[11] См. Ch. Stang, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1942, стр. 159—160 (сноска 2).

[12] См. J. Endzelin, Altpreussische Grammatik, Riga, 1944, стр. 178 и сл.; его же, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, стр. 882.

[13] См. J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, стр. 882.

[14] Ср. Ch. Stang, указ. соч., стр. 126.

[15] См. E. Fraenkel, Zum baltischen und slavischen Verbum, §§ 58 и 67; его же, Litauisches etymologisches Wörterbuch, Göttingen, 1955, стр. 68.

[16] См. E. Fraenkel, Sprachliche, besonders syntaktische Untersuchungen des kalvinistischen Katechismus des Malcher Pietkewicz von 1598, Göttingen, 1947, стр. 33; его же, Zum baltischen und slavischen Verbum, § 60.

[17] См. J. Kardelytė, Liepiamosios nuosakos dvejopos formos ir jų vartojimas rytų Lietuvos tarmėse «Lietuvių kalbotyros klausimai», I, Vilnius, 1957, стр. 184.

< *griáu, riešutaũ < *riešutáu и др. В том же говоре, как и в других восточноаукштайтских говорах, употребляются и древние формы 2-го лица оптатива; ср. válgai «ешь», rõdai «показывай» и др., которые совпали с той же формой настоящего времени, чем облегчилось их взаимовлияние. Форма 2-го лица настоящего времени повлияла на форму императива; ср. наряду с bū, riešutaũ и т. д. компромиссные формы būn, riešutaũn, šluoj, stoj и др. Наряду с šluoj, stoj и другими легко могли появиться и būj, griūj от bū, griū. Следовательно, оптатива *bui в литовском языке не существовало, а древний оптатив корня bhū- засвидетельствован в оптативе būtum — bime < *būtum — bīme [18]. Значит, форма *bhu̯āt в литовском языке должна была развиться в *bā > bo, а не в buvo, которое возникло под влиянием инфинитива būti по модели žū́ti : žùvo [19].

Остатком формы 3-го лица древнего несигматического аориста является sėdė́ и др. при sėdi и др.; ср. слав. sědě при sěžda, sědiši. Греческие аористы на -η, видимо, имеют то же -ē. В балтийских языках несигматический аорист был распространен элементом -jā, в славянских были образованы новые сигматические формы sěděchъ и др. Остатком 3-го лица тематического аориста на -ā, видимо, являются формы miegó «спал», giedó «пел» и др., а имперфекта — bijó «боялся», žinó «знал» и др. Новые формы sėdėjo, žinójo, bijójo и др. появились вместо *sēdē > sėdė́, *žinā > žinó и др. под влиянием форм вторичных глаголов galvójа : galvójo = = sėnė́ja : sėnė́jo = sùka : sùko. С возникновением тесной связи между инфинитивом на -āti, -ēti и претеритом на -jā претериты на -ā, -ē легко могли получить форму на -ājā, -ējā [20]. Форма 3-го лица žinó, bijó осталась, так как она отличалась ударением от соответствующей формы настоящего времени. Вообще 3-е лицо нередко сохраняет в балтийских языках архаические формы. Сохранение акута в конце слова у форм dė́, stó, žinó, sėdė́ и др. представляется ясным: новые формы dė́jo, stójo возникли, видимо, еще перед сокращением акутированных окончаний и поддержали акут.

Следовательно, краткую форму 3-го лица претерита глаголов с инфинитивом на -ėti, -oti в диалектах литовского языка можно считать во многих случаях остатком древнего аориста или имперфекта. Позже она могла широко распространиться [21].

При возведении žinó «знал» к *žinājet остается без объяснения предполагаемое развитие žinój < *žinājet в наречиях, где окончания не сокращаются, а также развитие žinó < žinój в диалектах, где употребляются формы местного падежа типа galvõj, žẽmėj. Сама форма *žinājet не подтверждается фактами родственных языков (особенно славянских).

Формы типа dė́j, stój, žinój с -j на конце представляют собой компромиссное образование, возникшее под влиянием новых форм претерита dė́jo, stójo и т. д. На это указывают диалектные būv «был», ažupūv «подгнил», (Апсас), возникшие вследствие смешения параллельно употребляемых bū, ažūpū и buvo, ažupuvo.

Кроме того, многие формы повелительного наклонения в восточноаукштайтском диалекте литовского языка появились таким же путем; ср. riešutaũn, возникшую в результате влияния формы 2-го лица настоящего времени. В некоторых говорах процесс такого компромиссного образования еще не окончился; ср. pradė́ «начал» и tekė́j «тек» (Гервячяй).

Почти во всех диалектах, где употребляются формы типа dė́, dė́j и dė́jo, встречаются и формы 3-го лица типа važiáu «ехал», gáu «получил»,

[18] См. J. Kazlauskas, Iš optatyvo istorijos, «Lietuvių kalbotyros klausimai», IV, 1961, стр. 80.

[19] См. Ch. Stang, указ. соч., стр. 197.

[20] Ср. там же, стр. 74 и сл., 193 и сл., 201 и сл.

[21] В диалекте Апсас имеется даже форма ažu-pū «подгнил», образованная по примеру аориста bū, употребляемого в том же говоре.

dainâu «пел» (западноаукштайт.), *važiâu*, *kariâu* «воевал» (Бирштонас), *važiâu*, *dainâu*, *kramėzâu* «кашлял», *dâu* «дал», *šūkau* «кричал» (Канява), *mierâu* «мерил» (Адутишкис), *bûdau* «бывал», *grybâu* «собирал грибы» (Апсас) и т. п. Наряду с ними везде употребляются и формы типа *važiāvo*, *gāvo*, *dāvė*, *šlāvė* и т. п. Краткие формы, несомненно, появились под влиянием кратких форм вышерассмотренных глаголов.

В восточноаукштайтском диалекте краткая форма на *-âu* наряду с *-āvo* употребляется реже. Чаще находим *važiâu*; *riešutâu*, *dainâu* и др. встречаются редко. В некоторых говорах наряду с *važiâu* «ехал» употребляется и *važió* (Палуше), в некоторых других (Дукштас, Римше, Тверячус) — только *važió*. Ф. Шпехт эту форму возводит к **važjā* < **važjō*; но восточноаукштайтское *važió* — очевидное новообразование [22]. Из-за малой употребительности форм на *-âu* часто встречающаяся *važiâu* стала изолированной, в связи с чем *-âu* ≫ *-ó* (ср. *ató* «пришел», *atjó* «приехал верхом»). В говоре Палуше этот процесс замены *-âu* на *-ó* еще не окончился. Он зависит, видимо, от того, что в этих говорах очень часто употребляются новые формы 1-го лица претерита: *kapâu* «рубил», *žinâu* «знал» и др., также имеющие *-âu*, но отличающиеся по своему происхождению.

В восточноаукштайтском диалекте, в говорах, находящихся в БССР, очень часто под влиянием краткой формы 3-го лица преобразуется и все спряжение претерита в единственном числе; ср.:

1) *diâu/dėjau* «клал»	*kapâu/kapójau* «рубил»	*virpėâu/virpėjau* «дрожал»
2) *dėi/dėjai*	*kapâi/kapójai*	*virpėi/virpėjai*
3) *dė/dėjo*	*kapó/kapójo*	*virpė/virpėjo*

В некоторых говорах (Дукштас, Римше, Апсас и др.) новообразованием является и форма 1-го лица мн. числа; ср. *giedâm* «пели», *išėm* «вышли» (Дукштас, Римше), *dėm* «клали», *krutėm* «работали», *miegóm* «спали», *atóm* «пришли» (Апсас) и др. Краткая форма 2-го лица мн. числа здесь не встречается, так как она совпала бы с инфинитивом (ср. **miegót* «вы спали» и *miegót* «спать»).

От некоторых многосложных глаголов такое краткое спряжение претерита встречается и в западноаукштайтском диалекте; ср.:

1) *šûkteliau/šûktelėjau* «вскрикнул»	*trùkteliau/trùktelėjau* «подтянул»
2) *šûktelei/šûktelėjai*	*trùktelei/trùktelėjai*
3) *šûktelė/šûktelėjo*	*trùktelė/trùktelėjo*
1) *šûktelėm/šûktelėjom*	*trùktelėm/trùktelėjom*
2) *šûktelėt/šûktelėjot*	*trùktelėt/trùktelėjot*

На новое образование такой формы претерита указывает и то, что наряду с 3-м лицом ед. числа *die* < *dė* имеется и 1-е лицо ед. числа *dieu*; наряду с *galâ* (< *galė*) и *galâu* (Апсас). Краткие претеритные формы в восточноаукштайтском диалекте весьма продуктивны и употребляются чаще полных.

3. В диалектах латышского языка тоже встречается краткая форма 3-го лица претерита на *-ē* и *-ā* вместо *-ēja*, *-āja*. В некоторых диалектах, как это полагает и Я. Эндзелин [23], эти формы нельзя объяснить фонетическими законами данных диалектов; ср. параллельно употребляемые *redzē* «видел», *dzirdē* «слышал», *gulē* «лежал», *dziedā* «пел», *zinā* «знал», *mazgāja* «мыл», *mercēja* «мочил» и др. [24]. Краткие формы таких глаголов, как *mercē*, здесь, видимо, исчезли, так как должны были совпасть с формой 3-го

[22] Ср.: J. Otrębski, Wschodniolitewskie narzecze twereckie, стр. 358; Ch. Stang, указ. соч., стр. 159—160 (сноска 2).

[23] См. J. Endzelins, Latviešu valodas gramatika, стр. 882.

[24] См.: «Filologu biedrības raksti», I (2-е изд.), Rīga, 1927, стр. 11—12, см. также: K. Karkliņš, Prauleniešu izloksne, там же, 6, 1926, стр. 109, 111.

лица настоящего времени *mercē* «мочит». В некоторых латышских диалектах употребляются одновременно: *gribē/gribēja* «хотел», *varē/varēja* «мог», *skrēja/skrē* «бежал», *gāja/gā* «шел» и др. [25]. Происхождение латышской краткой формы может быть только таким, как и в литовском языке. В некоторых латышских говорах, как и в литовских, на основе краткой формы 3-го лица создались краткие формы и других лиц; ср. 1-е лицо мн. числа *skrēm/skrējām* «бежали», *aizgām/aizgājām* «пошли» и др. [26].

4. В памятниках прусского языка претерит представлен очень скупо. Здесь зафиксированы следующие формы 3-го лица: 1) *imma*, *immats* [27] «брал, nahm», *kūra* «создавал, baute», *laipinna* «приказал, bot», *lasinna* «клал, legte», *lijmuczt*, *limatz*, *limauts* «brach» (инфинитив *limtwei* «ломить»), *prowela* «изменил, verriet»; 2) *jmmitz*, *ymmitz* «брал, nahm», *ismigē* «заснул, entschlief», *pertraūki* «verschloß», *weddē* «вел, brachte»; 3) *be* «был, war», *billāts*, *billa*, *byla*, *bilats*, *bylatczt*, *bela*, *belats*, *billē* «(я) говорил, (ich) sprach», *ebsignā* «благословлял, segnete», *endeirā* «sah an» (инфинитив *endyrītwei*), *poglabū* «ласкал, herzte» (литов. *globóti*), *teikū*, *teiku* «творил, schuf» (инфинитив *teickut*); 4) *bēi*, *bei* «был, war», *dai*, *daits*, *daitz*, *dayts* «дал, gab» (инфинитив *dāt*), *dātwei*, *dātun(si)*, *driāudai* «fuhren an», *ymmeits*, *ymmeyts* «брал, nahm», *perpīdai* «несли, brachten» (инфинитив *pijst*), *postāi*, *postai* «стал, ward», *signai* «благославлял, segnete», *widdai* «видел, sah»; 5) *dinkowats*, *dīnkowatz*, *dīnkauts*, *dinkauts*, *dinkautzt*, *dinkauczt* «благодарил, dankte».

Претеритные формы первой и второй группы более или менее ясны — это новообразования при помощи суффиксов *-ā* и *-ē*, как и в других балтийских языках. Образование некоторых из них отличается от соответствующих литовских; ср. *kūra* и литов. *kūrė*; *prowela* и литов. *apvylė* «разочаровал»; *ismigē* и литов. *-migo*.

Многие претериты третьей и четвертой групп являются ясными основами на *-ā(jā)*. Как видно по примерам, одни из них имеют в конце *-ā*, другие *-āi*, а некоторые *-ā* и *-āi*; ср. *billāts* и *billai* (литов. *bylojo*), *ebsignā* и *signai* (литов. *žegnojo*). Вряд ли есть основание согласиться с Хр. Стангом, что прусск. *teikū* < **teikūi*, *poglabū* < **poglabūi* [28]: их легче объяснить как восходящие к **teikā*, **poglabā*; ср. *ebsignā*. Что *endeirā* восходит к **endeirāi* также сомнительно; ср. параллельно употребляемые *ebsignā* и *signai*. Нельзя обосновать в прусском языке сокращение *-ājā* в *-āi* [29], ибо соответствующие литовские формы на *-oj* (<*-āj*) развились не путем сокращения из *-ojo* (< *-ājā*), как думает Хр. Станг, а путем компромиссного образования.

Прусские претеритные формы на *-ā* следует объяснять так, как и соответствующие литовские формы на *-o*< *-ā*, а форму на *-āi* считать компромиссным образованием, как и литовские формы на *-oj*, *-ėj*. Следовательно, *dai*, *postai*, *billai*, *signai* и др. возникли из **dā* (ср. др.-инд. аорист *adāt*), *-stā*, *billā(ts)*,*-signā* путем компромисса с новообразованиями **dājā*, **-stājā*, **bilājā*, **signājā* и др. Легко объясняется и прусская форма *bei*, возникшая из древнего аориста **bē* (ср. ст.-слав. *bě*) под влиянием новообразования **bējā* (ср. латыш. *bija* «был»). Прусск. *ymmeits*, употребляемая наряду с *ymmits* < **immēts*, является новообразованием по примеру других форм на *-j*; ср. подобные диалектные формы литовского языка:

[25] См.: A. Elksnītis, Lazdonas, Praulienas, Sarkaņa, Patkules, Cesvaines un Dzelzavas izloksnes, там же, 9, 1929, стр. 150; V. Kancāns, Kaldabruniešu izloksne, там же, 17, 1937, стр. 67.

[26] См. V. Kancāns, Kaldabruniešu izloksne, стр. 67 и сл.

[27] По-видимому, форма настоящего времени, употребляемая в значении претерита. Претерит был бы **immu*.

[28] См. Ch. Stang, указ. соч., стр. 159.

[29] Ср. J. Endzelīn, Altpreussische Grammatik, стр. 179. Я. Эндзелин поддерживает мнение А. Бецценбергера, что в некоторых случаях прусск. *-āi* < **-āiet*, т. е. он склонен считать эту форму имперфектом (стр. 178 и сл.). Но 3-е лицо имперфекта должно было оканчиваться на **-āt*, а не на **-āiet*.

sutvėrei «он сотворил», *uždraudei* «он запретил», *valgei* «он ел», *daveis* «он бился», *davei* «он дал», *traukei* «он тянул», *numirej* «он умер» [30].

Я. Эндзелин сомневается в мнении Ф. Шпехта о компромиссном происхождении прусских *dai*, *-stai* и др., так как, по его мнению, непонятно, почему *-j* был усвоен только в 3-м лице [31]. Однако такое компромиссное образование несомненно возникло поздно, самостоятельно в отдельных литовских говорах, а наверное — и в отдельных прусских говорах. В некоторых литовских говорах этот процесс еще не закончился [32]. В прусских памятниках зафиксировано аналогичное положение; ср. формы на *-ā* и на *-āi*. В памятниках прусского языка не зафиксированы полные формы претерита на *-ājā* или *-ējā*, однако на то, что они должны были быть в прусском языке, указывает общая тенденция образования нового претерита во всех балтийских языках.

Прусск. *dīnkauts*, *dinkauts*, употребляемые наряду с *dinkowats*, могли произойти от **dinkawa* под влиянием других кратких форм; ср. литов. диал. *dėkau* «благодарил», *važiáu* «ехал» и др., возникшие под влиянием других кратких форм от *dėkavo*, *važiāvo* и др. Таким образом, нет оснований возводить прусский претерит на *-ā* или *-āi* к имперфекту на **-āįet*. Нельзя эти формы считать и фонетическими сокращениями из *-ājā*. Скорее всего они возникли таким же путем, как и соответствующие литовские формы.

Во всех трех балтийских языках существуют несомненные остатки формы 3-го лица аориста и имперфекта. Балтийские факты позволяют считать, что стремление объяснить старославянские аористы типа *jętъ*, *pětъ*, *žrětъ*, *mrětъ* как преобразованные корневые аористы не должно вызывать сомнений.

---

[30] См.: «Archivum Philologicum», VIII, Kaunas, 1939, стр. 37; P. Arumaa, Untersuchungen zur Geschichte der litauischen Personalpronomina, Tartu, 1933, стр. 17; «Mitteilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft», IV, Heidelberg, 1890, стр. 170.

[31] См. J. Endzelin, Altpreussische Grammatik, стр. 178 и сл.

[32] См. E. Fraenkel, Der Stand der Erforschung..., стр. 65.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

КОНСУЛЬТАЦИИ

В. И. ГРИГОРЬЕВ

О РОЛИ АНТИФОРМАНТ В ОБРАЗОВАНИИ РЕЧЕВОГО СПЕКТРА

Исследования формантной структуры на акустических моделях и реальных спектрах позволили уточнить механизм образования и восприятия гласных. Основной вывод этих исследований состоит в том, что спектр гласного звука может быть понят и описан как результат преобразования формантной структуры однородной акустической трубы, длина которой равна длине моделируемого речевого тракта. Этот вывод имеет важное значение, так как исходная формантная структура отличается достаточной простотой и ясностью своих характеристик, а ее преобразования и, следовательно, форма результирующего спектра определяются совокупностью отклонений формант от их исходных или нейтральных положений.

К сожалению, вытекающая из формантных представлений четкость и ясность анализа пропадает, как только мы переходим к рассмотрению спектров согласных, в которых не только детали, но и основные максимумы и минимумы никак не могут быть объяснены лишь совокупным действием резонансов речевого тракта. Эта невыводимость спектральных характеристик согласных из параметров формантной структуры длительное время лишала работы по спектральному анализу и синтезу речи единого принципа исследования. По существу исследования спектров гласных и спектров согласных, порождаемых одной и той же акустической системой — речевым трактом человека,— развивались самостоятельными путями, что особенно неблагоприятно сказалось на исследованиях согласных.

В последние годы, однако, теоретический разрыв между исследованиями гласных и исследованиями согласных стал быстро заполняться и в ряде трудов наметились контуры общего теоретического подхода к спектральным характеристикам звуков речи. Немаловажная роль в выработке этого общего подхода принадлежит уяснению роли антиформант в формировании речевого спектра. Теория антиформант и их взаимодействия с формантной структурой в настоящее время еще далека от сколько-нибудь полного завершения. Представляется целесообразным дать хотя бы краткое описание известных по этому вопросу фактов.

В акустике давно было установлено, что в некоторых определенных условиях резонатор действует прямо противоположно своему названию, а именно — не резонирует, т. е. не усиливает звуковых колебаний, а подавляет их на частоте резонанса. Так, если к акустической трубе подключить резонатор Гельмгольца показанным на рис. 1 способом (объем Б), то звуковые колебания, подаваемые на вход трубы, в случае, если их частота совпадает с резонансной частотой резонатора, распространяются по трубе только до устья резонатора, поглощаются последним и в окружающую среду не излучаются. Этот обратный эффект получил название а н т и р е з о н а н с а; его причина в том, что резонатор подключается параллельно основному тракту распространения звука и энергия источника возбуждения на нем замыкается, поскольку на частоте резонанса любая резонирующая полость представляет собой очень малое сопротивление для звуковых колебаний. В таких случаях говорят, что полость шунтирует основной тракт.

Как это следует из самого названия, по своему воздействию на звуковые колебания антирезонанс противоположен резонансу. Если резонанс характеризуется избирательным усилением звуковых колебаний разной частоты, то антирезонанс, напротив, состоит в избирательном подавлении звуковых колебаний. Но по существу это явления одного порядка, в обоих случаях обусловленные резонансными свойствами полости или более сложной акустической системы. Поэтому, зная резонансную характеристику полости, можно получить и кривую антирезонанса для случая, когда эта полость шунтирует основной тракт. В упрощенном идеальном случае для этого достаточно лишь перевернуть резонансную характеристику относительно линии с нулевым усилением. Отображаясь на спектр возбуждающего источника, кривая антирезонанса создает на огибающей спектра характерный провал или минимум, по форме напоминающий обращенную форманту, как это показано на рис. 2. Такое отображение кривой антирезонанса на спектр возбуждающего источника и называется а н т и ф о р м а н т о й. Следует, однако, иметь в виду, что если форманту достаточно просто обнаружить

по огибающей спектра, то антиформанта является своего рода невидимкой в спектральном анализе речи. Это объясняется тем, что по природе своего происхождения антиформанта не может быть получена в изолированном виде, а всегда выступает в сложных условиях связи с формантной структурой основного тракта. Минимумы формантной структуры, всегда присутствующие шумы и помехи, а для слухового восприятия —

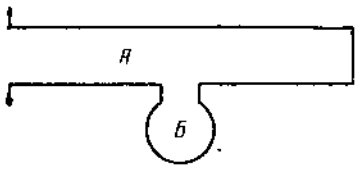


Рис. 1. Схема подключения резонатора к трубе для получения антирезонансного эффекта: А — основной тракт; Б — боковой резонатор

маскировка слабых составляющих спектра составляющими с большим уровнем громкости делают обнаружение антиформанты в спектре звуков речи весьма затруднительным. Лишь при помощи искусственных приемов антиформанту можно сделать видимой на видеограмме. В основном же о наличии и месте размещения антиформанты можно заключить из сопоставления спектра с артикуляционными данными и, что более важно,— по результатам взаимодействия антиформанты с формантой и с формантной

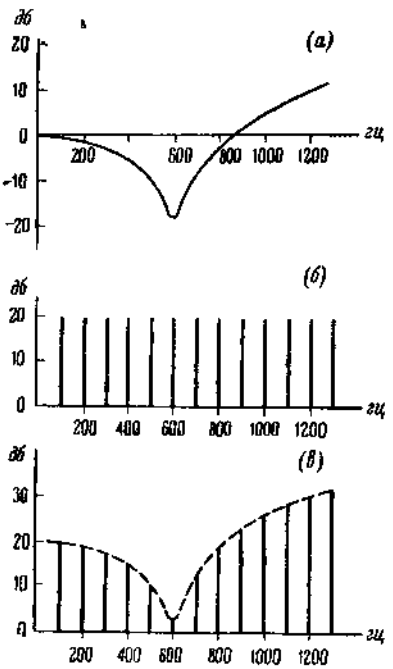


Рис. 2

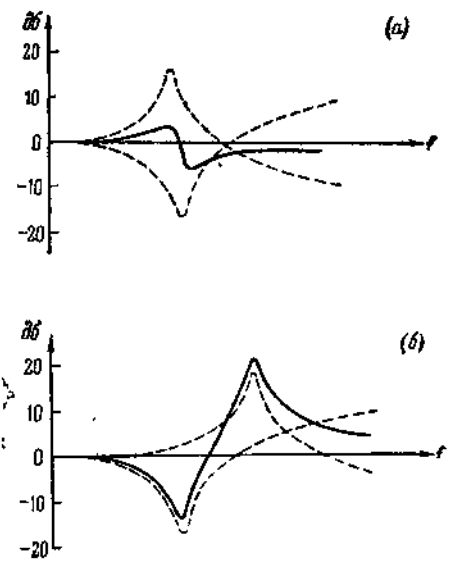


Рис. 3

Рис. 2. Отображение кривой антирезонанса на спектр возбуждающего источника: а) кривая антирезонанса; б) равномерный спектр гармонического источника; в) антиформанта

Рис. 3. Суммарный эффект форманты и антиформанты на огибающую речевого спектра: а) при небольшом и б) при значительном расхождении между частотами форманты и антиформанты (пунктиром обозначен эффект на огибающую единичной форманты и антиформанты)

структурой в целом. Поэтому изучение закономерностей взаимодействия антиформант с формантной структурой имеет важное значение для акустических исследований речи.

По характеру взаимодействия и влияния на огибающую спектра различают связанную пару из форманты и антиформанты, свободную форманту и свободную антиформанту. Форманта связана антиформантой, если частота последней близка к частоте форманты. Крайний случай связанности имеет место тогда, когда частоты форманты и антиформанты совпадают, а ширина полосы форманты равна ширине полосы антиформанты. В этом случае форманта и антиформанта полностью нейтрализуют друг друга

и их суммарный эффект на спектр звука будет равен нулю. При небольшом расхождении частот или ширины полосы форманты и антиформанты нейтрализация не будет полной и огибающая спектра в области размещения связанной пары будет иметь небольшой перепад от максимума к минимуму, который возрастает с увеличением расстояния между ними. На рис. 3 иллюстрируется суммарный эффект на огибающую спектра (сплошная линия) форманты и антиформанты с равной шириной полосы для случаев небольшого и значительного расхождения между их частотами. Само собой разумеется, что наличие связанной форманты предполагает собой также и наличие связанной антиформанты.

Форманта называется свободной, если вблизи нее нет антиформанты, и, наоборот, свободная антиформанта означает отсутствие формант в полосе ее размещения. Как это следует из вышеизложенного, влияние антиформанты на спектр источника прямо противоположно влиянию форманты. Если форманта подавляет составляющие спектра, лежащие выше ее по частоте, и в этом смысле действует как фильтр пропускания нижних частот (НЧ фильтр), то антиформанта, напротив, подчеркивает верхние частоты, и этот ее эффект сравним с действием фильтра пропускания высоких частот (ВЧ фильтра). Этот фильтровой эффект в случае свободной форманты и свободной антиформанты играет существенную роль при формировании речевого спектра.

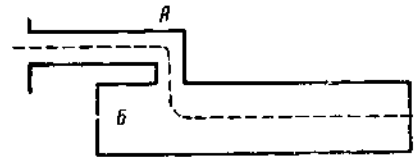


Рис. 4. Упрощенная модель образования латерального согласного /л/: А — боковой проход; Б — шунтирующая полость

Антиформанты как средство формирования речевого спектра значительно расширяют класс возможных преобразований формантной структуры и обеспечивают получение эффекта, не связанного или даже прямо противоположного эффекту смещения формант. Само появление антиформант в речевом спектре определяется деформациями речевого тракта двоякого рода: 1) деформациями типа боковых ответвлений; 2) деформациями, связанными с переносом источника по продольной оси речевого тракта. Деформации первого рода характерны для латерального /л/ и носовых согласных /м, н/ в их мягком и твердом произношении. Как известно, при произнесении согласного /л/ передняя часть языка смыкается с твердым небом, оставляя один или два боковых прохода для распространения звука. При этом между небом и передней частью языка образуется полость, лежащая в стороне от пути распространения звуковых колебаний и, таким образом, представляющая собой боковое ответвление от основного тракта, как это схематически показано на рис. 4. Эта боковая полость вносит в спектр звука антиформанту, частота которой зависит от объема полости и от величины ее связи с основным трактом. При замедленной артикуляции, когда преграда между языком и небом образуется не сразу и соответственно не сразу формируется и исчезает боковая полость, антиформанту можно сделать видимой на видеограмме. Этот эффект иллюстрируется на рис. 5, на котором приведена видеограмма повторно произнесенного слога /лы/, снятая узкополосным фильтром. Изменения параметров боковой полости в период ее формирования и распада заставляют антиформанту смещаться по спектру и оставлять на видеограмме след в виде узкой белой полоски, пересекающей линии гармоник спектра голосовых связок на переходах от гласного к согласному и наоборот.

Видеограмма показывает, что антиформанта, появляясь в верхнем краю формантной структуры, быстро снижается в область третьей форманты предшествующего гласного и нейтрализует ее, как бы вырезая ее из спектра. Движению антиформанты сопутствуют понижение частоты второй форманты и другие изменения спектра, определяемые увеличением длины речевого тракта и уменьшением эффективного выходного отверстия в связи с образованием бокового прохода. Однако не эти сопутствующие изменения, которые встречаются и при переходах от гласного к гласному, определяют характер спектра согласного /л/. Определяющим здесь является новый фактор — наличие антиформанты, которую, однако, в стационарном звуке наблюдать нельзя, так как в той мере, в какой антиформанта нейтрализует форманту, последняя в свою очередь нейтрализует антиформанту. Нельзя, однако, считать, что нейтрализация форманты является эффектом местного значения, не влияющим на огибающую спектра в целом. Как это следует из рис. 6, нейтрализация форманты в формантной структуре приводит к изменению частотных и амплитудных соотношений между формантами, которые не могут быть получены за счет простого изменения формантных частот. Это существенное влияние антиформанты на спектр в целом и придает характерное звучание согласному /л/ при его изолированном произнесении. В связной речи влияние антиформанты на спектр звука /л/ обнаруживается на переходах к смежному звуку. Как это видно из сравнения спектров (рис. 7), форманта, прижатая антиформантой, при переходе к гласному быстро восстанавливает свой относительный уровень и, таким образом, обнаруживает не только присутствие антиформанты, но и ее положение в спектре. Последний признак имеет значение для различения твердого /л/ и мягкого /л'/: во вто-

Рис. 5. Видеограмма повторно произнесенного слога /ны/ при замедленной артикуляции согласного

ром случае объем боковой полости уменьшается и антиформанта оказывается смещенной по спектру вверх.

Рассмотренный пример образования согласного звука представляет собой характерный случай взаимодействия единичной антиформанты с формантной структурой речевого спектра. Более сложные, но в принципе аналогичные соотношения имеют место при образовании носовых согласных. В этом случае основной тракт для распространения звуковых колебаний образуют полости носа и глотки. Носоглоточный тракт имеет своеобразную формантную структуру, которая, особенно по ширине полос формант, отличается от формантной структуры гласных. Немаловажную роль, однако, в формировании спектра носовых согласных играют антиформанты, определяемые резонансными свойствами полости рта, которая служит боковой шунтирующей полостью к носоглоточному тракту. При помощи искусственного приема, описанного в статье Ш. Хэттори, К. Ямамото и О. Фуимуры, эти антиформанты можно сделать видимыми на видеограмме. Положение антиформант в формантной структуре является различающим параметром в группе носовых согласных.

Большое многообразие спектральных картин дают деформации, связанные с перемещением источника по продольной оси речевого тракта. Само собой разумеется, что речь при этом может идти только о шумовом источнике, поскольку тональный источник связан с колебаниями голосовых связок и занимает фиксированное положение в речевом тракте. С другой стороны, источником шума в речевом сигнале являются трение и завихрения воздушной струи в щели, образуемой артикуляторными органами. Поэтому шумовой источник практически может занимать любое положение в речевом тракте между его крайними точками — гортанью и губами. С точки зрения формирования спектра в системе русских согласных основными представителями звуков речи, артикуляция которых связана с перемещением источника по продольной оси речевого тракта, являются глухие фрикативные /ф, с, ш, х/. Поэтому закономерности в образовании спектров этих согласных в общем приложимы ко всем шумным согласным с аналогичным местом артикуляции.

Преобразования формантной структуры, связанные с перемещением источника, могут быть промоделированы на видоизмененной трехпараметровой модели речевого тракта, в которой источник шумового спектра размещен внутри перемещаемой по оси трубы суженной секции с сечением, достаточно малым для генерации шума (рис. 8). При этом закономерности в движении формант, связанные с перемещением суженной

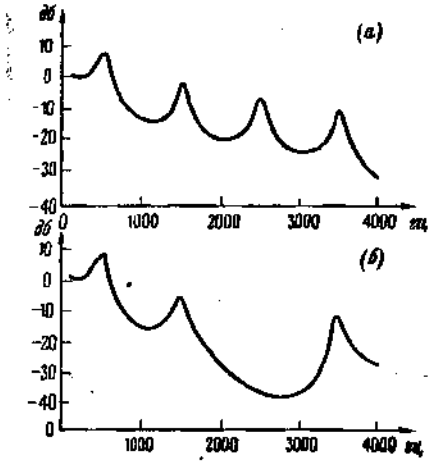


Рис. 6. Эффект нейтрализации форманты антиформантой на примере формантной структуры однородной акустической трубы при стандартном источнике спектра со спадом 6 дб/окт: а) исходная формантная структура; б) формантная структура после нейтрализации третьей форманты

секции по оси трубы, останутся теми же самыми, что и у модели с источником, фиксированным у задней стенки. Осложняющим фактором будут антиформанты, появление которых в спектре объясняется шунтирующим действием полостей, находящихся за источником возбуждения. Как это следует из модели, приведенной на рис. 8, полость за источником возбуждения представляет собой также акустическую трубу, деформированную тем или иным образом в условиях реального речевого тракта. Так же как

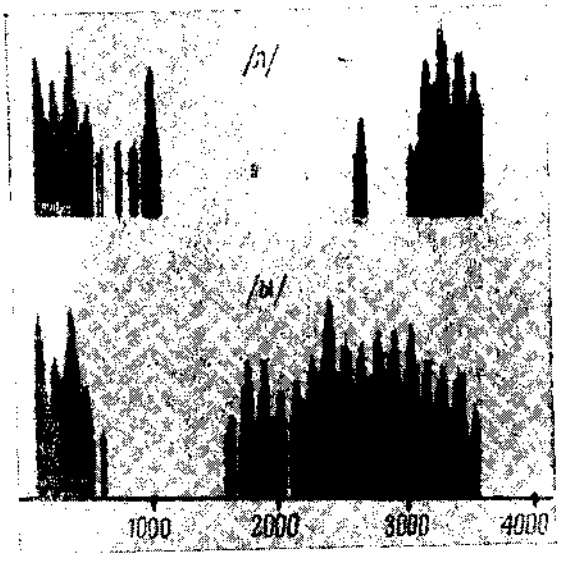


Рис. 7. Восстановление относительного уровня форманты, нейтрализованной антиформантой, при переходе от согласного /л/ к гласному /ы/

и в случае резонансов, акустическая труба, подключенная параллельно к источнику возбуждения, характеризуется бесконечным числом антирезонансов, размещенных по частоте с интервалами, определяемыми длиной трубы. Поэтому влияние антиформант, порождаемых задними полостями, на формантную структуру речевого тракта

является более глубоким и радикальным, чем при шунтировании речевого тракта боковой полостью. Если при шунтировании речевого тракта боковой полостью речь шла о взаимодействии с формантной структурой одной-двух антиформант, то при наличии резонирующих полостей речевого тракта за источником возбуждения антиформантами поражается вся или почти вся формантная структура. Поэтому перемещение источника

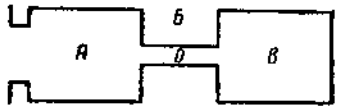


Рис. 8. Модель речевого тракта с перемещением источника по продольной оси трубы: А — передняя полость модели; Б — суженная секция с источником, обозначенным кружком; В — полость, расположенная за источником возбуждения

по оси речевого тракта приводит к резкому искажению формантной структуры, как это наглядно представлено на рис. 9, где приведены две огибающие спектра, вычисленные для реальной конфигурации речевого тракта при произнесении согласного /ш/ для стандартного спектра голосовых связок и для шумового источника с равномерным спектром, размещенного в щели между передней частью языка и небом.

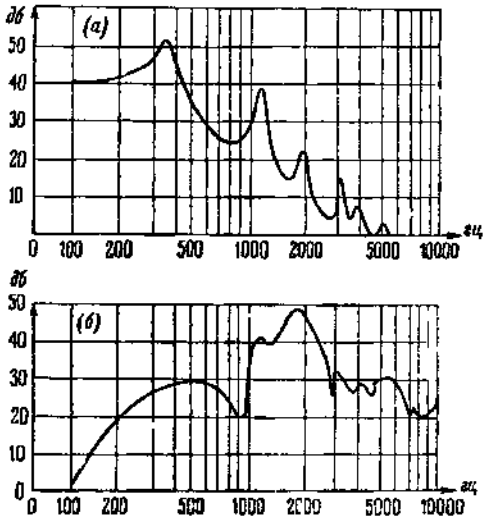


Рис. 9. Влияние антиформант, вносимых задними полостями, на формантную структуру спектра (по Г. Фанту): а) огибающая спектра, вычисленная для конфигурации речевого тракта при произнесении согласного /ш/ для случая возбуждения спектром голосовых связок; б) огибающая для той же конфигурации тракта при возбуждении равномерным шумовым источником, расположенным в артикуляционной щели между языком и небом

Крайним случаем в ряду последовательных искажений формантной структуры при перемещении источника по оси речевого тракта является размещение источника у губ, при котором весь речевой тракт находится позади источника возбуждения звуковых колебаний, как при артикуляции согласного /ф/. В этом случае каждая из формант формантной структуры оказывается связанной антиформантой, которая в большей или меньшей мере нейтрализует ее. В результате огибающая спектра принимает сглаженную форму с небольшими максимумами и минимумами, оставшимися от формантной структуры за счет неполной нейтрализации формант. Естественно, что при положении источника шума у гортани, как при артикуляции шепотных гласных, имеет место противоположный случай, когда формантная структура свободна от антиформант. Между этими крайними случаями свободной и полностью связанной формантной структуры лежат промежуточные случаи наличия достаточно выраженных полостей как за источником, так и перед ним. При промежуточном положении источника антиформанты связывают формантную структуру неполностью, накладываясь только на те форманты, происхождение которых в основном определяется задними полостями акустической системы. Форманты передних полостей являются свободными и определяют основные максимумы в огибающей спектра звука. Наличие таких свободных формант характерно, в частности, для различных вариантов согласного /х/, который, как известно имеет расплывчатое место артикуляции, зависящее от последующего гласного Как это следует из сравнения видеограмм (рис. 10 и 11), при переходе от заднего к переднему варианту согласного /х/ перемещение шумового источника по оси речевого тракта и связанное с ним уменьшение объема передней полости приводит к повышению частоты основного максимума, движение которого при этом напоминает перемещение линии переднего резонанса в последовательности гласных /у → ы → и/, чем подчеркивается обусловленность этого максимума резонансом передней полости Подавление остальной части формантной структуры антирезонансами задних поло-

Рис. 10. Видеограмма последовательности гласных /у → ы → и/ при шепотном произнесении

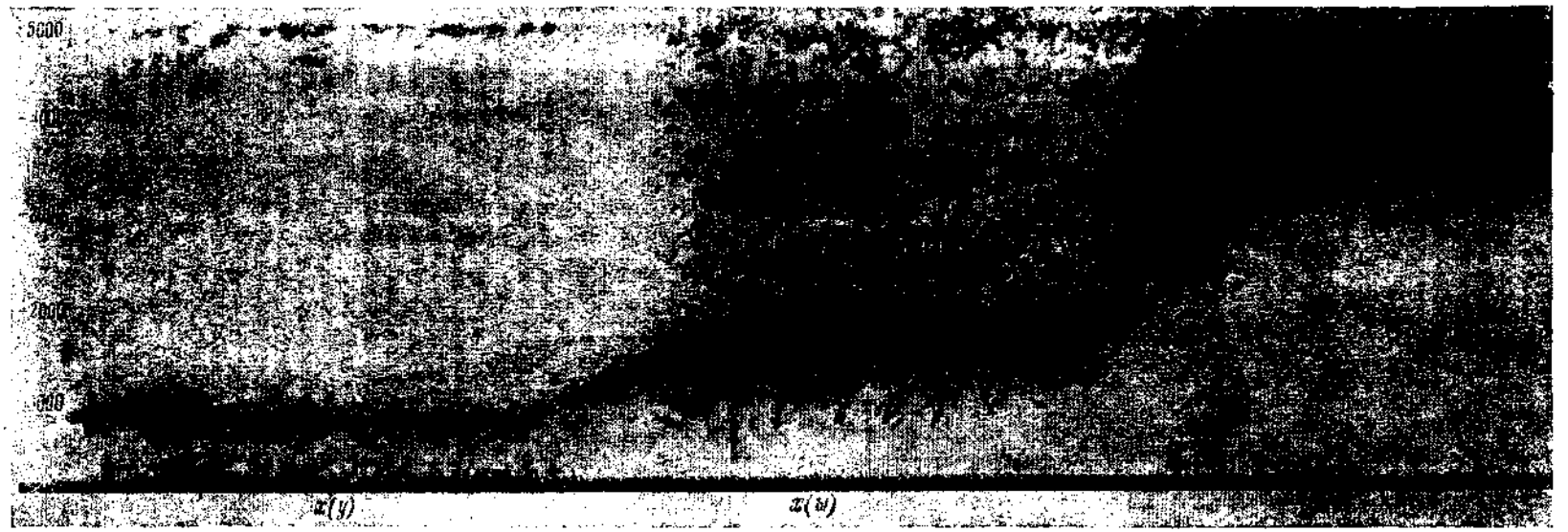


Рис. 11. Видеограмма согласного /х/ при перемещении места артикуляции из заднего в переднее положение

стей составляет основное отличие спектров /х/ от спектров шепотных гласных с аналогичным местом артикуляции.

Наличие свободных формант характерно также и для спектров согласных /с/ и /ш/. Однако положение источника, близкое к крайнему переднему положению, придает спектрам этих согласных некоторые своеобразные особенности, поскольку для передних согласных заметное влияние на огибающую спектра оказывает также положение шумового источника внутри артикуляционной щели. В частности, при произнесении /с/ между языком, с одной стороны, и верхними зубами и альвеолами, с другой стороны, образуется узкий и достаточно длинный канал, на выходе которого, т. е. у зубов, размещается источник возбуждения. При таком размещении источника на выходе достаточно длинной артикуляционной щели часть щели за источником вносит в спектр звука свободную антиформанту, влияние которой на огибающую спектра отличается от влияния связанной антиформанты. Если связанная антиформанта действует на спектр в основном через форманту, на которую она накладывается, то свободная антиформанта оказывает непосредственное влияние на спектр в целом, обеспечивая в соответствии со своим ВЧ фильтровым эффектом подъем верхних формант и создавая таким образом резкий перепад уровней между нижней и верхней частями спектра. Менее ясен механизм образования свободной антиформанты в спектре согласного /ш/, на наличие которой указывают некоторые экспериментальные данные.

Таким образом, в формировании спектра согласных существенную роль играют антиформанты, вносимые в спектр боковыми полостями и полостями, расположенными за источником возбуждения звуковых колебаний. Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что обнаружение антиформант в виде минимумов в огибающей спектра само по себе является задачей проблематичной, а во многих случаях и заведомо невозможной. Сила антиформант — в их взаимодействии с формантной структурой, в результате которого в спектре речи могут быть получены частотные и амплитудные соотношения, характеризующиеся тем, что они не могут быть получены только за счет изменения положения формант. Изучение особенностей взаимодействия антиформант с формантной структурой может принести большую пользу как для теоретического осмысления механизма образования согласных, так и для практических целей построения систем автоматического распознавания речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. G. Fant, Acoustic theory of speech production, 's-Gravenhage, 1960.
2. Shirô Hattory, Kengo Yamamoto and Osamu Fujimura, Nasalization of vowels in relation to nasals, «Journ. of the Acoustical society of America», XXX, 4, 1958.
3. M. Hecker, Studies of nasal consonants with an articulatory speech synthesizer, там же, XXXIV, 2, 1962.
4. J. M. Heinz and K. N. Stevens, On the properties of voiceless fricative consonants, там же, XXXIII, 5, 1961.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ А. А. ШАХМАТОВА

Среди неизданных работ последних лет жизни А. А. Шахматова особый интерес представляет обширная рецензия на книгу Г. А. Ильинского «Праславянская грамматика», предлагаемая сейчас вниманию читателя. Проблематика праславянского языка («общеславянского праязыка», по терминологии Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и их школы) и сравнительной грамматики славянских языков занимала одно из центральных мест в научном творчестве А. А. Шахматова. Объективная оценка его вклада в эту науку еще не сделана, если не считать весьма неполный обзор его теорий, сделанный суровыми и, может быть, не всегда объективными критиками — современниками Шахматова [1].

Между А. А. Шахматовым и Г. А. Ильинским в течение длительного времени велась научная полемика. Существовавшие между ними разногласия касались научной интерпретации целого ряда основных моментов теории фонетических реконструкций праславянских явлений. В книге Г. А. Ильинского, которой посвящена публикуемая работа А. А. Шахматова [2], имеется множество ссылок на теории и гипотезы последнего и чаще всего — в плане их отрицания (ср. стр. 71, 119, 149, 154, 167, 217, 247, 272 и т. д.). Г. А. Ильинский не принимает, как и М. Г. Долобко, ряд гипотез А. А. Шахматова, выступая против них часто в весьма резких выражениях («придумано ad hoc», «не выдерживает критики», «еще более проблематично» и т. п.). Некоторые проблемы общеславянской и русской исторической фонетики (например, вопрос о судьбе *tort*, *tъrt*, о так называемом «втором полногласии», о флексии *ъ/ь* и др.) обсуждались Ильинским и Шахматовым в письмах.

В 1914—1915 гг. А. А. Шахматов подвел итоги своим воззрениям на проблемы праславянской фонетики в книге «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Л., 1915). Одновременно с ним аналогичный итог подводит и Г. А. Ильинский («Праславянская грамматика», Нежин, 1916). Несмотря на некоторые принципиальные расхождения, Шахматов пишет рецензию на книгу Ильинского, которая послужила отзывом-рекомендацией для присуждения Г. А. Ильинскому в 1918 г. золотой медали и Толстовской академической премии за книгу.

Публикуемая работа А. А. Шахматова имеет и самостоятельный интерес. В ней развиваются некоторые новые положения по вопросам фонетики и морфологии праславянского языка и отчасти пересматриваются старые. Так, известная теория А. А. Шахматова о «напряженных» ъ и ь, выдвинутая им в 1910 г.[3] в противовес собственной гипотезе о зависимости ъ/ь от последующих *j* или *i* (1903) [4], здесь пересматривается еще раз и отвергается в пользу уже третьей гипотезы. Правда, в уже упомянутом «Очерке» можно заметить намек на эту новую гипотезу, которая излагается в публикуемой работе. Уместно заметить, что теория о «напряженных» ъ и ь до сих пор кочует из пособия в пособие, специальных же работ, посвященных данному вопросу, не было.

В. К. Журавлев (Минск)

---

[1] Ср.: М. Г. Долобко, Изучение явлений общеславянского праязыка в трудах А. А. Шахматова, ИОРЯС, XXV (1920), 1922; Г. А. Ильинский, Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова, там же.

[2] Единственный экземпляр авторской рукописи хранится в Архиве АН СССР (фонд, 9, опись 3, № 56).

[3] См. A. A. Schachmatow, Die gespannten (engen) Vokale ъ̂ и ь̂ im Urslavischen, AfslPh, XXXI, 4, 1910.

[4] См. А. А. Шахматов, К вопросу о различении йота и неслогового *i* в истории славянских языков, РФВ, L, 1903.

Г. А. Ильинский. **Праславянская грамматика.** — Нежин, 1916. XXVIII + 536 [стр.].

Рассматриваемый труд проф. Г. А. Ильинского представляет объемистый том, построенный по строго продуманной программе и обнимающий целую научную дисциплину. Эта дисциплина стала предметом специальной обработки лишь в последнее время, и автор в Предисловии верно указывает, что имеет только двух предшественников в лице проф. Иос. Микколы и проф. В. К. Поржезинского. Правда, восстановление праславянского языка составляет издавна предмет сравнительной грамматики славянских языков; сам автор указывает на тесную связь этой науки с наукой о праславянском языке, называя последнюю первой главой сравнительной грамматики славянских языков (стр. 5); ввиду этого я не стал бы особенно настаивать на целесообразности выделения праславянской грамматики в особую дисциплину. Действительно, как верно заметил автор на стр. 4, понятие «праславянский язык» представляет собой в настоящее время только научную фикцию; фикция эта в виде цепи научных гипотез всецело основывается на сравнительном изучении славянских языков, которое одно в состоянии дать самое содержание, самый материал для этой науки; следовательно, отрывать эту дисциплину от сравнительной грамматики нельзя, как нельзя также излагать эту грамматику, не установив фактов языка праславянского. Правда, праславянская грамматика черпает свое содержание также и из сравнительной грамматики индоевропейских языков, но без данных сравнительного индоевропейского языкознания невозможно и научное изучение славянских языков в их взаимных отношениях. Самый труд Г. А. Ильинского показывает, что приемы изложения праславянской грамматики те же, что приемы сравнительной грамматики; так, напр., исследование о явлениях, соответствующих русскому полногласию (стр. 113—134), должно было подробно остановиться на фактах отдельных славянских языков в их истории; это страницы из сравнительной грамматики славянских языков, как, впрочем, такими же страницами являются и все остальные части рассматриваемого труда. Г. А. Ильинский вообще блестяще выполнил свою задачу и, познакомив нас с результатами сравнительной грамматики славянских языков, содействовал в сильной степени дальнейшему их изучению.

Содержа вначале Предисловие [1], Оглавление, Объяснение сокращений (где указаны и главнейшие пособия), труд Г. А. Ильинского распадается на три части: Введение (стр. 1—43), Часть I. Фонетика (стр. 45—292) и Часть II. Морфология (стр. 293—529 . Отделы словообразования и синтаксиса отсутствуют. Впрочем морфология содержит ряд §§, относящихся к словообразованию.

Во Введении автор, после установления общих понятий, знакомит нас с составом славянской семьи языков и дает указания на главнейшие пособия для изучения каждого из этих языков. Напрасно автор не обозначил термином чешскословацкий язык совокупность чешских и словацких говоров, подобно тому как совокупность говоров сербских и хорватских названа им сербско-хорватским языком; на стр. 403 ему пришлось прибегнуть к термину чехо-словацкий. Кашубский язык отнесен автором к польскому, но напрасно в числе пособий не указано ни одного словаря, ни одной грамматики; можно было бы назвать словарь Рамульта, труд Лоренца («Slovinzische Grammatik» и «Slovinzisches Wörterbuch»), а также статью И. А. Бодуэна де Куртенэ («Журн. Мин. нар. пр.» за 1897 г.); вообще кашубский язык остался вне поля зрения автора во многих отделах его труда, между прочим и в изложении истории сочетаний, соответствующих русским полногласным, где кашубские *kařva*, *barna*, *mork* заслуживали бы особого внимания. Мне кажется, что автору не следовало разделять особыми заголовками языки древне-церковно-славянский и болгарский; первый из них самим автором признается древнеболгарским; впрочем, в согласии с автором, я предпочитаю держаться термина древне-церковно-славянский ввиду его исключительного значения как языка церковной письменности. Не могу согласиться с автором, когда он утверждает, что древне-церковно-славянский язык «во многих отношениях может считаться довольно точным отображением языка праславянского». Если постараться за буквами увидеть звуки, то весьма вероятным окажется, что древнерусский язык был не менее близок к праславянскому, чем древнеболгарский. Недостатком всего отдела, составляющего содержание II главы, я считаю отсутствие здесь указаний на взаимные отношения славянских языков и их классификацию; автор, как видно из стр. 8, умышленно оставил эти вопросы пока в стороне; но и в других частях его труда вопросы эти остались неосвещенными. Правда, ему пришлось говорить о некоторых явлениях, объединяющих отдельные славянские языки, но при этом автор явно склоняется к мысли, что такие явления ведут к определению диалектов праславянского языка, не допуская, по-видимому, возможности общей языковой жизни для отдельных частей распадавшегося славянства. Между тем имеется ряд указаний на существование такой эпохи, когда одною общею языковою жизнью жили южная и восточная славянские ветви (в противоположность западным ветвям), и также таких эпох, когда

[1] Отмечу досадный недосмотр в примеч. на стр. V: ни в древнеиндийском, ни в каких бы то ни было других языках нет церебрального *m*; знак *ṁ* в *māṁsám* — это знак для *anusvāra* (мы ожидали бы транскрипции *māṅsám* или *māṃsám*).

общие явления переживались, с одной стороны, южными, а с другой — западными славянскими языками. Краткие указания на выдвинутые в соответствующей научной литературе вопросы были бы не лишними. По-видимому, автор не стал бы отрицать вероятности положительных их решений; во всяком случае внимание к этим вопросам облегчило бы освещение некоторых явлений. На стр. 115 автор под понятие «ляшский язык (в широком смысле слова)» подводит и лужицкие языки, в чем едва ли он имел предшественников и едва ли найдет последователей; лужицкие языки, а среди них в особенности верхнелужицкий, сильно сближаются с чешско-словацкою группой, являясь, впрочем, самостоятельным (в истории) членом западнославянской семьи языков.

Следующая затем глава знакомит читателя с составом индоевропейской семьи языков, впрочем в сообщениях довольно случайного характера, давая также и указания на главнейшие пособия для изучения некоторых из них. Весьма полезной для читателя является IV глава, где определяется место праславянского языка в индоевропейской семье, причем особое внимание уделено вопросу о балтославянском языке; несмотря на это внимание, автор не выносит определенного решения, слишком, как мне кажется, поддаваясь скептическому взгляду А. Мейе и упуская из виду, что положительное решение вопроса подсказывается значительным комплексом общих балтийским и славянским языкам признаков, с одной стороны, их географическим соседством, ведущим к возможности в прошлом одной общей для них территории [2],— с другой. Автор коснулся и вопроса о территории и времени жизни праславянского языка, посвятив ему главу V; мне кажется, что он слишком мало уделил внимания уступкам, делаемым такими исследователями, как Нидерле, той теории, которая допускает появление славян на Дунае с первых веков христианской эры; отрицательное отношение к этим уступкам склонило бы, быть может, автора к допущению, что славянство жило в эпоху, непосредственно предшествующую его распадению, не в нынешних Галиции, Волыни и Подолии, а севернее в Повислинье, причем движение к Дунаю началось не раньше падения Гуннского царства. VI глава рассматривает в суммарной, но вполне достаточной для целей автора форме «Лексикальное воздействие [3] праславянского языка с другими соседними языками». В § 41, озаглавленном «Славяне и тюрки», правильно было бы включить указание на дополнения, сделанные Коршем в «Archiv für slav. Philologie» к исследованию Миклошича о турецких элементах в славянских языках, а также указание на статьи Корша и Мелиоранского, посвященные рассмотрению тех же элементов. Главой VI оканчивается Введение.

Часть первая, содержащая Фонетику, распадается на три отдела: Вокализм, Консонантизм, Количество и ударение. Р. определение звукового материала по этим трем отделам представляет несомненные трудности; взаимодействие гласных и согласных может отступить при таком распределении на задний план. Законы начала слова и законы конца слова автору пришлось трактовать в отделе Вокализм (главы XXII и XXIII); между тем здесь рассматриваются такие явления, как отпадение конечных *s* и *r*, отпадение звонких взрывных согласных, «переразложение предлогов» (явление как *nědro* вм. *ědro*) и др. Фонетика вообще во всех ее отделах изложена автором весьма полно; он овладел всей литературой вопроса и сумел поделиться своими сведениями о ней с читателем, нисколько ни ограничивая как своего критического отношения к мнениям предшественников, так и своего самостоятельного толкования самого существа исследуемых явлений. Всюду обнаруживается вдумчивость автора и вместе с тем благоразумная выдержка, подсказанная научным тактом, выработанным в хорошей школе, которую самостоятельно в своем ученом развитии прошел автор. Рецензент не может, правда, согласиться с некоторыми точками зрения и гипотезами Г. А. Ильинского; научный аппарат, выдвинутый автором, его последовательная аргументация и умелое использование предшествующих трудов решительно располагают в случаях несогласия с автором к спору, но ввиду прямой задачи, лежащей перед рецензентом, ему приходится ограничиться лишь немногими указаниями на признаваемые им ошибочные утверждения автора.

Так, мне кажется, что автор не дал сколько-нибудь убедительных данных в пользу предложенного им объяснения [4] русского и западнославянского *ě* в некоторых грамматических окончаниях в соответствии с *ę* южнославянских языков (древнеболг. *ѧ*, сербскохорв. и словенское *e*). Из § 147 («Редукция *n* перед следующим *s*») мы знакомимся с нижеследующими положениями автора. Сочетания *ěns* и *ĭns* вследствие редукции *n* перешли в *ęs* и *ịs*, откуда *ūs*, *ī s*, *ī* и *ĭs*, *ĭ*: *sūnuns* перешло в *sī nī* (вин. мн.), *kostĭns* — в *kostĭ* (вин. мн.). Что до сочетаний *ons* и *jons*, то изменение их произошло в такую эпоху, когда в составе праславянского языка образовались две группы диалектов, соответствующих позднейшим двум группам: южной, юго-славянской, с одной стороны, восточно-западной, восточно-славянской и западно-славянской, с другой. В первой из этих групп *ons* (в конце слова) перешло в *ĭns*, откуда, также как из первоначального, *ŭns*, *y* : *vьlkons* перешло в *vьlkĭns*, откуда *vьlky* (древнеболг. *влькы*,

[2] Ср. статью Г. А. Ильинского «Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова».— *В. Ж.*

[3] Так в рукописи.— *В. Ж.*

[4] Ср. письмо Ильинского Шахматову (без даты, не позже 1903 г.), Архив АН СССР, фонд 134, опись 3, № 606.— *В. Ж.*

вин. мн.); *jons* перешло, однако, до этого в *jens*, а *jens* после редукции *n* изменилось в *ję* : *konjons* — *konjens* — *kon'ę* (древнеболг. *конѭ*, вин. мн.). Во второй праславянской диалектической группе «выпадение *n* перед *s* могло совершиться гораздо раньше даже той сравнительно весьма древней эпохи, когда *ŏ* „затемнялось" перед *n* в *ŭ*, а *e* вместе со следующим *n* переходило в *ę*»; в этих говорах *ons* изменилось в *ōs*, *ūs*, *ā* : *vedons* (из *vedonts*) перешло в *vedōs*, *vedūs*, *vedā* (древнерусск. *веда*, прич. наст.); *jons*, перешедши в *jens* (в более древнюю, общеславянскую эпоху), изменилось затем в *jēs*, *jēs*, *jē* : *dūšens* перешло в *dūšes*, *dūšēs*, *dūšē* (древнерусск *доушѣ*, р. ед. и вин. мн.). Развитие этого учения дано автором в Морфологии, § 263 (стр. 359—360) и § 247 (стр. 317—318). В приведенной формулировке мысль автора встречается с рядом возражений. Во-первых, оказывается, что результаты выпадения *n* в обеих группах говоров были разные: в первой группе выпадение *n* вело за собой образование носового звука (*ŭns* — *ęs*, *ĭns* — *ęs*, *ons* через посредство *ŭns* — *ęs*; *jons* через посредство *jens* — *jęs*), а во второй — удлинение предшествующей гласной (*o* в *ā*, *e* в *ē*, *ē*); между тем автор на стр. 180 утверждает, что в говорах второй группы «результаты выпадения *n* были те же», что в говорах первой группы: «предшествующий гласный подвергся „заменительному удлинению", т. е. *ŏ* переходило в *ōs* затем в *ā*, а *e* — в *ē* и затем в *ē*». Во-вторых, в говорах второй группы в *ōs*, *ās*, *ā* изменилось только то *ons*, которое восходит к *onts* (в им. ед. м. р. причастий), между тем как *ons* исконное изменялось и здесь также в *ŭns*, откуда далее *ęs*, *ūs*, *ȳs*, *ȳ* (ср. древнерусск. *вълкы*, вин. мн.). Это противоречие было, конечно, замечено автором, который выставил для его устранения предположение, что *onts* изменилось в *onss* (с *ss* или долгим *s*) и что выпадение *n* перед долгим *s* имело место раньше, чем перед кратким, почему в более древнюю эпоху говоры второй группы изменяли *ŏns* (с долгим *s*) в *ōs*, *ās*, *ā*, между тем как позже эти говоры изменили *ŏns* (с кратким *s*) в *ŭns*, *ęs*, *ūs*, *ȳs*, *ȳ*. Следовательно, расхождение между обеими диалектическими группами праславянского языка имело место в изменениях сочетаниях[5] *ŏns* (с долгим *s*), между тем как изменения сочетаний *ŏns* (с кратким *s*) были тождественны в обеих указанных группах. Если это так, то неясно, почему в обеих группах получились различные результаты сочетаний *ĕns* (с кратким *s*): в одной группе отсюда *ęs*, *ę*, а в другой *ēs*, *ē* (древнеболг. *конѭ* — древнерусск. *конѣ*). Автор не объяснил нам этого противоречия, но своею смелою гипотезой поставил вопрос об отсутствии единства в праславянском языке уже в ту древнюю эпоху, когда *ŏ* по закону «затемнения» (§ 145) перешло в *ŭ* перед конечным носовым; изложение этого закона не согласовано автором с рассматриваемою гипотезой: из § 145 явствует, что изменение *vedŏnts* в *vedŭnts* произошло одновременно с изменением *vьlkŏn* в *vьlkŭn* (древне-церковно-славянск. *влькъ*, вин. п. ед.) и изменением *vьlkŏns* в *vьlkŭns* (древне-церковно-славянск. *влькы*, вин. п. мн.). В силу всех изложенных трудностей и противоречий, на которые напал автор, я остаюсь при старом объяснении, по которому в праславянском языке во всем его составе *ŏns* перешло в *y* (древнерусск. вин. мн. *вълкы*), а *jons* перешло в *jē* с *ē* (*ѣ*) носовым; носовое *ѣ* в южнославянских языках перешло в носовое *e*, откуда древнеболг. *ѭ*, сербскохорв. *e*; в западнославянских, а в том числе и в польском носовое *ē* с утратой назализации перешло в *ē*(*ѣ*); и так же изменилось носовое *ѣ* в русском языке (древнерусск. *доушѣ*, р. ед. и им.-вин. мн.).

Гипотеза автора, изложенная в § 147 и развитая в § 247, исходною точкой имела, по-видимому, наличность в русском и западнославянских языках в прич. наст. времени окончания *-a* в соответствии с южнославянским *-y* (древнерусск. *неса*, *дада*, чешск. *nesa*, *veda*, *reka*); этому *-a* автор счел нужным дать фонетическое объяснение, возводя его к праславянскому *-ŏns*, *-ŏnts*; автору хорошо известно, что по почину Брюкнера и Гебауера окончание *-ā* в русских и чешских причастиях наст. вр. принято объяснять как результат замены первоначального окончания *-y* новым, заимствованным из основ на *j* или на *i*. «Мы имеем таким образом *-a* только в чешском и русском языках, т. е. только в тех языках, в которых исконное *-ę* перешло в *-a*, *-ia*»; так рассуждал, предлагая свое объяснение, J. Gebauer («Hist. mluvn.», III, 2, стр. 82), так продолжаем рассуждать и мы, следуя тому же объяснению. Правда, и Гебауер, и другие исследователи знают форму *rzeka* в древнепольских текстах, но ее значение устраняется ввиду полной вероятности, что в ней надлежит видеть чехизм; сомнения А. И. Соболевского, за которым последовал Г. А. Ильинский, не поколебали принятого объяснения; следовательно, *река*, *dada* не праславянские, диалектические формы, а формы, развившиеся, с одной стороны, на русской, а с другой — на чешской почве под влиянием форм, как *ходя*, *делая*, древнечешск. (до перегласовки) *chod'a*, *trp'a*. Вероятность, необходимость такого объяснения подсказывается еще и следующими соображениями: русские формы, как *неся*, *идя*, *ведя*, уже явно образованы под влиянием причастий от основ на *i* и *j*; иного объяснения не могут иметь и такие чешские диалектические формы, как *ved'a*, *id'a*, *plet'a* (Gebauer, l. c.); ср. также верхнелужицкие *pleć'o*, *nješo* под влиянием *pijo*, *pišo*; ср. еще древнесерб. *буде*, *иде*, *гребе* под влиянием *просе*, *пише*. Особенно интересны древнеболгарские формы, как *живаі*, *саі* в Савв. кн., *градѧи сѧи* в Клоц. сб., *живаи* в Син. молитв., *грѧдѧи* и в Ассем. ев., причем рядом имеются еще формы с окончанием *-ѧ*, *-ѧи*, где *ѧ* означает какой-то особый оттенок звука *ę*: Зогр.— *грѧдѧи*, *сѧи*, *несѧ*, *бѣдѧи*; Мар.- *сѧи*, *бѣдѧи* (см. A. Leskien, Handbuch, § 70) и также формы с окончанием *-ѫи*: *сѫи* — Мар. св., *живѫі* — Син. псалт., *сѫи* — Син.

[5] Так в рукописи.— *В. Ж.*

молитв. Интересны также древнепольские формы, как *przydø*, *rzkø*. Из всех этих форм вытекает с ясностью возможность объяснять русские и чешские форы на *-а*, *-ай* влиянием со стороны тех форм на *-а*, *-ай*, где *а* восходит к *ę*. Замечу еще, что мы не имеем достаточных оснований отрицать существование форм *иды*, *мозы*, *несы* в древнерусском, объясняя наличность их в наших памятниках церковно-славянским влиянием.

Перехожу к другой гипотезе Г. А. Ильинского, изложенной им в § 108, в учении о «переходе плавных сонантов в согласные и его последствиях в диалектах праславянского языка». В предыдущем § автор, вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, принимает для праславянского праязыка переход групп *tort*, *tert*, *tolt*, *telt* в *to̯rt*, *te̯rt*, *to̯lt*, *te̯lt*, восстанавливает, следовательно, произношение слов, соответствующих русским *корова*, *берег*, *волос*, *молоко*, древнеболг. *крава*, *брѣгъ*, *власъ*, *млѣко* в виде *ko̯rva*, *be̯rgъ*, *go̯lsъ*, *me̯lko*. При этом упущено из виду, что Фортунатов признавал *r* и *l* в указанных выше сочетаниях долгими и объяснял, напр., *to̯rt* непосредственно из *tōrt*; впрочем и Г. А. Ильинский допускает долготу слоговых плавных в сочетаниях *to̯rt* и т. д., но мне осталось неясным, как именно он объясняет ее происхождение (стр. 115). Мне кажется, что достаточных оснований для допущения перехода долгих плавных в рассматриваемых сочетаниях в долгие слоговые плавные мы не имеем; изменение *tōrt*, *tōlt*, *tērt*, *tēlt* происходило уже на почве отдельных славянских ветвей. Русский язык действительно превратил названные сочетания в сочетания гласная + слоговая плавная, причем в дальнейшем из *vo̯rna* здесь возникло *vor̥na* и далее *vorona*. Неясным для меня представляется, почему Г. А. Ильинский принимает, что соответствующие ляшские сочетания *ro*, *lo*, *re*(*rze*), *le* предполагают те же промежуточные сочетания *or̥*, *ol̥*, *er̥*, *el̥*. В этом и состоит главная суть рассматриваемой гипотезы Г. А. Ильинского. Но она содержит и другие положения. «В одной части говоров праслав. яа[ыка],— читаем мы на стр. 115,— из которых впоследствии развились языки ляшский (в широком смысле слова) и русский, сокращавшийся плавный сонант развивал перед собой согласный плавный и вместе с ним притягивался к последующему согласному и, таким образом, открывал предыдущий слог». Автор, следовательно, и здесь допускает соединение праслав. говоров, предшествовавших русскому и ляшскому (о неточности, допущенной автором в отношении к этому термину, я сказал выше), в одну диалектическую группу, противополагаемую остальным говорам, составлявшим другую группу; см. сказанное выше по поводу судьбы сочетания *onls* в славянских языках. Мне кажется, что западнославянские *ro*, *lo*, *re*, *le* (*wrona*, *głowa* и т. п.) легче объяснить как результат перестановки, чем изменения сочетаний *o̯r*, *o̯l*, *e̯r*, *e̯l*; поэтому не вижу оснований прибегать к предположению о праславянском диалектическом изменении названных сочетаний. Имея в виду, что западнославянские языки подобно южнославянским вообще допускают перестановку в сочетаниях с плавными (ср. общее этим языкам изменение *mъrtvyi* в *mrьtvyi*, *mr̥ьtvyi*, *mr̥tvyi*, откуда сербскохорв. *мртви*, чешскослов. *mrtvý*, польск. *martwy*), я думаю теперь, что во всех западнослав. языках сочетания *tōrt*, *tōlt* и т. д. изменились в *t̥rot*, *t̥lot* и т. д., а отсюда в чешскослов. *trāt*, в луж. *trōt* и *trot*, в польск. *trot* и *trōt*. Таким образом, я принимаю промежуточные сочетания *t̥rot*, *t̥lot* для западнослав. эпохи в противность проф. Торбьернсону, допускавшему их для эпохи праславянской. Полабские и кашубские сочетания *ar*, *or* (*starna*, *morz*) я объясняю непосредственно из *r̥*, после которого утрачен был окончательно вокальный элемент. Подробно отстаивать это положение здесь представляется мне неуместным, но я не мог не заявить о своем несогласии с проф. Ильинским, выставившим такое объяснение русского полногласия и западнославянской перестановки, которое тесным образом сближало бы и русскую и западнославянскую ветвь в прошлом, в составе еще нераспавшейся славянской семьи.

Зато я вполне согласен с допущением автора относительно того, что в южнославянских языках мы имеем непосредственные рефлексы сочетаний *tārt*, *tālt*, *tērt*, *tēlt*, хотя я не вижу необходимости возводить их к праславянским *to̯rt*, *to̯lt* и т. д., а объясняю их из праславянских *tōrt*, *tōlt* и т. д. В пользу промежуточных сочетаний с *ār*, *ēr*, кроме приведенных автором форм, как диалектические древнеболгарские *балтина*, *залтаринъ* (см. стр. 120), я мог бы сослаться на древнеболгарское *пѣровъ*, Супр. рук. и XIII Сл. Гр. Бог., рядом с которым существовало и *прѣровъ* («Lex. Mikl.») в значении fossa, ров; *прѣровъ* непосредственно из *prērovъ*, а *пѣровъ* из *pērovъ*, где *r* заменило *rr* (в *pērrovъ rr* сохранялось под влиянием приставки *pēr* в других словах).

Совершенно расхожусь[6] с автором в изложении им предложенном истории праславянских сочетаний *tъrt*, *tъlt*, *tьrt*, *tьlt*. Вслед за Фортунатовым он допускает, что плавные в этих сочетаниях стали слоговыми; но Фортунатов предполагал, что предшествующие *ъ* и *ь* становились неслоговыми: *bъ̯rdo*, *gъ̯rdъ*. Г. А. Ильинский восстанавливает для праслав. языка *bъ̯rdo*, *gъ̯rdo*, и это ведет его к необходимости признать дальнейший ход изменения этих сочетаний аналогичным изменению сочетаний *o̯r*, *e̯r* и т. д. Поэтому он в русском языке ждет и здесь полногласия, т. е. произношения *бьрьдо*, *гьрьдо*. Совершенно возможно, что падение глухих повело к изменению *бьрьдо*, *гьрьдо* в *бердо*, *гордо*; поэтому современные русские формы не противоречат сделанному

[6] Ср. письма Ильинского Шахматову от 18 января и 23 марта 1912 г. (Архив АН СССР, фонд 134, опись 3, № 606), а также письмо Фортунатову от 31 декабря 1911 г. (Архив АН СССР, фонд 90, опись 3, № 31).— *В. Ж.*

Г. А. Ильинским допущению. Но я решительно отказался бы в подтверждение таких форм ссылаться на написания *бьрьдо*, *гъръдо* древнерусских памятников, а между тем наличность таких написаний в памятниках XI—XII вв. и послужила основанием для признания существования соответствующего произношения сначала Л. Л. Васильеву, а теперь Г. А. Ильинскому (А. А. Потебня предполагал, что такое произношение было свойственно севернорусскому наречию). Дело в том, что рядом с такими памятниками, где господствуют написания с *ьрь*, *ъръ*, *ълъ*, имеются памятники, представляющие написания с *ьр*, *ър*, *ъл*; есть ряд памятников, представляющих в одних частях первые из этих написаний, а в других другие. Если принять во внимание, что русские памятники до самой середины XII в. весьма последовательны в употреблении букв ъ и ь (отличаясь в этом отношении от многих древнеболгарских памятников), мы такое колебание в написаниях (*ьрь*, *ъръ*, *ълъ*, при *ьр*, *ър*, *ъл*) умеем объяснить только предположением, что одни из них, а именно написания *ьр*, *ър*, *ъл*, передают живое русское произношение, между тем как другие, а именно *ьрь*, *ъръ*, *ълъ*,— то искусственное произношение, которое возникло в результате перенесения древнеболгарского языка на русскую почву: *ьрь*, *ъръ*, *ълъ* — это комбинация соотв[етствующего] русского произношения (*ьр*, *ър*, *ъл*) с древнеболгарским (*рь*, *ръ*, *лъ* со слоговыми *р*, *л* и неслоговыми ъ, ь). Для писцов XI—XII в. буквы ъ, ь не были простыми значками (как для писцов позднейших); поэтому написания *ълка*, *дълго*, *върхъ* свидетельствуют именно о таком живом произношении с сочетаниями *ъл*, *ьр* и опровергают догадку Л. Л. Васильева и Г. А. Ильинского. Правда, живой русский язык в известных случаях представляет на месте древнерусских *ър*, *ьр*, *ъл* и современных *ор*, *ер*, *ол* произношение *оро*, *ере*, *оло* (второе полногласие), но случаи эти ограничиваются определенными условиями, а именно наличностью в следовавшем за ними слоге звуков ъ, ь, исчезнувших из произношения (*долог*, но *долгй* из *дългъ*, *дълга*; диалект. *верех*, *верха* из *върхъ*, *върха*; древнерусск. *черенци*, *чернец* из *чьрньци*, *чьрньць*). Ввиду этого появление таких *оро*, *ере*, *оло* стоит в прямой зависимости от падения глухих, вызвано падением глухих; исчезновение ъ, ь вызвало удлинение предшествующего слога: на месте *ор*, *ол*, *ер* являлись *ор*, *ол*, *ер* с долгими *р* и *л*; *ор*, *ол*, *ер* с краткими *р*, *л* оставались без изменения (*долга*, *верха*, *чернец*), между тем *ор*, *ол*, *ер* с долгими *р*, *л* изменялись в *оро*, *оло*, *ере*. Следовательно, второе полногласие являлось в русском языке при тех же условиях, что и первое полногласие, а именно при сочетании *о*, *е* с долгими *р*, *л*; это подтверждает необходимость исходить при объяснении первого полногласия из сочетаний *tor̄t*, *ter̄t*, *tol̄t*; на месте более древних двухморных сочетаний явились сочетания трехморные; это и повело их к дальнейшим изменениям. Что до сочетаний *tьrt*, *tъrt*, *tьlt*, *tьlt*, то они в общеслав. праязыке не перешли в трехморные *tьr̄t*, *tъr̄t*, *tьl̄t*, *tьl̄t* в зависимости от полукраткости гласного элемента; они звучали с *r*, *l* полудолгими; в других славянских языках сочетания эти подверглись перестановке, в русском полудолгие *r*, *l* сократились, а это повело к переходу предшествующих полукратких ъ, ь в краткие; краткость их засвидетельствована последовательным переходом их в *о*, *е*.

Учение о звуках ъ и ь представляет в изложении Г. А. Ильинского некоторые существенные пробелы; ср. §§ 57, 61, 126, 127. Во-первых, как мне кажется, *ĭ* и *ŭ*, редуцируясь, ослабляясь, изменялись не только качественно (теряя прежнюю артикуляционную базу), но и количественно (становясь при одних условиях полукраткими, но сохраняя краткость при других); отличие сильных и слабых (усиленных и ослабленных) глухих, о котором говорится в § 61, было именно отличием количественного характера; поэтому теперь я предпочитаю говорить о кратких глухих (иначе сильных, усиленных) и о полукратких (иначе слабых, ослабленных). Во-вторых, *ŭ* до редукции изменилось в *ў* (ы краткое) подобно тому, как *ū* изменилось в *ȳ* (ы долгое); ср. у Г. А. Ильинского, § 55; следовательно, мы должны говорить о редукции не *ŭ*, а *ў*. В-третьих, как указано, редукция *ў* и *ĭ* была артикуляционной и количественной; но при известных условиях она была только артикуляционной, а при других условиях — только количественною. Только артикуляционную редукцию видим в тех случаях, где за слогом с *ў*, *ĭ* находился слог с *ў* или *ĭ*; *ў*, *ĭ* предшествующего слога, редуцируясь, теряли свою артикуляционную базу и переходили в ъ, ь, но эти ъ, ь в количественном отношении не отличались от *ў*, *ĭ*, т. е. были краткими, а не полукраткими звуками; ср. сказанное выше о сильных и слабых глухих. Напротив, только количественную редукцию видим в положении звуков *ў*, *ĭ* перед *j* и также в положении звука *ĭ* (из *ĭ* и *ŭ*) после *j*; это значит, что *ў*, *ĭ* в указанных двух положениях сохраняли свой исконный звук, но становились полукраткими: праслав. *gostije*, *pomyje* (помои), *nalijetъ* (нальем) произносились с полукраткими *i*, *y*. В-четвертых, в положении звуков *ў*, *ĭ* перед *j* и положении *ĭ* за *j* при известных условиях совсем не могла иметь места их редукция, ни качественная, ни количественная; а именно при сочетании только что выясненных выше условий, т. е., с одной стороны, влияния *j*, задерживавшего качественную редукцию предшествующих *ў* и *ĭ*, а также последующего *j*, а с другой, нахождения слога с такими артикуляционно нередуцированными *ў* и *ĭ* перед слогом с полукраткими ъ и ь (из редуцированных *ў*, *ĭ*) и полукратким *i*; по этой причине сохранился звук *i* (как краткий и артикуляционно нередуцированный), напр., в *dostoinъ*, *l'udii*, *bii*, *platiiče*; звук *y*, напр., в *tyi*, *dobryi*. Все эти соображения убеждают меня

в ошибочности прежнего моего взгляда на существование при указанных условиях напряженных ъ, ь, а также в ошибочности предположения для праслав. языка таких произношений, как *kostьjǫ*, *gostьje*, *ljudьjь*, *dobrъjь*, принимаемых как Г. А. Ильинским (напр., в § 127), так и другими исследователями.

На многих других моих расхождениях с автором я останавливаться не буду. Решаюсь, однако, назвать весь отдел, трактующий о «переразложении окончаний» (§ 132), неудачным: он построен на искусственных и маловероятных предпосылках. Хорошо и интересно изложенное учение о чередовании звуков содержит кое-что спорное (глава XXIV) и само по себе невероятное: *дитя* едва ли можно возвести к праслав. *dítę*, так как все остальные слав. языки кроме русского указывают на *dětę* (стр. 196); праслав. *panostь* (опьянение) восстановлено на основании старочешск. *panost*; автор, следуя Гебауеру («Hist. mluvn.», I, 21), разлагает это слово на *pa-nostь* и отождествляет *pa* с лат. *pō* в *pōtus*, грсч. πω в πέπωκα; между тем гораздо вероятнее объяснять *panost* из *pijanostь* (ср. сербскохорв. *pijanost*); ср. изменение *prijatel'ь* в *pr'átel* (далее *přietel*, *přítel*) или *smijati sę* в *sm'áti se* (откуда *smáti se*); ср. Gebauer, Hist. mluvn., I, 100, 559; *идъ* на стр. 197 — это русская форма вм. праслав. и древнеболгарской *jидъ* и потому не представляет примера для чередования дифтонга *ōu* с *ēu*; невероятно видеть в *nevěsta* корень *sta-*, когда объяснение Миклошича, видевшего здесь корень *ved* — *vēd*, подтверждается употреблением глагола *vesti* в значении «отдавать замуж» и таким словом, как древнерусск. *водимая* (жена, наложница). Весьма интересны соображения автора в § 192, посвященном «нефонетической замене *s* звуком *ch*», но не могу согласиться с тем, что автор говорит о замене *s'* из *x* в западнослав. языках через *š*. На стр. 245 читаем: «Смягчение заднеязычных в свистящие в прасл. языке не было, однако, последовательным; в тех его говорах, из которых возникли современные зап.-слав. языки, а также зап.-русск. нар., они (особенно часто *ch*) могли изменяться иногда в шипящие». В числе примеров приводятся чешск. *češi*, *lenoši*, д. ед. *muše*, древнепольск. *strasze*, *dusze*, совр. польск. *włoszech*, а из западнорусских *грѣши* (Псалт. XVI в.), совр. белор. местн. ед. *горошѣ*. Прежде всего западнорусские данные нельзя ставить на одну доску с польскими ввиду несомненного влияния, оказанного польскими говорами на западнорусские. Оставаясь на почве западнославянских языков, убеждаемся, что изменение праслав. *s'* из *ch* в *š* является явлением, общим для всех этих языков, отражающимся не только в изменении согласных под влиянием окончаний флексий, но также в корнях слов: западнослав. *veš-*, *vš-*(*veškerý* — чешск., *wszystki*, *wszak* — польск.) имеют такое же *š*; не иначе объясняется *š* в чешск. *šerý*, польск. *szary*, восходящих к праслав. **choiros*, откуда *s'ěrъ*. Странно, что Г. А. Ильинский простому фонетическому объяснению предпочел утверждение, что наличные факты явились последствием разнообразных и случайных, между собою не согласованных причин; о корне *vьs-* см. не только стр. 246, но также 425—426.

Вторая часть рассматриваемого труда содержит Морфологию; Морфология естественно распадается на отделы: Имя, Местоимение и Глагол. Некоторые параграфы Морфологии изложены с исчерпывающей полнотой и читаются с захватывающим интересом. Так, напр., важна глава XL, содержащая указания на следы корней-основ; далее обзоры образований имен (§§ 246, 251, 254, 258, 262, 266); затем анализ окаменелых падежей (§§ 249, 256, 260, 264, 268); хорошо изложены глава LI, дающая обзор глагольных основ, и глава LVII, дающая классификацию праслав. глагола. Но особенно ценен весь отдел, посвященный местоимению, где между прочим в § 275 рассмотрены произведенные от местоименных основ наречия и союзы. Всюду видим целесообразное распределение материала, всюду ясное изложение, всюду прекрасная осведомленность. Но далеко не все объяснения и предположения автора могут быть одобрены. Слишком часто строится праславянская форма на основании не совокупности показаний всех славянских языков, а показаний отдельных языков. Так, в частности, меня не убеждает в существовании праслав. форм род. ед. *kovo*, *tovo* и т. д. ссылка на такие формы в кашубском; не решился бы я дать в праслав. парадигмах склонение *čьtogo*, *čьtomu* на основании соотв. форм в среднеболгарском (стр. 428 и 419). Совсем недопустима в праслав. контаминированная форма *tolьm'a*, восстанавливаемая автором на стр. 452. Невероятно предположить существование уже в диалектах праслав. языка («именно зап. и русс.»., прибавляет автор) *menę*, *tebę*, *sebę*; из таких форм можно бы объяснить русские *меня*, *тебя*, *себя*; чехословацкие формы, приведенные автором на стр. 403, *menia*, *tebia*, *sebia* недоказуемы; правда, известны словацкие *teb'a*, *seb'a*, но они, конечно, явились, по верному объяснению Гебауера, вместо *tebe*, *sebe* под влиянием *t'a*, *s'a* («Hist. mluvn.», III, 1, 525); *tebę* фонетически могло бы дать только *tebä*. Ограничиваюсь этими немногими указаниями на те недоумения, которые местами возбуждает исследователь, иногда чересчур смелый и неосторожный.

Сказанного о положительных сторонах рассматриваемого труда вполне достаточно для признания его выдающимся явлением в области изучения славянских языков. Этот труд подвел итоги многолетним работам многочисленных ученых, изложив их в весьма стройной системе, сумевшей обнять всю совокупность явлений фонетики и морфологии. Ввиду этого рецензент ходатайствует о присуждении проф. Г. А. Ильинскому большой премии имени гр. Д. А. Толстого.

А. Шахматов
ноябрь 1918 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. А. ПИОТРОВСКАЯ, Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ, К. А. РАЗЖИВИН

ЭНТРОПИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Изучение языка методами теории информации имеет не только прикладное, но и чисто лингвистическое значение. Определение теоретико-информационных характеристик различных языков позволило бы осуществлять количественное сравнение структуры этих языков и вместе с тем дало бы возможность подойти к точному количественному измерению и описанию различных языковых категорий.

При определении количества информации, передаваемого каждым элементом сообщения, последнее рассматривается как последовательность отдельных элементов определенного кода. В частности, языковое сообщение можно представить как цепочку букв (или фонем, слогов, слов, словосочетаний и т. д.). Появление каждой буквы рассматривается как последовательная реализация отдельных опытов. Каждый из этих опытов заключается в выборе той или иной буквы из ряда (системы) букв, появление которых было бы возможным в данном участке сообщения. Количество информации, передаваемое указанной буквой, равно по абсолютной величине той энтропии (неопределенности), которая характеризовала упомянутую систему возможных выборов и которая была снята в результате выбора определенной буквы [1].

Из вышеизложенного следует, что под термином «информация» понимается не смысловая (семантическая), но «селективная» информация (т. е. информация о системе выборов языковых элементов в данном участке текста), характеризующая в целом различные синтагматические связи внутри языкового текста [2].

Как известно, для расчета энтропии необходимо иметь полное распределение вероятностей возможных исходов этого опыта. Поэтому для вычисления энтропии того или иного дискретного участка сообщения необходимо знать вероятности появления каждого возможного в данном участке элемента кода (в нашем случае каждой буквы). Но распределение вероятностей появления этих элементов зависит, с одной стороны, от того, о каком участке сообщения идет речь. Так, например, распределение вероятностей начальных букв имеет совершенно иной вид, чем распределение вероятностей вторых, третьих и т. д. букв текста. С другой стороны, распределение вероятностей появления элементов кода на одном и том же участке значительно меняется в зависимости от того, какой элемент или комбинация элементов предшествует данному участку сообщения.

Таким образом, энтропия (информация) букв (фонем, слогов, слов и т. п.), стоящих на втором, третьем, четвертом и т. д. местах текста, выступает в качестве условной энтропии (информации), величина которой зависит от предшествующей буквы или комбинации букв (соответственно: фонем, слогов, слов и т. п.).

---

[1] Энтропия рассматривается в настоящей статье как мера степени неопределенности опыта по выбору элемента языкового кода (в нашем случае — буквы) в том или ином участке текста (ср. А. М. Яглом и И. М. Яглом, Вероятность и информация, 2-е изд., М., 1960, стр. 46—47; И. М. Яглом, Р. Л. Добрушин и А. М. Яглом, Теория информации и лингвистика, ВЯ, 1960, 1, стр. 101). Говоря о соотношении понятий энтропия и информация, нужно иметь в виду, что энтропию следует рассматривать как меру недостатка информации о действительной структуре системы. Мерой же информации является отрицательная энтропия (негэнтропия) [см. Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1960, стр. 200—213 (перевод с англ.); ср. также G. Herdan, Type-token mathematics. A textbook of mathematical linguistics, 's-Gravenhage, 1960, стр. 138 и 171—172]. В настоящей статье речь пойдет об абсолютных величинах информации и энтропии, поэтому для простоты изложения понятие негэнтропии применяться не будет, а термины «информация» и «энтропия» будут использоваться как синонимы.

[2] О недоразумениях, связанных с ложным (бытовым) пониманием кибернетического термина «информация», см. Y. Bar-Hillel, An examination of information theory, «Philosophy of science», XXII, 2, 1955, стр. 92—105.

Путем использования указанной методики получены значения энтропии буквы с учетом одной, двух (русский, болгарский и английский языки) и трех (литовский язык) предшествующих букв. Между тем эти сведения об условной энтропии второй, третьей и четвертой букв представляют собой еще не очень точное приближение к истинной энтропии (информации), приходящейся на букву в тексте, и мало интересны для языкознания. Дело в том, что статистико-синтагматические зависимости между буквами (или фонемами) текста охватывают, очевидно, не менее 8—10 соседних букв [3] (или фонем).

Однако здесь возникают новые трудности; число размещений в комбинациях из пяти, шести и т. д. букв растет так быстро, что для вычисления условной энтропии пятой, шестой и т. д. букв требуется колоссальная счетная работа, которая даже при условии использования вычислительной техники трудно выполнима. Еще больше затруднений возникает при самостоятельном вычислении условной энтропии слогов, морфем, слов, словосочетаний и т. д. [4]. Как известно, число слогов и морфем равно обычно в языке двумстам пятидесяти — тремстам единицам. В связи с этим число использующихся в языке размещений по два слога или морфемы достигает нескольких тысяч. Что же касается числа используемых размещений по два слова или словосочетания из общего числа слов и словосочетаний, то оно практически стремится к бесконечности. Поэтому приходится искать более простые, хотя, может быть, и менее точные методы, при помощи которых можно было бы определить, какое количество информации несут языковые элементы, находящиеся в различных участках текста.

Одним из таких методов является эксперимент по отгадыванию букв неизвестного текста с последующей математической обработкой его результатов. Основной предпосылкой этого метода, предложенного К. Шенноном [5], является предположение, что если испытуемый, который отгадывает текст, достаточно хорошо владеет языком, он должен наиболее рациональным образом предсказывать, исходя из предыдущего контекста, появление той или иной буквы. Вся совокупность предсказаний испытуемого рассматривается как определенная система лингвистических реакций, которая обнаруживает вероятностно-статистические связи, объективно существующие в отдельных текстах и в языке в целом.

Методика эксперимента и расчетов

В настоящем исследовании использован первый вариант эксперимента К. Шеннона. Сущность этого варианта состоит в следующем. Берется текст, неизвестный для испытуемого. Испытуемый должен восстановить этот текст, последовательно отгадывая все его буквы, начиная с первой. Пробел между словами и черточка считаются отдельной буквой, знаки препинания не учитываются. Процесс угадывания состоит в том, что испытуемый называет букву, которая, по его мнению, вероятнее всего находится в данном участке текста. После каждой попытки дается ответ «нет» или «да». При ответе «нет» испытуемый продолжает угадывать ту же букву. При ответе «да» испытуемый переходит к угадыванию следующей буквы, а экспериментатор фиксирует число попыток, понадобившихся для определения отгаданной буквы.

В методику эксперимента введено существенное дополнение. Смысл его состоит в том, что особо фиксируются достоверные продолжения или — иначе — «нули информации», т. е. такие случаи, когда с точки зрения норм литературного языка и современной орфографии появление той или иной буквы полностью определено предшествующей ей последовательностью букв или лексическим контекстом; ср., например, появление конечного *о* и идущего за ним пробела в слове *которого*. Действительно, раз выбор очередной буквы в описанном случае не вызывает никаких сомнений, то энтропия, а отсюда и количество информации, связанные с этим выбором, считаются равными нулю [6]. «Нули информации» определялись самими испытуемыми в процессе угадывания, а также выявлялись при последующей лингвистической обработке результатов эксперимента (см. ниже). В качестве экспериментального материала было использовано 116 связных текстов длиной в 100—115 букв каждый (обычно это простые распространенные или сложные предложения средней длины). Кроме того, в целях определения моделей русского слова было обработано 550 отдельных слов. Всего отгадано более 15 тысяч букв.

Избранные для эксперимента тексты принадлежат четырем жанрово-стилистическим разновидностям современного русского литературного языка:

1. Устно-разговорная речь. Здесь отгадано 33 текста, из которых 25 представляют собой запись современной устно-бытовой речи, 8 текстов взято из произведений В. Некрасова («В окопах Сталинграда»), И. Бабеля («Конармия» и

---

[3] См. С. Голдман, Теория информации, М., 1957, стр. 57 (перевод с англ.).

[4] Само собой разумеется, что предельную энтропию (см. ниже) слога, слова и других единиц текста можно определить через предельную энтропию буквы при условии, что известна средняя длина этих единиц.

[5] C. E. Shannon, Prediction and entropy of printed Englisch, «Bell system technical journal», XXX, 1, 1951, стр. 50—64.

[6] См. примечание переводчика к стр. 49 кн.: Л. Бриллюэн, указ. соч.

«Одесские рассказы»), В. Гроссмана («Весна»). По своей структуре последние 8 текстов близки к нормам современной разговорной речи.

2. Беллетристический стиль. Здесь представлено 33 текста, заимствованных из произведений Л. Толстого («Анна Каренина»), В. Некрасова («В окопах Сталинграда»), В. Гроссмана («Народ бессмертен»), а также из очерков и фельетонов, опубликованных в «Огоньке» и «Известиях» за 1960—1961 гг.

3. Деловой стиль. Использовано 33 общественно-политических и научно-специальных текста, заимствованных из статей и сообщений, помещенных в «Правде» и «Известиях» за 1960—1961 гг. а также из следующих научных и специальных работ: Б. В. Гнеденко и А. Я. Хинчин, Элементарное введение в теорию вероятностей, М., 1957; В. В. Аристовский, Гидрометрические сооружения и конструкции, Л., 1949; сб. «Вопросы статистики речи», Л., 1958; «Правила движения транспорта и пешеходов в городе Ленинграде и Ленинградской области», Л., 1958. Тематика и терминология научных и специальных текстов была знакома испытуемым.

4. Поэзия. Сюда входит 17 текстов, заимствованных из стихотворных произведений Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, Есенина, Маяковского, Михалкова, Твардовского.

В научной литературе уже указывалось, что результаты угадывания букв в значительной степени зависят от лингвистической культуры и языкового чутья испытуемого, а также от степени его внимательности и усталости. Для того чтобы устранить или по крайней мере ослабить действие этих субъективных факторов и получить результаты, наилучшим образом отражающие реальное распределение энтропии, были использованы следующие приемы.

Во-первых, был проведен специальный подбор испытуемого. К пробным экспериментам по угадыванию букв было привлечено шесть человек (три филолога, два инженера, один врач). Один испытуемый (инженер), показавший здесь лучшие результаты, был использован в рабочем эксперименте по всем текстам. Степень объективности результатов работы этого испытуемого была проверена путем последующей выборочной проверки того же материала на двух других испытуемых (филолог и инженер). Проверялись результаты угадывания 20, 40, 80 и 100-й букв по всем текстам. Отклонения в результатах контрольной проверки по сравнению с рабочим экспериментом не превышают $\pm 5\%$.

Во-вторых, все испытуемые должны были пользоваться справочно-вспомогательным аппаратом, куда входили: 1) специально составленная таблица частотности начальных букв в русских словах (см. табл. 9). Эта таблица использовалась для отгадывания первых букв слов; 2) таблица наиболее частых трехбуквенных сочетаний в русском языке [7]; а также сводная таблица «Частость (в %) следования друг за другом звуков в русской речи» [8]. Эти две таблицы использовались при отгадывании вторых (реже — третьих) букв текстов и слов; 3) ряд словарей и грамматика: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (М., 1960); «Орфографический словарь русского языка» (М., 1959); частотный словарь русского языка Иосселсона («The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard Literary Russian», Detroit, 1953); Русский словник в «Русско-румынском политехническом словаре» (М., 1953) (далее сокращенно — ПС); Алфавитный указатель ко 2-му изданию «Большой Советской Энциклопедии» (далее сокращенно БСЭ); «Словарь географических названий» М. С. Боднарского (М., 1954); «Грамматика русского литературного языка», т. I — Фонетика и Морфология (М., Изд-во АН СССР, 1952). Обычно словари использовались при угадывании третьей, четвертой и последующих букв слова.

Применение статистических таблиц и использование словарей и грамматики не только облегчает и ускоряет процесс угадывания, но и в значительной степени нивелирует отклонения в результатах эксперимента у разных испытуемых. Об этом можно судить, в частности, по результатам контрольного эксперимента, показавшего, как указывалось выше, небольшие расхождения результатов у различных испытуемых.

Наконец, после проведения опыта по угадыванию букв его результаты были подвергнуты вероятностно-лингвистической корректировке. Цель этой корректировки, проводившейся экспериментатором совместно с испытуемым при помощи указанных выше таблиц и словарей, состояла, во-первых, в том, чтобы проверить, насколько объективно определены нули информации, во-вторых, в том, чтобы выявить те достоверные продолжения, которые не были учтены в процессе угадывания, и, в-третьих, в том, чтобы устранить «лишние» попытки при угадывании отдельных букв. В тех случаях, когда экспериментатор или испытуемый сомневались в достоверности того или иного продолжения, вопрос решался путем голосования тремя языковедами-специалистами

---

[7] См. В. А. Гармаш, Н. Е. Кириллов, Д. С. Лебедев, Экспериментальное исследование статистических свойств источников сообщений, «Проблемы передачи информации», 5, М., 1960, стр. 114; см. также: В. А. Гармаш, Методика применения счетно-аналитических машин для статистического анализа сообщений, там же, 2, М., 1959, стр. 70.

[8] См. Л. Р. Зиндер, О лингвистической вероятности, сб. «Вопросы статистики речи (материалы совещания)», Л. 1958, стр. 60—61. Испытуемым неязыковедам было разъяснено, каким образом по частотности двухфонемных сочетаний можно судить о частотности двубукменных сочетаний.

по современному русскому языку (в качестве таких экспертов выступали сотрудники словарного сектора Института русского языка АН СССР). В качестве примера рассмотрим вероятностно-лингвистическую корректировку части протокола угадывания букв в беллетристическом тексте (см. табл. 1) [9].

В ходе угадывания испытуемый определил, что на буквы № 5 и № 13 падают достоверные продолжения, в связи с чем для этих букв в графе 3 были отмечены нули информации. Однако корректировка показала, что в обоих случаях имеются и другие возможные здесь продолжения. Для буквы № 5 — *МатьЕ(э)* (имена собственные, см. БСЭ), для буквы № 13 — *правильЩ(ик)* (см. ПС; ср. возможный контекст: *Мать правильщику сказала...*). Поэтому в окончательном протоколе для обоих случаев были отмечены угадывания с одной попытки. Для буквы № 23 имеющееся в тексте продолжение признано экспертами единственно возможным (наречие *правильно* требует совершенного вида глагола). Отсутствие вариантов для букв №№ 22, 25, 26, 36, 41, 47, 48, 53, 68 сомнений не вызывает, если исходить из данных указанных выше словарей, грамматики русского языка и стилистико-синтаксических норм современного литературного языка.

Проверка по словарям возможных продолжений на букве № 67, которая была угадана со второй попытки, показала, что в данном случае имеет место система из двух выборов — *литератУ-(-ра, -рный* и т. д.) и *литератО-(-р, -ра* и т. д.). Отсюда ясно, что уже после первой попытки испытуемый получил полную информацию о следующей за *т* букве (если не *у*, то *о*), вторая же попытка угадывания была избыточной. В связи с этим в протоколе вместо первоначальных двух попыток была отмечена одна. Аналогичные поправки вводились в протокол во всех случаях, когда число сделанных испытуемым попыток превышало их предельное количество, необходимое для отгадывания данной буквы.

*

После завершения вероятностно-лингвистической корректировки результаты опыта были подвергнуты статистической обработке. Чтобы избежать недоразумений, следует подчеркнуть, что в итоге указанной обработки были получены данные, характеризующие энтропию не конкретной буквы в конкретном тексте (понятие «энтропия конкретной буквы» само по себе бессмысленно, поскольку энтропия характеризует неопределенность в системе выборов, состоящей по крайней мере из двух возможных исходов), но энтропию 1, 2, 3... 100-й букв в следующих четырех выборках: 1) 100 текстов различных жанров (30 — беллетристических, 30 деловых, 25 — разговорных, 15 — поэтических); впредь эту выборку мы будем обозначать термином «язык в целом»; 2) 33 разговорных текста (разговорный стиль); 3) 33 беллетристических текста (беллетристический стиль); 4) 33 деловых текста (деловой стиль) [10].

Хотя существующие методы расчета не дают возможности точно определить то количество информации (энтропию), которое несет *n*-ая буква в исследуемой выборке текстов, они позволяют определить границы (точнее, приближения к ним) интервала, в котором заключено истинное значение энтропии данной буквы [11]. Нижняя граница этого интервала определяется по формуле:

$$\underline{H}_n = 2(p_2 - p_3) + 3(p_3 - p_4)\log_2 3 + \ldots$$
$$\ldots + (N-1)(p_{N-1} - p_N)\log_2(N-1) + Np_N \log_2 N \quad (1)$$

[12]

где $p_2, p_3, \ldots p_{N-1}, p_N$ — вероятности того, что *n*-ая буква в данной выборке будет правильно угадана испытуемым, исходя из известных ему *n*-1 предшествующих букв со 2, 3,..., (*N* — 1), N-й попыток. Для русского языка, использующего алфавит в 32 буквы, включая пробел между словами, $N \leqslant 31$.

---

[9] Был взят нижеследующий текст: «Мать правильно разглядела фальшивое лицо своего сына: он не литератор, не артист, не лектор, не журналист» («Известия» от 20 XI 1960) — 101 буква. Хотя в приводимом отрывке число достоверных продолжений меньше их среднего количества в тексте, этот отрывок интересен тем, что в нем представлены все три типа вероятностно-лингвистической корректировки.

[10] Поэтические тексты в особую выборку не выделяются, поскольку их угадывание требует особой организации эксперимента (специальный выбор испытуемого, использование словарей рифм, таблиц частот вариантов ритма для данного метра и т. п.). В нашем же опыте использовалась обычная процедура угадывания. Использование в выборке «язык в целом» небольшого числа поэтических текстов имело целью отразить этот особый вид речи. То обстоятельство, что при угадывании небольшого числа поэтических текстов здесь не применяется специальная методика, не может, как нам представляется, сколько-нибудь значительно сказаться на результатах обработки эксперимента.

[11] Энтропия первой буквы модели рассчитывается, исходя из распределения вероятностей появления букв в начале русского слова (см. табл. 9).

[12] Полное обоснование этой формулы дано К. Шенноном (см. его «Prediction...», стр. 61 и сл.).

Верхняя граница этого интервала определялась, исходя из следующих соображений. Вероятность недостоверного продолжения текста (т. е. угадывания с одной и более попыток) равна $1-p_0$. Положив, что вероятность угадывания буквы с k попыток относительно общего числа недостоверных продолжений равна $p'_k \frac{p_k}{1-p_0}$ при $k \geqslant 0$, мы получаем верхнюю границу интервала в виде

$$\overline{H}_n = (1-p_0)(-p'_1 \log_2 p'_1 - p'_2 \log_2 p'_2 - \ldots - p'_N \log_2 p'_N)^{13} \qquad (2)$$

где выражение $(-p'_1 \log_2 p'_1 - p'_2 \log_2 p'_2 - \ldots - p'_N \log_2 p'_N)$ представляет собой оценку верхнего интервала энтропии по Шеннону, а множитель $(1-p_0)$ указывает на вероятность этой оценки. Эта оценка, записанная в вероятностях p_k, имеет вид

$$\overline{H}_n = (1-p_0)\left(-\frac{p_1}{1-p_0}\log_2\frac{p_1}{1-p_0} - \frac{p_2}{1-p_0}\log_2\frac{p_2}{1-p_0} - \ldots - \frac{p_N}{1-p_0}\log_2\frac{p_N}{1-p_0}\right).$$

После преобразований она выглядит следующим образом:

$$\overline{H}_n = -p_1[\log_2 p_1 - \log_2(1-p_0)] - p_2[\log_2 p_2 - \log_2(1-p_0)] - \ldots$$
$$\ldots - p_N[\log_2 p_N - \log_2(1-p_0)] = -p_1\log_2 p_1 - p_2\log_2 p_2 - \ldots$$
$$\ldots - p_N \log_2 p_N + (p_1 + p_2 + \ldots + p_N)\log_2(1-p_0).$$

Поскольку $p_1 + p_2 + \ldots + p_N = 1 - p_0$, все выражение принимает вид:

$$\overline{H}_n = (1-p_0)\log_2(1-p_0) - p_1\log_2 p_1 - p_2\log_2 p_2 - \ldots - p_N \log_2 p_N. \qquad (3)$$

В результате использования формулы (3), учитывающей нули информации, мы получаем ощутимую выгоду. Верхние оценки энтропии уменьшаются в среднем на 0.3 дв. ед. по сравнению с оценками, полученными по формуле Шеннона, где достоверные продолжения не выделяются [14]. Это уменьшение верхних оценок, вызывая сближение верхней и нижней границ энтропии, сокращает почти вдвое ширину интервала, в котором заключено истинное значение энтропии и избыточности языка; ср. данные табл. 6 (графы №№ 3 и 4) и табл. 8 (графы №№ 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и примеч. 5).

Верхняя оценка энтропии может быть также получена исходя лишь из вероятностей достоверных продолжений и вероятностей угадываний с первой попытки. В этом случае методика проведения эксперимента значительно упрощается. Если продолжение недостоверно, испытуемый делает лишь одну попытку угадать букву. В том случае, когда его догадка неверна, экспериментатор сообщает ему правильную букву и переходит к угадыванию следующей буквы [15].

Здесь верхняя оценка энтропии ($\overline{H}''$) представляет собой сумму из двух членов. Первый член указывает на получаемую испытуемым с вероятностью $(1-p_0)$ информацию о том, что первое его угадывание правильно или неправильно. Численно эта информация равна

$$-p'_1 \log_2 p'_1 - (1-p'_1)\log_2(1-p'_1).$$

Второй член представляет собой информацию, получаемую испытуемым с вероятностью $(1-p_0-p_1)$ при сообщении ему экспериментатором правильной буквы в том случае, когда не было достоверного продолжения и первая попытка угадывания не удалась. Эта информация будет всегда меньше информации, получаемой после правильного угадывания буквы текста при условии, что испытуемому были известны две предыдущие буквы (действительно, начиная со второй буквы текста испытуемому известно по крайней мере две буквы, предшествующие угадываемой букве). Последняя информация количественно равна условной энтропии третьего порядка (H_{III}),

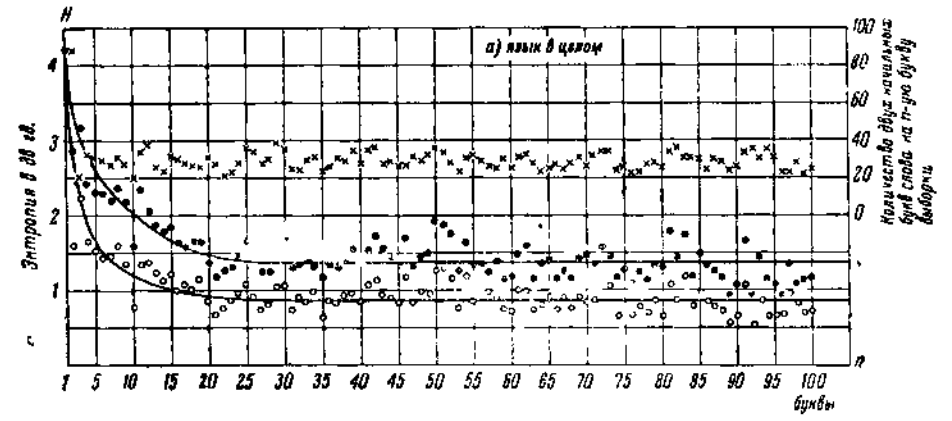
[13] Формулы (2), (3) и (5) предложены акад. А. Н. Колмогоровым, которому авторы приносят глубокую благодарность за его ценные указания, использованные при подготовке статьи к печати. Авторы пользуются случаем выразить свою искреннюю признательность Н. Д. Андрееву, Г. Г. Белоногову, И. А. Ибрагимову, В. М. Калинину и А. М. Яглому, ценные советы которых также были учтены в настоящей статье.

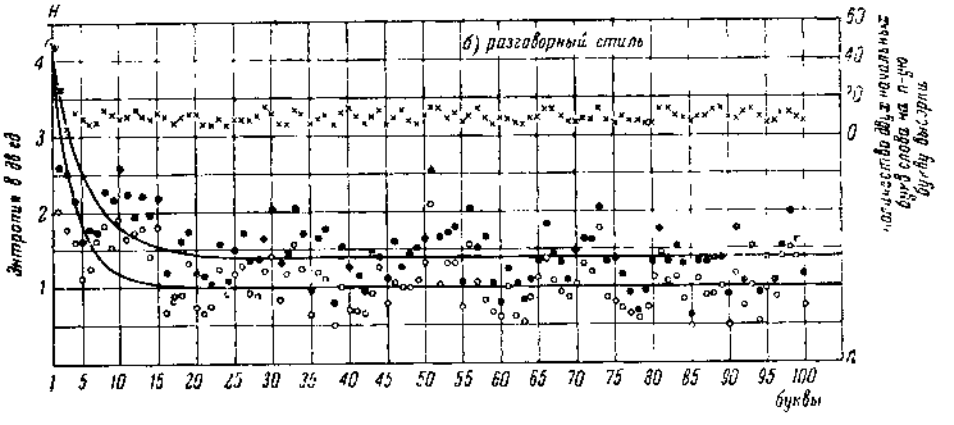
[14] В этом случае оценка верхней границы энтропии записывается в виде:

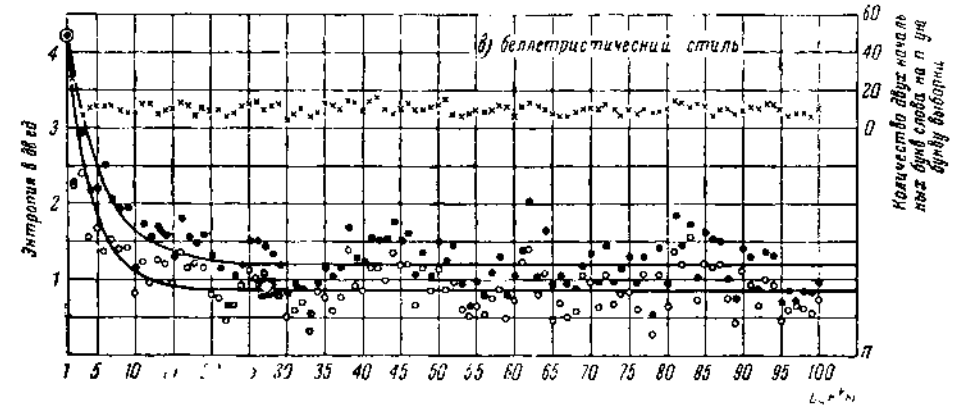
$$\overline{H}'_n = -(p_0 + p_1)\log_2(p_0 + p_1) - p_2\log_2 p_2 - \cdots - P_N \log^2 P_N \qquad (4)$$

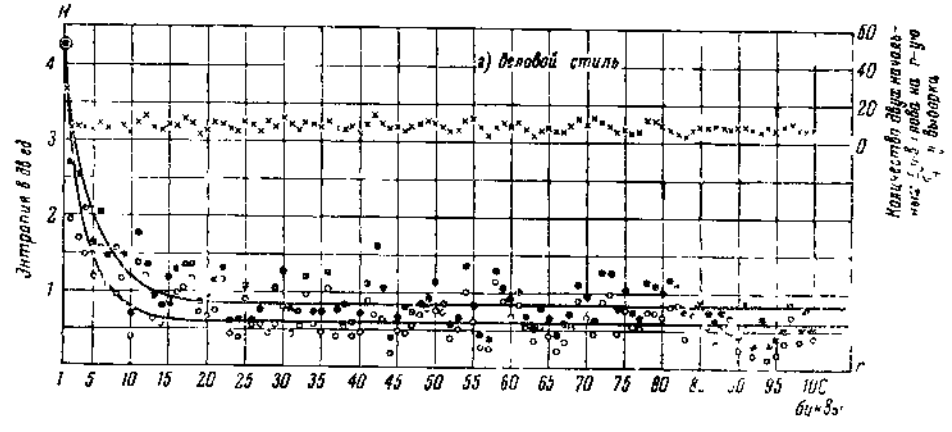
(см. C. E. Shannon, указ. соч., стр. 61).

[15] Сходный прием использовал и К. Шеннон, однако достоверные продолжения им не выделялись (см. C. E. Shannon, указ. соч., стр. 54 и сл.; ср. также H. Hausson, The entropy of the Swedish language, «Transactions of the Second Prague conference on information theory, statistical decision functions, Random processes», 1960).


а) язык в целом
Энтропия в бит
Количество двух начальных букв слова на n-ую букву выборки
буквы


б) разговорный стиль
Энтропия в бит
Количество двух начальных букв слова на n-ую букву выборки
буквы


в) беллетристический стиль
Энтропия в бит
Количество двух начальных букв слова на n-ую букву выборки


г) деловой стиль
Энтропия в бит
Количество двух начальных букв слова на n-ую букву выборки

которая для русского языка $\simeq 3.00$ дв. ед.[16]. В результате таких рассуждений мы получаем:

$$\overline{H}''_n = (1 - p_0)\,[p_1 \log_2 p'_1 - (1 - p'_1)\log_2 (1 - p'_1)] + (1 - p_0 - p_1) H_{III}. \qquad (5)$$

Нетрудно показать, что в вероятностях p_k эта оценка записывается в виде:

$$\overline{H}'' \leqq H_{III}\,(1 - p_0 - p_1) - p_1 \log_2 p_1 + (1 - p_0) \log_2 (1 - p_0) - \\ - (1 - p_0 - p_1) \log_2 (1 - p_0 - p_1). \qquad (6)$$

Сравнение данных, полученных при обработке нашего материала с помощью формул (3) и (6) (см. табл. 6, графы №№ 3 и 5), показывает, что используя формулу (6), можно получить достаточно хорошую оценку верхней границы энтропии, что в свою очередь дает возможность пользоваться для получения этой границы упрощенной системой эксперимента.

Обсуждение

Основная задача настоящего обсуждения состоит в том, чтобы определить лингвистический смысл некоторых математических величин, полученных в итоге теоретической обработки экспериментальных данных.

Будем рассматривать верхнюю и нижнюю границы энтропии в наших выборках не как последовательности дискретных значений энтропии, но как непрерывные кривые (точнее — как непрерывные функции непрерывного аргумента). Если отвлечься на время от непериодических колебаний, относя их за счет разброса, то верхняя и нижняя границы энтропии в каждой из наших моделей могут быть аппроксимированы в первом приближении теоретической показательной кривой (экспонентой) вида:

$$H_\xi^{(T)} = (H_0 - H\infty)_e^{-s\xi} + H\infty, \qquad (7)$$

где $H^{(T)}$ — верхний или нижний теоретические пределы энтропии, ξ — непрерывный аргумент функции, заменяющий дискретные величины n, H_0— энтропия алфавита русского языка, т. е. энтропия распределения вероятностей выбора одной из 32 равновероятных (в действительности они, разумеется, неравновероятны) букв русского алфавита (для русского языка H_0 равно 5 дв. ед.), e — основание натуральных логарифмов, s — специально рассчитываемый для каждой кривой контекстный коэффициент. Величина H_∞ характеризует нижний или верхний пределы, в которых заключено истинное значение энтропии языка или его стилей. По существу для каждого типа текстов мы имеем две формулы — одну для $\underline{H}_\xi$, другую — для $\overline{H}_\xi$. Значения s и H_∞, а также среднее квадратическое отклонение в распределении нижних и верхних оценок энтропии для русского языка и его стилей даны в табл. 7[17]. Для того чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся сперва найти зависимость между величинами H_n в верхних границах энтропии[18] и вероятностью достоверных продолжений (p_0). Построенные на основании данных табл. 6 при помощи метода наименьших квадратов графики (рис. 2) показывают, что во всех выборках текстов между указанными величинами существует зависимость, выражаемая двучленом первой степени вида:

$$\overline{H}_n = H_a - g p_0^{(n)}, \qquad (8)$$

Рис. 1. Распределение значений верхних и нижних значений энтропии и распределение сумм двух начальных букв слова на n-ую букву выборки. Условные обозначения: ••• — верхние оценки энтропии; ooo — нижние оценки энтропии; ××× — суммы двух начальных букв слова на n-ую букву выборки; — — теоретические показательные кривые (экспоненты), аппроксимирующие верхние и нижние границы энтропии

[16] См. В. А. Гармаш, Н. Е. Кириллов, Д. С. Лебедев, указ. соч., стр. 114.

[17] Показательная кривая $H_\xi^{(T)}$ получена на участке с 31-й по 100-ю букву при помощи метода наименьших квадратов. На участке от 1-й до 30-й буквы этот метод не дает минимализации линейных (и квадратических) отклонений. Поэтому начальная часть графика получена путем подбора с таким расчетом, чтобы сумма линейных отклонений экспериментальных точек от экспоненты стремилась к нулю.

[18] В тех случаях, когда анализируются не сами абсолютные величины энтропии, но соотношения между этими величинами у отдельных букв, расчет производится только относительно верхней границы энтропии. Закономерности, присущие верхней границе энтропии, могут быть легко перенесены в этом случае и на нижнюю границу, поскольку распределения верхних и нижних пределов энтропии изоморфны относительно друг друга.

где p_0 — вероятность достоверных продолжений для данного номера буквы, а H_a и g — постоянные величины [их численные значения, а также среднее квадратическое отклонение (σ) даны в табл. 7]. Хотя выражение (8) и выступает лишь в роли интерполяционной эмпирической формулы, оно с достаточной ясностью говорит о том, что величина энтропии буквы убывает в зависимости от роста числа случаев, когда появление n-ой буквы предопределено предшествующим рядом из $n-1$ букв, иначе говоря — предшествующим контекстом. Отсюда вытекает, что лингвистический смысл выражения (7) может быть определен следующим образом: постепенное опускание кривой по направлению к оси абсцисс (точнее, к некоторой параллельной ей прямой H_∞) отражает нарастание контекстных связей в тексте.

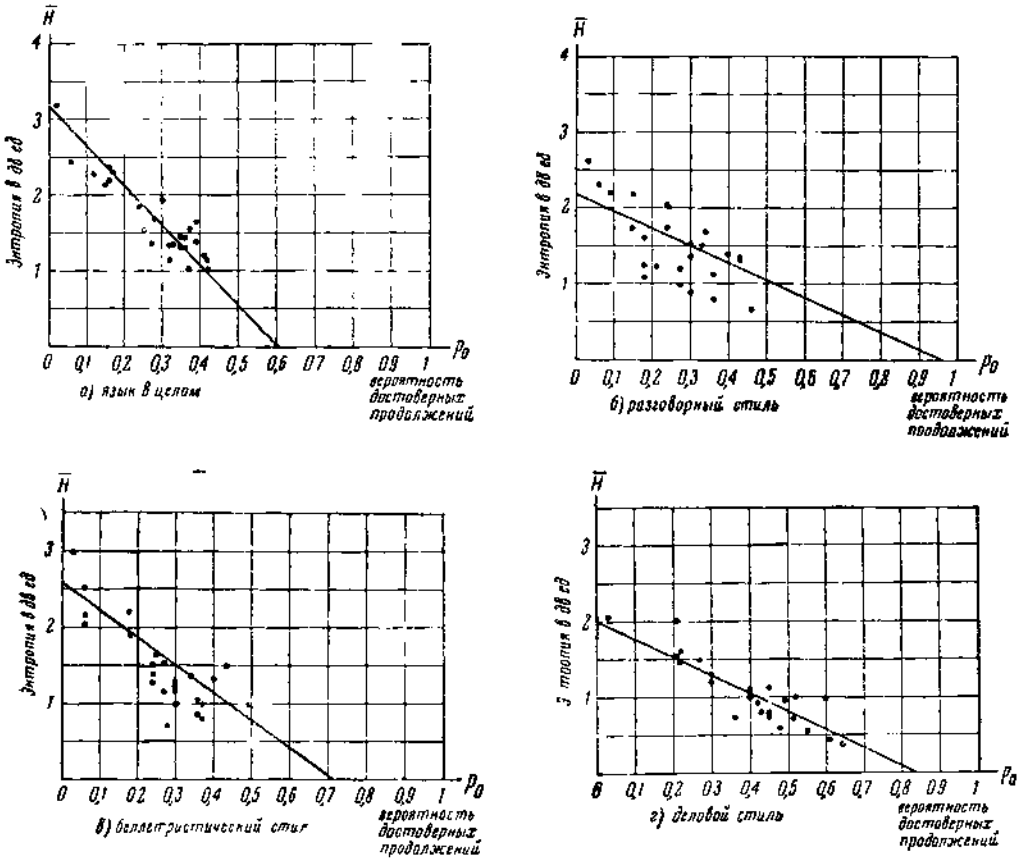


Рис. 2. Зависимость между верхней оценкой энтропии и числом достоверных продолжений (нулей информации)

В связи с этим появляется возможность дать количественную оценку лингвистическому понятию «контекстные связи». Дело в том, что контекстная обусловленность каждой буквы может быть представлена количественно в величинах энтропии и информации. Действительно, если бы в языке не существовало контекстных (вероятностных) связей, энтропия в каждом участке текста (т. е. на каждый номер буквы) равнялась бы энтропии алфавита (H_0). Таким образом, контекстную обусловленность (K_n) каждой буквы можно представить как

$$K_n = H_0 - H_n \text{ [19]}. \tag{9}$$

Заменив величину H_n в формуле (9) выражением (7), мы получим зависимость

[19] Точнее говоря, K_n будет находиться в определенном интервале, так что

$$(H_0 - \underline{H}_n) \geqslant K_n \geqslant (H_0 - \overline{H}_n).$$

Контекстные связи могут быть подвергнуты количественной оценке не только через величины энтропии, но и посредством измерения избыточности языка (см. ниже).

$K_\xi = H_0 - (H_0 - H_\infty) e^{-s\xi} - H_\infty$, которая после преобразований принимает вид:

$$K_\xi = (H_0 - H_\infty)(1 - e^{-s\xi}). \quad (10)$$

Это выражение, характеризующее степень контекстной обусловленности n-ой буквы в зависимости от n, служит показателем того, как нарастают информационные связи между единицами текста по мере удаления от его начала (график этой зависимости относительно верхних оценок энтропии для русского языка в целом и его трех стилей см. на рис. 4).

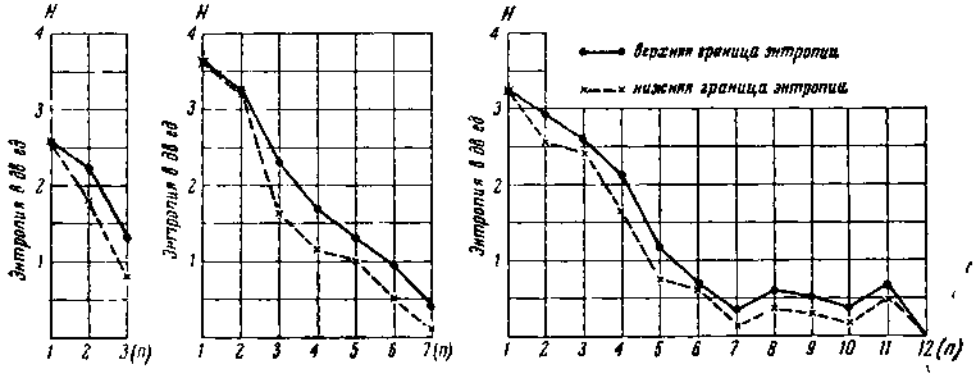


Рис. 3. Распределение энтропии в русских словах длиной в 2, 6 и 11 букв

Показателем хода зависимости K_ξ (равно, как и H_ξ) является коэффициент s. Чем больше величина s, тем скорее идет увеличение значений K_ξ (соответственно уменьшение H_ξ). Иначе говоря, коэффициент s является показателем темпа роста контекстных связей. Характерно, что наибольшую величину s дают тексты делового стиля (см. табл. 8, рис. 4), в которых, благодаря использованию большого количества устойчивых словосочетаний и ограниченного круга лексики, контекстные связи языковых единиц устанавливаются быстрее, чем в текстах других стилей.

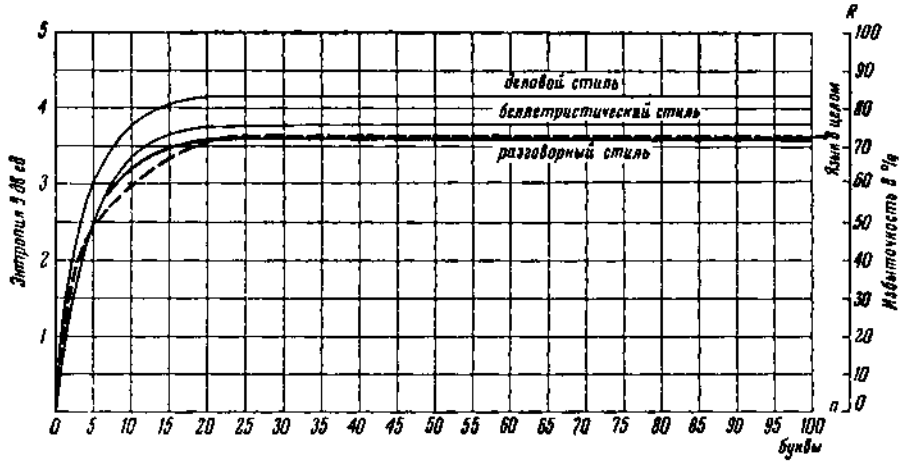


Рис. 4. Нарастание контекстных связей и избыточности

Вместе с тем следует подчеркнуть, что контекстные (информационные) связи между элементами текста имеют разную природу. Начальный ход экспоненты от H_0 до H_1 обусловлен введением статистических ограничений в употреблении первых букв слова. Затем при n порядка нескольких единиц убывание кривой обусловлено закономерностями в сочетаемости букв (фонем), слогов и отчасти морфем. Позднее вступают в действие статистические закономерности сочетания слов и грамматических форм. Наконец, при больших значениях n сюда подключаются стилистические и композиционные связи. Таким образом, коэффициенты s следует рассматривать как суммарные показатели различных парадигматических и синтагматических вероятностных связей. Эти коэффициенты по всей вероятности достаточно хорошо отражают действие буквен-

ных (фонемных), слоговых, морфемных сочетаемостей, а также сочетаемости слов. Что касается синтаксических и стилистических связей, действие которых распространяется на отрезки текста длиной в несколько десятков букв (фонем), то эти связи плохо описываются контекстным коэффициентом. Ведь для порядка 30 и более букв показатель s дает ничтожное изменение в ходе экспоненты.

Важным для языкознания измерением является энтропия языка или стиля (H_∞), представляющая собой тот постоянный теоретический предел, к которому стремится показательное распределение оценок энтропии. Энтропия языка (стиля) является общей мерой вероятностно-лингвистических связей в синтагматике (речи, тексте) данного языка (стиля). В связи с этим интересно провести сопоставление данных, характеризующих численную оценку этих измерений по разным языкам (стилям). Такое сопоставление возможно не путем прямого сравнения значений H_∞, абсолютные величины которых зависят от числа букв алфавита, использующегося в данном языке, но посредством сопоставления значений избыточности языка (R), которые, численно характеризуя синтагматические (контекстные) связи языка, практически мало зависят от числа букв алфавита. Избыточность языка (стиля) рассчитывается по формуле:

$$R = \frac{H_0 - H_\infty}{H_0}. \qquad (11)$$

Данные табл. 8 показывают, что избыточность русского языка, очевидно, близка к избыточности других языков. Однако говорить об универсальности уровня избыточности в 70—80% пока еще рано [20].

Сопоставление избыточности и энтропии стилей (ср. табл. 8 и рис. 1 и 4) показывает, что наибольшей избыточностью (соответственно: наименьшей энтропией) обладает деловой стиль. Высокая избыточность этих текстов является следствием тех лингвистических своеобразий, которые ограничивают здесь выбор языковых элементов (в нашем случае — букв). Среди этих ограничений наиболее важными являются: во-первых, использование большого количества устойчивых словосочетаний, связанных с той или иной тематикой, во-вторых, сравнительно ограниченный круг лексики, значительную часть которой образует терминология данной специальности, и, в-третьих, логическое и строго нормализованное построение предложений.

Более низкая избыточность беллетристического стиля является результатом большей по сравнению с деловой речью неопределенности в выборе языковых элементов. Хотя беллетристический стиль также использует строго нормализованный синтаксис, в нем гораздо меньше языковых штампов; вместе с тем он использует большое количество неожиданных словосоединений (ср. метафоры и другие «фигуры стиля»), а круг лексики здесь гораздо шире, чем это имеет место в деловой речи [21].

На первый взгляд кажется странным, что устно-разговорная речь имеет самую низкую избыточность (соответственно: самую высокую энтропию). Ведь устно-разговорная речь использует большое количество разговорных штампов, а словарь ее довольно ограничен. Однако нельзя забывать, что отсутствие строгой нормализации как во фразеологии, так и в синтаксисе значительно увеличивает здесь свободу выбора языковых элементов [22].

Итак, опыт по угадыванию букв и теоретическая обработка его результатов предоставляют еще одну возможность производить количественные измерения стилистических категорий. Эти измерения производятся в единицах энтропии и избыточности.

Обратимся теперь к анализу колебаний в распределении энтропии, которые мы относили до сих пор за счет значительного разброса (ср. высокие значения квадратического отклонения, особенно для разговорного стиля— см. табл. 8). Этот анализ будет проведен только относительно верхней границы энтропии, поскольку колебания нижней границы изоморфны колебаниям верхнего предела. Распределение энтропии в каждой выборке следует рассматривать как последовательное, но не равномерное чередование максимумов и минимумов энтропии. Каково происхождение этих чередований?

Уже в ходе самого эксперимента стало ясно, что наибольшее количество усилий испытуемый затрачивает на угадывание первой и отчасти второй букв слова [23]. Отсюда можно предположить, что начало письменного слова содержит больше неопределен-

---

[20] Э. Ньюмен и Н. Во, рассчитавшие энтропию английского, русского и самоанского языков по методу Ньюмена — Герстмана, показали, что избыточность языков несколько меняется в зависимости от числа букв, входящих в алфавит данного языка. См. E. B. Newman and N. C. Waugh, The redundancy of texts in three languages, «Information and control», III, 2, 1960, стр. 141—153.

[21] Ср. В. П. Вомперский, О некоторых стилистических признаках информационных материалов, «Вестник МГУ», Серия VII. Филология, журналистика, 1960, 6, стр. 30—35.

[22] Аналогичное соотношение стилей с точки зрения величин избыточности и энтропии дает и румынский язык. Эксперимент по угадыванию букв в румынских текстах проведен в подготавливаемой Р. Г. Пиотровским и Л. А. Новак работе, посвященной теоретико-информационным измерениям румынского языка.

[23] D. H. Carson, Letter constraints within words in printed English, „Kybernetik", I, 1, 1961, стр. 46—54.

ности в выборах, чем его середина и конец, не говоря уже о пробеле между словами. Чтобы проверить, насколько правильно такое предположение, с основным испытуемым был проведен новый эксперимент по отгадыванию букв в 550 отдельно взятых словоформах длиной от 2 до 15 букв (включая пробел). В итоге обработки при помощи описанной выше методики опытных данных были получены распределения энтропии в словах различной длины. Как видно из этих распределений (см. рис. 3), наиболее высокую энтропию показывают начальные буквы слова.

Можно предположить, что появление максимумов на кривой распределения энтропии есть результат кумуляции начал слов на соответствующем номере буквы в данной выборке текстов. Наоборот, появление минимумов связано с уменьшением количества начальных букв на порядковом номере буквы. Графическое сопоставление хода распределений энтропии, с одной стороны, и колебаний в распределениях сумм первых и вторых букв слов на номере буквы, с другой (см. рис. 1), подтверждает такое предположение. Максимумам на распределениях энтропии соответствует чаще всего повышение, а минимумам — понижение числа начал слов.

Волнообразное (импульсное) распределение энтропии в конкретном тексте характерно не только для русского письменного языка, но прослеживается в печатных текстах других языков, например английского, шведского [24], румынского [25] и, возможно, французского [26]. Это связано, очевидно, с тем, что как устная, так и письменная речь воспринимается нашими органами чувств и перерабатывается соответствующими центрами мозга не непрерывно, но путем периодической отдачи накопленных квантов информации [27].

Вопрос о квантовом распределении энтропии в языковом тексте, с одной стороны, тесно связан с проблемами скорости передачи сообщений по техническим линиям связи и в живом организме. С другой стороны, этот вопрос имеет и теоретико-лингвистический аспект, касающийся членения текста и выделения лингвистических единиц. Так, например, максимумы и минимумы энтропии могут рассматриваться в качестве объективных указаний на границы словосочетаний, слов, морфем и даже слогов.

Вычисление энтропии и определение характера ее распределения в тексте, а также математическое исследование этого распределения при помощи различных методов имеет большие лингвистические перспективы. Этим путем можно получать количественные характеристики как различных лингвистических объектов и связей внутри конкретных текстов, так и моделей текстов, характеризующих язык в целом.

Накопление таких данных по языкам, стилям и историческим состояниям отдельных языков не только дало бы возможность получить количественные характеристики структуры слога, морфемы, слова, словосочетания и предложения в отдельных языках и в языке в целом. Оно позволило бы подойти к объективному разрешению таких общетеоретических вопросов, как причинность языковых изменений и прогресс в языке.

---

[24] Ср. C. E. Shannon, указ. соч., стр. 17; H. Hansson, указ. соч., стр. 216.

[25] Данные о румынском печатном тексте заимствованы из подготавливаемой Р. Г. Пиотровским и Л. А. Новак работы (см. выше).

[26] См. данные эксперимента по отгадыванию слов, приведенные в работе: P. Oléron, Pour une étude psychologique de la redondance, «Journ. de psychologie normale et pathologique», LV, 3, 1958, стр. 324—329.

[27] См.: E. T. Klemmer, Tables for computing of informational measures, сб. «Information theory in psychology», Illinois, 1955, стр. 78 и сл.; H. Quastler, Approximate estimation of information measures, там же, стр. 124—139; H. Jacobson, The informational capacity of the human eye, «Science», CXIII, 2933, 1951, стр. 292—293; его же, Information and the human ear, «Journ. of the Acoustical society of America», XXIII, 4, 1951, стр. 463—471; K. Küpfmüller, Regelungsvorgänge beim Sprechen und Hören, „Proceedings of III International congress of acoustics (Stuttgart, 1959)", I, Amsterdam—London—New York—Princeton, 1962, стр. 171—187.

Таблица 1

Образец протокола эксперимента по угадыванию букв с последующей вероятностно-лингвистической корректировкой

1	Порядковые № № букв	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2	Текст	*м*	*а*	*т*	*ь*		*п*	*р*	*а*	*в*	*и*	*л*	*ь*	*н*	*о*		*р*	*а*
3	Результаты угадывания в количестве попыток	8	5	10	4	0	1	1	4	1	2	1	1	0	1	1	16	2
4	То же после корректировки	8	5	10	4	1	1	1	4	1	2	1	1	1	1	1	16	2
1	Порядковые № № букв	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
2	Текст	*в*	*г*	*л*	*я*	*д*	*е*	*л*	*а*		*ф*	*а*	*л*	*ь*	*ш*	*и*	*в*	*о*
3	Результаты угадывания в количестве попыток	2	3	3	1	0	1	1	0	0	15	1	1	1	1	1	1	2
4	То же после корректировки	2	3	3	1	0	0	1	0	0	15	1	1	1	1	1	1	2
1	Порядковые № № букв	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51
2	Текст	*е*		*л*	*и*	*ц*	*о*		*с*	*в*	*о*	*е*	*г*	*о*		*с*	*ы*	*н*
3	Результаты угадывания в количестве попыток	3	0	23	1	1	1	0	4	9	1	1	1	0	0	1	1	1
4	То же после корректировки	3	0	23	1	1	1	0	4	9	1	1	1	0	0	1	1	1
1	Порядковые № № букв	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68
2	Текст	*а*		*о*	*п*		*н*	*е*		*л*	*и*	*т*	*е*	*р*	*а*	*т*	*о*	*р*
3	Результаты угадывания в количестве попыток	1	0	5	1	1	2	1	1	23	5	3	1	1	1	1	2	0
4	То же после корректировки	1	0	5	1	1	2	1	1	23	5	3	1	1	1	1	1	0

Таблица 2

Распределение энтропии в русском стобуквенном тексте (язык в целом)

№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв. (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$
1	4.22	4.22	26	0.92	1.57	51	1.29	1.91	76	0.66	1.11
2	1.60	2.86	27	0.74	1.23	52	1.16	1.79	77	0.79	1.23
3	2.24	3.18	28	0.79	1.24	53	0.76	1.24	78	0.69	1.16
4	1.64	2.42	29	1.02	1.65	54	1.16	1.61	79	0.87	1.36
5	1.50	2.29	30	1.05	1.70	55	0.84	1.36	80	0.63	1.32
6	1.42	2.27	31	0.72	1.33	56	0.88	1.38	81	1.07	1.81
7	1.48	2.18	32	0.90	1.37	57	0.94	1.30	82	0.85	1.49
8	1.59	2.37	33	0.84	1.39	58	0.90	1.47	83	1.18	1.77
9	1.36	2.14	34	0.98	1.36	59	0.73	1.17	84	0.77	1.18
10	0.70	1.56	35	0.61	1.14	60	0.72	1.20	85	0.97	1.51
11	1.36	2.35	36	0.85	1.37	61	1.00	1.50	86	0.85	1.37
12	1.39	2.07	37	0.83	1.32	62	0.97	1.60	87	0.79	1.27
13	1.24	1.88	38	0.90	1.41	63	0.74	1.18	88	0.73	1.23
14	1.14	1.82	39	0.96	1.53	64	0.80	1.39	89	0.57	0.94
15	1.23	1.86	40	0.86	1.49	65	0.90	1.41	90	0.64	1.02
16	1.00	1.63	41	1.04	1.52	66	0.72	1.19	91	1.09	1.66
17	1.05	1.57	42	1.13	1.74	67	0.88	1.28	92	0.54	0.99
18	0.98	1.62	43	0.93	1.54	68	0.76	1.16	93	0.86	1.43
19	1.14	1.62	44	0.91	1.45	69	0.91	1.44	94	0.65	1.16
20	0.84	1.37	45	0.84	1.36	70	0.86	1.47	95	0.65	1.11
21	0.64	1.18	46	1.17	1.70	71	0.88	1.40	96	0.67	1.00
22	0.72	1.26	47	0.82	1.35	72	1.04	1.61	97	0.94	1.37
23	0.85	1.32	48	0.97	1.48	73	1.05	1.59	98	0.81	1.10
24	0.95	1.45	49	0.98	1.50	74	0.64	1.20	99	0.70	1.14
25	1.08	1.67	50	1.28	1.94	75	0.90	1.31	100	0.71	1.15

Таблица 3

Распределение энтропии в русском стобуквенном тексте (разговорный стиль)

№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$
1	4.22	4.22	26	1.28	1.75	51	2.09	2.55	76	0.74	1.19
2	2.07	2.63	27	0.96	1.37	52	1.06	1.68	77	0.67	0.95
3	1.80	2.50	28	0.92	1.41	53	1.36	1.72	78	0.60	0.69
4	1.62	2.14	29	1.23	1.69	54	1.31	1.79	79	0.75	0.98
5	1.12	1.61	30	1.45	2.06	55	0.75	1.08	80	1.14	1.36
6	1.29	1.76	31	0.83	1.31	56	1.58	2.09	81	1.47	1.79
7	1.62	1.75	32	1.19	1.46	57	1.19	1.51	82	1.09	1.37
8	1.83	2.31	33	1.59	2.09	58	0.86	1.69	83	1.14	1.58
9	1.56	2.21	34	1.25	1.72	59	0.72	1.08	84	0.84	1.31
10	1.92	2.63	35	0.65	0.99	60	0.65	0.81	85	0.50	0.67
11	1.64	2.25	36	1.23	1.68	61	1.03	1.29	86	1.16	1.37
12	1.76	1.99	37	1.17	1.80	62	0.64	1.09	87	0.90	1.35
13	1.79	2.23	38	0.50	0.80	63	0.56	0.83	88	0.92	1.36
14	1.43	1.95	39	1.02	1.56	64	0.91	1.13	89	1.03	1.38
15	1.84	2.20	40	0.71	1.27	65	1.14	1.36	90	0.52	0.91
16	0.72	1.20	41	0.70	1.15	66	1.41	1.85	91	1.21	1.80
17	0.85	0.88	42	0.68	0.97	67	1.10	1.45	92	0.78	1.10
18	0.91	1.65	43	0.93	1.45	68	0.93	1.34	93	1.06	1.53
19	1.34	1.76	44	1.28	1.42	69	0.83	1.10	94	0.56	0.93
20	0.75	1.24	45	0.79	1.12	70	1.06	1.51	95	0.97	1.40
21	0.69	1.19	46	1.06	1.61	71	1.33	1.67	96	0.88	1.11
22	0.75	1.09	47	1.04	1.29	72	1.21	1.64	97	1.41	1.54
23	1.27	1.61	48	1.04	1.46	73	1.81	2.11	98	1.51	2.00
24	0.93	1.10	49	1.11	1.51	74	0.88	1.33	99	1.39	1.61
25	1.21	1.51	50	1.37	1.68	75	0.83	1.38	100	0.75	1.19

Таблица 4

Распределение энтропии в русском стобуквенном тексте (беллетристический стиль)

№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$
1	4.22	4.22	26	1.05	1.53	51	0.84	1.23	76	0.62	0.99
2	2.26	2.26	27	1.09	1.48	52	0.97	1.48	77	1.09	1.33
3	2.42	2.99	28	0.86	1.34	53	0.60	0.91	78	0.29	0.51
4	1.54	2.17	29	0.80	1.24	54	0.52	0.63	79	1.07	1.42
5	1.66	2.21	30	0.50	0.81	55	0.64	0.98	80	0.65	0.97
6	1.36	2.51	31	0.59	0.97	56	0.57	0.78	81	1.38	1.83
7	1.52	2.03	32	0.69	0.93	57	0.80	1.13	82	1.20	1.45
8	1.41	1.92	33	0.30	0.54	58	0.89	1.34	83	1.58	1.72
9	1.41	1.96	34	0.84	0.93	59	0.51	0.78	84	0.77	1.03
10	0.81	1.16	35	0.76	1.18	60	0.75	1.05	85	1.21	1.64
11	1.23	1.74	36	0.59	1.06	61	1.22	1.39	86	1.21	1.63
12	0.97	1.57	37	0.77	1.16	62	1.43	2.04	87	1.27	1.62
13	1.26	1.72	38	1.42	1.71	63	0.80	1.03	88	0.79	1.01
14	1.20	1.64	39	0.92	1.31	64	1.11	1.65	89	0.46	0.73
15	0.97	1.29	40	0.85	1.25	65	0.48	0.87	90	1.12	1.42
16	1.36	1.83	41	1.16	1.58	66	0.69	1.05	91	0.95	1.33
17	1.17	1.59	42	1.17	1.51	67	0.50	0.92	92	0.65	0.87
18	1.20	1.79	43	0.99	1.53	68	0.58	0.91	93	1.02	1.38
19	1.17	1.60	44	1.35	1.81	69	1.04	1.16	94	0.95	1.32
20	0.80	1.37	45	1.21	1.52	70	0.95	1.33	95	0.49	0.71
21	0.76	1.15	46	1.19	1.60	71	0.63	0.98	96	0.63	0.82
22	0.44	0.69	47	0.65	1.04	72	1.07	1.42	97	0.68	0.74
23	0.66	1.05	48	1.16	1.34	73	0.64	0.97	98	0.64	0.86
24	0.96	1.22	49	0.86	1.01	74	0.82	1.13	99	0.60	0.82
25	1.11	1.50	50	1.13	1.51	75	0.86	1.28	100	0.75	0.99

Таблица 5

Распределение энтропии в русском стобуквенном тексте (деловой стиль)

№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$	№№ букв (n)	$\underline{H}_n$	$\overline{H}_n$
1	4.22	4.22	26	0.54	0.56	51	0.73	0.77	76	0.57	0.81
2	1.93	2.69	27	0.57	0.70	52	0.40	0.59	77	0.56	0.75
3	1.65	2.52	28	0.46	0.49	53	0.52	0.64	78	0.76	1.18
4	1.47	2.06	29	0.57	1.01	54	1.00	1.34	79	0.75	1.12
5	1.17	1.61	30	0.81	1.31	55	0.62	0.82	80	0.69	1.09
6	1.55	2.01	31	0.44	0.79	56	0.25	0.45	81	0.85	1.17
7	1.04	1.48	32	0.50	0.73	57	0.25	0.40	82	0.86	1.11
8	0.94	1.55	33	0.98	1.22	58	1.15	1.28	83	0.41	0.84
9	1.14	1.47	34	0.59	0.75	59	0.90	1.06	84	0.78	0.82
10	0.38	0.71	35	0.48	0.75	60	0.71	0.94	85	0.80	0.99
11	1.36	1.83	36	1.05	1.26	61	0.87	1.00	86	0.61	0.86
12	1.20	1.36	37	0.45	0.76	62	0.55	0.74	87	0.37	0.64
13	0.61	0.93	38	0.56	0.85	63	0.37	0.52	88	0.62	0.88
14	0.57	0.87	39	0.42	0.60	64	0.54	0.88	89	0.53	0.70
15	0.83	1.19	40	0.47	0.72	65	0.42	0.77	90	0.30	0.45
16	0.99	1.25	41	0.88	1.15	66	0.24	0.47	91	0.56	0.93
17	1.04	1.33	42	0.71	1.61	67	0.36	0.60	92	0.22	0.29
18	1.13	1.34	43	0.64	1.02	68	0.52	0.73	93	0.46	0.67
19	0.71	0.86	44	0.20	0.43	69	0.93	1.14	94	0.17	0.31
20	0.64	0.92	45	0.50	0.50	70	0.69	0.98	95	0.20	0.37
21	0.74	1.12	46	0.46	0.80	71	0.48	0.69	96	0.38	0.51
22	1.18	1.25	47	0.53	0.74	72	0.91	1.32	97	0.71	0.92
23	0.41	0.51	48	0.70	0.78	73	1.00	1.30	98	0.41	0.54
24	0.40	0.63	49	0.78	0.91	74	0.49	0.82	99	0.51	0.81
25	0.90	1.00	50	0.78	1.11	75	0.77	1.01	100	0.45	0.56

Таблица 6

Вероятности «нулей информации» и верхние границы энтропии в русском стобуквенном тексте

№№ букв	Язык в целом				Разговорный стиль		Беллетристич. стиль		Деловой стиль	
	p_0	$\overline{H}_n$	$\overline{H}'_n$	$\overline{H}''_n$	p_0	$\overline{H}_n$	p_0	$\overline{H}_n$	p_0	$\overline{H}_n$
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3	0.02	3.18	3.23	2.70	0	2.50	0.03	2.99	0	2.52
4	0.06	2.42	2.47	2.42	0	2.14	0.06	2.17	0.03	2.06
5	0.17	2.29	2.46	2.20	0.18	1.61	0.18	2.21	0.22	1.61
6	0.12	2.27	2.41	2.30	—		—		—	
7	0.16	2.18	2.34	2.25	—		—		—	
8	0.16	2.37	2.53	2.28	—		—		—	
9	0.15	2.14	2.27	2.11	—		—		—	
10	0.25	1.56	1.74	1.76	0.03	2.63	0.27	1.16	0.36	0.71
15	0.23	1.86	2.04	1.88	0.15	2.20	0.30	1.29	0.30	1.19
20	0.27	1.37	1.50	1.35	0.21	1.24	0.24	1.37	0.42	0.92
25	0.39	1.67	1.96	1.57	0.33	1.51	0.43	1.50	0.52	1.00
30	0.28	1.70	1.87	1.61	0.24	2.06	0.37	0.81	0.30	1.31
35	0.32	1.14	1.28	1.24	0·27	0.99	0.30	1.18	0.45	0.75
40	0.35	1.49	1.61	1.42	0.18	1.27	0.30	1.25	0.51	0.72
45	0.33	1.36	1.62	1.31	0.36	1.12	0.27	1.52	0.48	0.59
50	0.30	1.94	2.18	1.81	0.34	1.68	0.24	1.51	0.45	1.11
55	0.32	1.36	1.50	1.28	0.18	1.08	0.30	0.98	0.43	0.82
60	0.41	1.20	1.37	1.15	0.36	0.81	0.36	1.05	0.49	0.94
65	0.39	1.41	1.63	1.35	0.43	1.36	0.36	0.87	0.45	0.77
70	0.36	1.47	1.66	1.37	0.30	1.51	0.40	1.33	0.40	0.98
75	0.35	1.31	1.60	1.48	0.30	1.38	0.24	1.28	0.40	1.01
80	0.36	1.32	1.52	1.40	0.43	1.36	0.37	0.97	0.40	1.09
85	0.37	1.51	1.73	1.43	0.46	0.67	0.25	1.64	0.60	0.99
90	0.43	1.02	1.23	1.21	0.30	0.91	0.34	1.42	0.61	0.45
95	0.47	1.11	1.26	1.19	0.40	1.40	0.28	0.71	0.64	0.37
100	0.43	1.15	1.36	1.72	0.27	1.19	0.49	0.99	0.55	0.56
Средняя величина энтропии на букву в данной выборке букв		1.68	1.97	1.68						

Таблица 7

Коэффициенты H_a, g и среднее квадратическое отклонение (σ) в различных выборках текстов

	H_a	g	σ
Язык в целом	3.15	5.25	0.206
Разговорный стиль	2.17	2.26	0.362
Беллетристический стиль	2.62	3.72	0.356
Деловой стиль	2.02	2.40	0.197

Таблица 8

Энтропия, контекстные коэффициенты, избыточность русского языка и его стилей. Среднее квадратическое отклонение в распределении оценок энтропии. Данные об избыточности английского, немецкого и румынского языков

	Русский язык — собственные данные								Избыточность языков и стилей (в %) по данным разных исследователей					
	энтропия в дв. ед.		контекстн. коэфф. (s)		среднее квадратическое отклонение (σ)		избыточность в % (R)		русский язык		английский язык		немецкий язык	румынский язык
	нижн. гр.	верхн. гр.	нижн. гр.	верхн. гр.	нижн. гр.	верхн. гр.	нижн. гр.	верхн. гр.	нижн. гр.	верхн. гр.	нижн. гр.	верхн. гр.		
1	2	3	4	5	a	b	6	7	8	9	10	11	12	13
Язык в целом	0.87	1.37	0.31	0.19	0.198	0.235	72.1	82.6			70[1] / 67[2]	81[1] / 80[2]	66[3]	72[4]
Разговорный стиль	1.0	1.40	0.31	0.22	0.401	0.450	72.0	79.6						
Беллетристич. стиль	0.87	1.19	0.29	0.21	0.237	0.282	76.3	82.6	64—66[5]	82[5]				
Деловой стиль	0.59	0.83	0.32	0.24	0.212	0.288	83.4	88.1	71.6[6]		95[7]	96[7]		

[1] C. E. Shannon, указ. соч., стр. 58—64.
[2] N. G. Burton, J. C. K. Licklider, Long-range constraints in statistical structure of printed English, «American Journ. of. psychology», LXVIII, 4, 1955, стр. 652—653.
[3] K. Küpfmüller, Die Entropie der deutschen Sprache, «Fernmeldetechnische Zeitschrift», VII, 6, 1954, стр. 270.
[4] Ed. Nicolau, C. Sala şi Al. Roceric, Observaţii asupra entropiei limbii romîne, «Studii şi cercetări lingvistice», X, 1, 1959, стр. 51.
[5] Согласно информации акад. А. Н. Колмогорова, А. П. Савчук (МГУ), используя первый вариант эксперимента К. Шеннона, получила по текстам из классической русской прозы следующие данные о границах интервала, в котором заключена энтропия: нижняя граница — около 0.9 дв. ед., верхняя около 1.7—1.8 дв ед. См также доклад А. П. Савчук «Экспериментальное определение энтропии русского языка» («Научн. совещание, посвященное применению математич. методов в изучении языка художественных произведений», Горький, 1961).
[6] Г. Г. Белоногов, В. И. Григорьев, Р. Г. Котов, Автоматическое лексическое кодирование сообщений, ВЯ, 1960, 5, соч., стр. 109. Величина избыточности в деловых текстах русского языка, так же как и немецкого, получена из статистического спектра словоформ. Поскольку при таком расчете не учитываются синтаксические ограничения в сочетаемости слов, полученные величины здесь, очевидно, ниже истинных значений избыточности в соответствующих языках и стилях.
[7] B. L. Fritz, G. W. Grier, Pragmatic communication, сб. «Information theory in psychology», стр. 245—251; F. C. Frick, W. H. Sumby, Control tower language, «Journ. of the Acoustical society of America», XXIV, 6, 1952, стр. 595—596. Речь идет об избыточности устных деловых текстов очень специальной тематики (переговоры между пилотом самолета, идущего на посадку, и диспетчером аэропорта).

Таблица 9

Распределение вероятностей первых букв русского слова

№№ пп	Буква	p	№№ пп	Буква	p	№№ пп	Буква	p
1	*п*	0.208	11	*я*	0.035	21	*э*	0.014
2	*н*	0.085	12	*з*	0.032	22	*е*	0.014
3	*и*	0.070	13	*т*	0.031	23	*л*	0.012
4	*с*	0.064	14	*ш*	0.030	24	*х*	0.010
5	*о*	0.052	15	*ф*	0.029	25	*ц*	0.008
6	*в*	0.051	16	*р*	0.021	26	*ж*	0.007
7	*к*	0.040	17	*б*	0.020	27	*щ*	0.003
8	*м*	0.038	18	*у*	0.020	28	*ю*	0.002
9	*д*	0.037	19	*г*	0.016	29	*й*	0.001
10	*а*	0.036	20	*ч*	0.015			

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Martinet. **Eléments de linguistique générale.** — Paris, 1960. 224 стр. («Collection A. Colin», Section de littérature, 349).

О лингвистической позиции А. Мартине у нас уже писали[1]. Следует лишь добавить, что методика, разрабатываемая Мартине, как и вообще методика структуральных исследований, фактически представляет собой повторение (разумеется, во многих случаях неосознанное) того, что несколько десятилетий тому назад было достигнуто отечественной наукой[2]. Сказанное действительно также и по отношению к диахроническим исследованиям: достаточно сказать, что все основные положения А. Мартине, принятые им в работах по диахронной фонологии (в частности, в главе шестой рецензируемой книги), уже содержались в развернутом виде в трудах Е. Д. Поливанова[3].

Рецензируемая книга состоит из небольшого предисловия и шести глав, разделенных на параграфы, подчас содержащие всего по нескольку строк[4]. В конце книги приводится избранная аннотированная библиография (стр. 218—220), рассчитанная прежде всего на французского читателя. Никаких библиографических ссылок в тексте книги нет. Заключает книгу довольно подробный предметный указатель (стр. 221—223), где, впрочем, отсутствует ряд используемых в книге терминов (полностью отсутствуют статьи по синтагме, не упомянута предикативная монема и т. п.).

В предисловии автор подчеркивает, что излагаемые им принципы и методы отличаются от ряда существующих «большим реализмом и меньшим формализмом и априоризмом». Рассматривая свою книгу как учебное пособие по общей лингвистике, автор включает в нее главы, весьма различные по степени оригинальности изложения, что объясняется, по его словам, не-

---

[1] См. вступительную статью В. А. Звегинцева к кн.: А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, I, М., 1960, стр. 5—23, особенно стр. 8—14.

[2] Зародившееся в России в начале XX в. структурное направление отечественной лингвистики проникло в западную науку и через много лет вернулось к нам уже в новом обличье: в виде новейшего достижения западной лингвистической мысли. А между тем остается фактом, что ученые, сотрудничавшие в Обществе по изучению теории поэтического языка (Опояз) (1914—1923 гг.) и Московском лингвистическом кружке, первыми разработали структурные методы лингвистических исследований и успешно этими методами пользовались (см.: Вяч. В. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, ВЯ, 1957, 3, стр. 64; его же, Теория фонологических различительных признаков, сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 143). Не случайно первыми проводниками структурализма на западе были бывшие члены Опояза (см. В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях, II, М., 1960, стр. 226). Интенсивная разработка структурной методики в советском языкознании проводилась учеными, вошедшими в московскую лингвистическую школу.

[3] Основываясь на некоторых идеях И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанов разработал теорию языковой экономии, определив принцип «минимальной траты» как основу речевой деятельности и, в конечном итоге, языковой эволюции (Е. Д. Поливанов, Введение в языкознание для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 1; его же, За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей, М., 1931, стр. 44 и сл.). Е. Д. Поливанов первым обосновал теорию эволюции фонологических систем, описав, в частности, процесс, названный позднее А. Мартине «цепной реакцией» (ср. яркие примеры из работ Поливанова, собранные Вяч. В. Ивановым в его указанной выше статье, стр. 60). Е. Д. Поливанов различал два вида звуковых изменений, затрагивающих или не затрагивающих фонологическую систему (Е. Д. Поливанов, Фонетические конвергенции, ВЯ, 1951, 3, стр. 77); он уделял исключительное внимание вопросам лингвостатистики, предвосхитив целый ряд положений не только структурной, но и математической лингвистики.

[4] В дальнейшем ссылки будут делаться именно на эти параграфы, что позволит читателю сопоставлять те или иные положения, отмечаемые в настоящей рецензии, не только с оригиналом, но и с русским переводом книги А. Мартине, выходящем в сб. «Новое в лингвистике» (III, М., [в печати]).

обходимостью дать стройный метод описания, охватывающий все языковые явления и, добавим, основанный на принципе изоморфизма лингвистических категорий.

В первых двух главах даются определения основных языковых понятий и излагаются общие принципы описания языков. Язык определяется здесь как орудие общения, посредством которого человеческий опыт подвергается специфическому для данной языковой общности членению: получаемые единицы наделены смысловым содержанием и звуковым выражением и называются монемами[5]; звуковое выражение членится, в свою очередь, на последовательные различительные единицы — фонемы, число которых определимо для каждого языка, причем их природа и взаимоотношения варьируются от языка к языку (1—14).

Положение о том, что каждому языку свойственно особое членение (1—12), в принципе соответствующее известной концепции Гумбольдта, приводит Мартине к отрицанию типологии языковых систем (не случайно в книге Мартине отсутствуют разделы, посвященные синхронной типологии, хотя его исследования по диахронии могут служить хорошим примером типологического анализа). Выступая против упрощенного понимания языков как собраний «ярлыков» [«изучить чужой язык не значит привесить новые ярлыки к знакомым объектам» (1—6)], Мартине, однако, впадает в крайность, фактически отрицая способность человеческого мышления адекватно отражать действительность, существующую вне человеческого сознания. Представление Мартине о крайнем своеобразии первого членения в каждом отдельном языке опровергается, в частности, результатами исследований по машинному переводу.

Автор верно отмечает, что двойное членение и вытекающий из него принцип языковой экономии отвечают физиологическим возможностям человека и гарантируют сохранение в памяти и передачу большого количества информации при незначительной затрате средств (1—11)[6]. Минимальной единицей первого членения является монема, представляющая собой, как и всякий знак, двустороннюю единицу, значение (или значимость) которой образует одну из ее сторон (означаемое), а звуковой облик — другую (означающее). Означающие состоят из единиц второго членения, т. е. фонем (1—9). По мысли автора, говорящий в любое мгновение своей речи производит отбор. Отбору подвергаются единицы обоих членений. Автор полагает, что отбор производится из целого ряда единиц, способных фигурировать в данной звуковой (или речевой) цепи (ср., в частности, 1—19, 4—3, 4—8, 4—20, 6—12).

Думается, что понятие отбора требует некоторого уточнения. Видимо, при отборе существенными оказываются далеко не все единицы, способные фигурировать на данном участке цепи, но главным образом те, которые отличаются друг от друга лишь одним дифференциальным признаком (причем речь идет как о фонемах, так и лексемах). Во всяком случае к такому выводу приводит изучение речевых расстройств[7]. Следует, впрочем, отметить, что рассуждения об отборе (рассыпанные буквально по всей книге) носят у автора чисто спекулятивный характер[8], что, естественно, с самого начала исключает всякую возможность более или менее серьезной полемики по этому вопросу.

К первым двум главам логически примыкает пятая, трактующая вопросы взаимодействия языков и языковых употреблений. В этой главе автор противопоставляет ряду обиходных понятий понятия научные: особенно интересна в этом отношении трактовка «одноязычия» и «двуязычия» (5—4 и сл.).

Собственно лингвистическому анализу посвящены главы третья, четвертая и шестая. Третья глава представляет собой образцовое изложение методики фонологического анализа. По стройности своей композиции эта глава выгодно отличается от ряда других разделов книги, в частности от четвертой. В четвертой — стержневой — главе излагаются (преимущественно с точки зрения синтагматической теории Ш. Балли) принципы анализа значимых единиц. Вычленение значимых единиц (монем) из речевого потока должно, по мысли автора, представлять аналогию вычленению фонем из звуковой цепи. Так, на основе сопоставления сегментов /nukuriõ/ (*nous courions* «мы бежали») и /nukurõ/ (*nous courons* «мы бежим») выделяется означающее /-i-/, соответствующее означаемому «имперфект», знак которого выражается в других контекстах посредством означающего /-ò/; ср., например, /ilkurò/ (*il courait* «он бежал»)[9]. Все эти сегменты

[5] Речь идет, таким образом, о первом членении, которое определяется как способ группировки данных опыта, свойственного всем представителям определенной языковой общности (1—8).

[6] О проблеме объема словаря человека в смежных вопросах, связанных с эволюцией мозга, см. из последних работ: Вяч. В. Иванов, Теория фонологических различительных признаков, стр. 158—159.

[7] Там же, стр. 165.

[8] А. Мартине считает (4—8), что, если сообщение включает, например, слово *mal* /mal/ «плохо», то в начале необходимо произвести выбор между согласными фонемами, т. е. выбрать в качестве первой фонемы /m/, затем произвести выбор между гласными фонемами, способными выступать в закрытом слоге, т. е. выбрать /a/, затем сделать выбор среди возможных конечных согласных, т. е. выбрать /l/. После (? — *В. Ш.*) отбора этих трех фонем их необходимо расположить в строго определенной последовательности, иначе получатся либо непроизносимые сочетания (/aml/), либо другие монемы (/lam/*lame* «клинок»).

[9] Означающие /-i-/ и /-ò/ находятся, как это логически следует из выводов автора, в отношении дополнительной дистрибуции, подобно означающим /al/, /va/,

включают одно общее означающее — /kur/, соответствующее означаемому «бежать» (4—3). На основе сопоставления /nukurō/ с рядом других сегментов выделяется прерывное означающее (nu...ō), соответствующее означаемому «первое лицо множественного числа» (4—4; ср. также 4—5) и т. д. При членении высказывания на монемы может возникнуть ряд трудностей, связанных с тем, что установление одно-однозначного соответствия между означаемыми и означающими оказывается возможным далеко не всегда. Так, означающее *orum* в лат. *malorum* «яблок» соответствует сразу двум означаемым — «генитиву» и «множественному числу», причем неясно, что именно здесь соответствует генитиву и что — множественному числу (4—2). Такие случаи автор относит к сращениям («amalgames»).

Классификация значимых единиц проводится автором в различных пересекающихся плоскостях. Все монемы в соответствии с известным дихотомическим принципом делятся на лексические (лексемы) и грамматические (морфемы), причем отнесение данной монемы к одному из этих классов основывается на следующих критериях: лексические монемы входят в состав «неограниченных инвентарей» и могут, как правило, чередоваться в данной позиции с очень большим числом других монем, тогда как аналогичные возможности чередования грамматических монем крайне ограничены (4—19)[10]. В то же время автор признает существование элементов, промежуточных между обоими классами (4—39; ср. также 4—46). Большинство монем образуют в высказывании различного рода комбинации, входя тем самым в состав синтагм (4—13). Вне синтагм находятся монемы, которые могут изменить свою позицию в высказывании, не меняя при этом содержания сообщения. Такие монемы, называемые автономными, содержат указание не только на некоторый элемент опыта, но и на определенное соотношение со всеми другими элементами опыта, о которых делается сообщение (4—11).

Языковое явление, соответствующее отношению между отдельным элементом опыта и всем опытом, называется функцией (4—12). Монемы, указывающие на функцию других монем, называются функциональными (например: *avec* во франц. *avec plaisir* «с удовольствием»; *-ssa* в фин. *kirkossa* «в церкви»). Отсюда следует, что автономным монемам (например, *hier* «вчера») могут соответствовать в функциональном отношении более сложные образования (например, *l'an dernier* «в прошлом году», *avec plaisir* «с удовольствием»), являющиеся, согласно определению, синтагмами (в данном случае автономными). Однако автономные синтагмы (комбинации монем, функция которых не зависит от их позиции в высказывании: 4—13) представляют собой единицы гораздо более объемные, чем, например, традиционные «обстоятельства». Усложнение терминологии и разнесение по разным рубрикам функционально тождественных единиц обусловлено в данном случае тем, что в основу классификации положена «минимальная значимая единица»; естественно, что единица, состоящая из одной монемы, с необходимостью противопоставляется единице, состоящей из нескольких монем. С другой стороны, предлагаемая классификация хороша тем, что такое сложное и не всегда удобное понятие, как «слово», рассматривается в терминах нескольких более элементарных единиц. В этом отношении автор замечает, что свойство формы быть автономной синтагмой более существенно, чем ее свойство быть словом (4—17).

Но вернемся к классификации монем. Неавтономные и нефункциональные монемы типа франц. *toi* или *les grosses valises* в автономных синтагмах *avec toi* «с тобой» или *avec les grosses valises* «с большими чемоданами» определяются как зависимые: они зависят либо от функциональной монемы, либо от их позиции относительно других элементов высказывания. Зависимые монемы могут быть связаны с высказыванием как с единым целым; в таком случае они трактуются как наделенные первичной функцией (*toi* и *valises* в вышеприведенных примерах). Зависимые монемы этого типа относятся к категории управляемых. Такие монемы, как «определенный артикль» /l/, «множественное число» /e/ и /gros/, связанные с основным высказыванием лишь постольку, поскольку они служат определениями к монеме /valiz/, называются определяющими монемами, или детерминантами (4—18). Зависимые монемы — управляемые и определяющие — могут быть как лексическими, так и грамматическими (4—19).

Грамматические определяющие монемы — или, что то же, грамматические детерминанты — называются также модальными монемами (4—19). По мнению автора, между такими модальными монемами, как артикли или морфемы, служащие для обозначения числа, и функциональными монемами существует фундаментальное различие (4—20). Так, модальные и функциональные монемы, входящие в автономную синтагму, могут противопоставляться друг другу как центростремительные элементы центробежным (это имеет место, например, в синтагме *avec le sourire* «с улыбкой», где центральный элемент представлен управляемой лексической монемой *sourire* в соответствии со схемой ← *avec le* → *sourire*). Однако, как отмечает сам автор, очень часто бывает так, что обеим монемам соответствует одно и то же означающее; например, в лат. *prudentibus hominibus* «добродетельным мужем» модальная

/i/ (омоним вышеназванного /-i-/) и /a/, соответствующим одному и тому же означаемому «идти» («aller») (ср. 4—2).

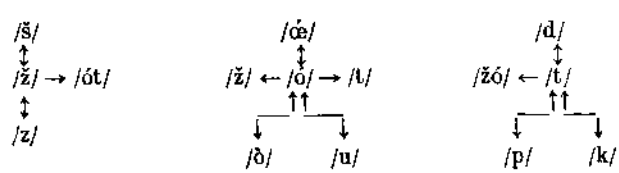
[10] На тех же критериях основывал свою классификацию Поливанов, деливший морфемы (монемы в терминологии Мартине) на лексические и формальные (Е. Д. Поливанов, Введение в языкознание для востоковедных вузов, стр. 21).

монема «множественное число» и функциональная монема «датив» имеют общее прерывное означающее *...ibus... ibus* (4—21). Автор подчеркивает далее, что сложное подчас смешение означающих препятствует во многих языках становлению значимого характера фундаментальных различий между обоими типами монем. На это следует возразить, что если язык действительно переживает процесс становления фундаментальных различий между какими-либо двумя типами явлений, то всегда находятся способы манифестации этих различий.

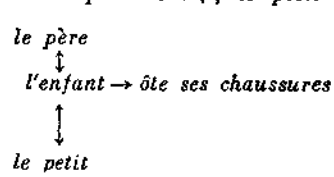
В ряде случаев классификация автора целиком основывается на критериях, принятых в традиционной лингвистике. Такова его трактовка субъекта (4—26), предикативной монемы (4—29), предикативной синтагмы (4—24), распространений (4—30: «распространение...— это все то, что не является необходимым») и т. д. Модификация, вносимая автором в подобных случаях, касается главным образом терминологии; иногда автор вообще отказывается от какой бы то ни было модификации, следуя духу и букве традиционной грамматики. Широкое использование достижений традиционной грамматики можно только поставить в заслугу автору; что же касается тех трудностей, которые возникают при анализе единиц плана содержания, то их не удается избежать даже наиболее радикальным структуралистам.

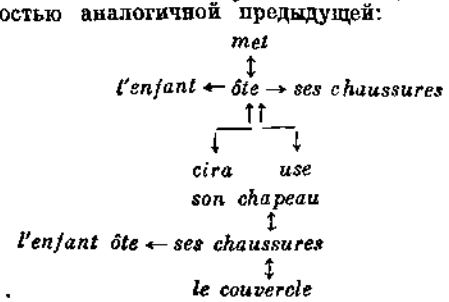
Иной вопрос — оценка авторской концепции в целом. Создается впечатление, что многочисленные примеры из французского языка, которыми автор иллюстрирует свое изложение, фактически определяют классификацию. В критической литературе уже указывалось на то, что предложенная Мартине методика анализа значимых единиц несколько противоречива [11]; тем не менее проверка этой методики на большом количестве по возможности «экзотических» языков представляется крайне желательной.

В заключительной, шестой, главе книги излагаются основы методики диахронного анализа и даются некоторые элементарные сведения по математической лингвистике. Эта глава является не только кратким изложением идей, развиваемых автором в его работах по диахронной фонологии; здесь, как и в предыдущей главе, сделана попытка применить методы, используемые при фонологическом анализе, к анализу значимых единиц. Автор считает, что фонемы, составляющие тот или иной сегмент звуковой цепи, подвергаются воздействию, совершенно аналогичному тому, которое имеет место в отношении значимых единиц, образующих участок речевой цепи. Так, фонемы, входящие в сегмент (žót) (*j'ôte «я снимаю»*), подвергаются и притяжению и отталкиванию: каждая из фонем в определенной степени уподобляется соседней, однако лишь настолько, насколько это допускается потребностями общения; в то же время каждая из фонем как бы «контролируется» теми фонемами фонологической системы, с которыми она не должна смешиваться. Схематически это может быть представлено следующим образом:



Аналогичные выводы могут быть сделаны и в отношении тех или иных участков речевой цепи. Так, в высказывании *l'enfant ôte ses chaussures* «мальчик снимает свои туфли» такие единицы, как *l'enfant, ôte* и *ses chaussures*, характеризуются определенным семантическим притяжением; с другой стороны, слово *l'enfant* «мальчик» находится как бы «под контролем» таких слов французского языка, как *le père* «отец», *le petit* «малыш» и т. д.; слово *ôte* «снимает» контролируется словами *met* «надевает», *cire* «чистит», *use* «носит»; единица *ses chaussures* находится под контролем таких единиц, как *son chapeau* «свою шляпу», *le couvercle* «крышку», ограничивающих сферу употребления первой единицы; говорящий сознательно или бессознательно исключает эти единицы при построении данного высказывания (6—23). В соответствии с этим возможно построение схемы, полностью аналогичной предыдущей:





[11] K. H. Schmidt [рец. на кн.:] A. Martinet, Eléments de linguistique générale, IF, LXVI, 3, 1961, стр. 274.

Действие различных уравновешивающих друг друга сил можно обнаружить, таким образом, в любой точке звуковой (или, соответственно, речевой) цепи. Однако, поскольку изменяющиеся потребности общения постоянно модифицируют действие этих сил, это равновесие непрестанно нарушается — язык эволюционирует.

Аналогия, проводимая автором между давлением внутри фонологической системы и взаимодействием значимых единиц, очевидно, имеет под собой реальную почву. Не вызывает сомнения, что автор, много занимавшийся вопросами фонологических смещений, хорошо знает, что далеко не всякие единицы системы способны к взаимодействию. То же, видимо, можно сказать и относительно значимых единиц; однако обратимся к приведенной выше схеме: если предположение о взаимодействии таких слов, как *мальчик* и *малыш*, *снимает* и *надевает*, вполне реально, то не совсем ясно, каким образом могут взаимодействовать слова *мальчик* и *отец* или *носит* и *чистит?* Очевидно, здесь необходим столь же строгий научный подход, что и в диахронной фонологии (кстати, приводимые Мартине фонологические схемы также далеко не безупречны). В частности, как уже отмечалось выше, необходимо выявление дифференциальных признаков слов, а синхронное изучение (например, исследование явлений афазии[12] или изучение «обмолвок») должно сочетаться с разысканиями в области сравнительно-исторической лексикологии и семантики, в том числе лексикологии и семантики близкородственных языков.

В целом не подлежит сомнению, что «Основы общей лингвистики», написанные одним из выдающихся французских ученых, найдут в лице советской лингвистической молодежи, да и не только молодежи, внимательных и вдумчивых читателей.

В. В. Шеворошкин

[12] Хороший фактический материал содержится во второй части монографии: Б. В. Зейгарник, Патология мышления, М., 1962, особенно стр. 88—204 (там же приводится обширная библиография — стр. 220—243).

Сб. **«Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике»**. Отв. редакторы Р. А. Будагов, М. М. Гухман. — М., Изд-во АН СССР, 1961. 255 стр.

Рецензируемый сборник стремится ответить назревшей «необходимости более пристально разобраться в многообразных направлениях современной лингвистической науки» (стр. 3). Сборник в основном носит критический характер. С каких именно позиций осуществляется в названном сборнике критика современных лингвистических направлений,— вопрос, выяснить который предстоит в настоящей рецензии. В предисловии указывается на отсутствие в книге специального исследования о структурализме, однако в статьях Р. Будагова «К критике релятивистических теорий слова» и А. А. Реформатского «Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка» затронут ряд проблем, связанных со структуралистическим направлением в языкознании. Отметим, что в статье А. А. Реформатского аргументация создателей так называемой дихотомической теории фонем разбирается с позиции именно структуральной лингвистики. Критические замечания А. А. Реформатского направлены против непоследовательности в фонологическом анализе, против фонетизма в фонологии. В этом смысле данная работа является образцом конструктивной критики, основная целеустановка которой выражена в заключении статьи: «самая совершенная и тонкая сегментация континуума речи без парадигматической, поперек речевой цепи, интерпретации фонетических фактов в свете оппозиций фонем не может привести к структурной стратификации единиц фонематической модели языка» (стр. 122).

Анализу вопросов морфологии и синтаксиса в работах структуралистов посвящены статьи Н. Д. Арутюновой и Е. С. Кубряковой «Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов» и В. Н. Ярцевой «Проблема формы и содержания синтаксических единиц в трактовке дескриптивистов и „менталистов“». Впервые после книги О. С. Ахмановой[1] поднимается вопрос о психолингвистике; А. А. Леонтьев в статье «Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи» приходит к выводу, что «несмотря на кажущуюся новизну методологических основ психолингвистики, она не внесла никакого принципиального вклада в проблему функциональных единиц речевой деятельности» (стр. 190). Заслуживает внимания — как с точки зрения применения математических методов в языкознании, так и с точки зрения компаративистики — статья Г. А. Климова «О лексико-статистической теории М. Сводеша», в которой обоснованно критикуется безоговорочное применение глоттохронологического метода М. Сводеша к языкам разных систем. В статьях А. А. Уфимцевой «Теории „семантического поля“ и возможности их применения при изучении словарного состава языка» и К. А. Левковской «Некоторые зарубежные языковедческие теории и понятия слова» представлен анализ основных теорий современной семасиологии. Интерпретация взглядов Л. Вейсгербера — виднейшего представителя современного неогумбольдтианизма — представлена в статье М. М. Гухман «Лингвистическая теория Л. Вейсгербера».

[1] О. С. Ахманова, О психолингвистике, [М.], 1957.

Мы остановимся более подробно на статье Р. А. Будагова, поскольку в ней в связи с проблемой языковой единицы сделана попытка дать развернутую критику принципов структуральной лингвистики с позиции так называемого традиционного языковедения. В позитивной части этой работы содержатся интересные наблюдения над значением служебных слов, полисемией, историей отдельных слов и т. д., однако мы считаем более целесообразным обратиться к спорным вопросам. Р. А. Будагов рассматривает проблему слова на фоне противопоставления структуральной и традиционной лингвистики. Статья начинается словами: «Представители крайних направлений современного структурализма стремятся поставить себя в привилегированное положение» (стр. 5). Уместно поставить вопрос: что означает «привилегированное положение» в науке, где, как известно, к «привилегии» не должно быть иного пути, кроме обоснования и аргументации? Из дальнейшего рассуждения автора явствует, что стремление к «привилегированному положению» он видит в якобы имеющемся у структуралистов намерении противопоставить свои исследования как теоретические изысканиям традиционной лингвистики как эмпирическим; автор полагает при этом, что такое противопоставление является особенно популярным (там же). Отметим, что нам фактически не известно, кто из типичных представителей структуральной лингвистики отождествляет «структуральное» с «теоретическим» в противопоставлении «эмпирическому»; трудно поверить, что автор имеет в виду американских дескриптивистов или пражцев; а если речь идет о глоссематической лингвистике (на что, кстати, указывается вскользь), то утверждение автора и в этом случае окажется неточным, так как в основополагающих «Пролегоменах» главы глоссематической школы Л. Ельмслева термин «принцип эмпиризма» используется в определенном методологическом смысле, отнюдь не в противоположении «теоретическому».

По автору, «следует разграничивать понятия „структуральный" и „структурный" (или „системный")»: «исследователь системы (структуры) языка вовсе не обязательно *должен* разделять теоретические принципы структурализма» (стр. 5). Уточняя этот тезис Р. А. Будагова, можно отметить, что термин «структура» в традиционной лингвистике используется как синоним слова «строение» (ср. «структура слова», «вопросы структуры русского языка» и др.), а в определении языковой «системы» с точки зрения традиционной лингвистики «система» по существу равняется «классификации»; «классификацию» или группировку языковых явлений по какому-нибудь признаку традиционная грамматика проводит почти так же, как это принято в ботанике или в зоологии.

Что касается структуралистских учений, то они, как говорит А. Мартине, «имеют одну общую основу... Все они опираются на более или менее четко выраженное убеждение в том, что каждый язык характеризуется как таковой (тем самым противопоставляясь любому другому языку) прежде всего внутренней организацией sui generis, которая имеет гораздо большее значение, чем случайное сходство между отдельными единицами»[2]. Таким образом, термины «структура» и «система» в понимании лингвистов, для которых структурализм является руководящим принципом, обозначают «внутреннюю организацию».

При таком положении вещей, когда один и тот же термин используется в разном, подчас в противоположном значении, вероятность взаимопонимания между структуралистами и сторонниками традиционного языкознания крайне незначительна[3].

Одно кажется нам бесспорным: лингвистическое исследование может быть или «чисто структуральным», или «не чисто структуральным» (младограмматическим, неолингвистическим и т. п.), а не тем и другим в одно и то же время: «синтезирующие» попытки такого рода, часто встречающиеся в современных исследованиях как у нас, так и за рубежом, как и следовало ожидать, обычно не свободны от явных противоречий и эклектизма.

Настаивая на разграничении, мы тем самым разделяем мнение автора о том, что структуральный анализ «сам по себе» не может «обеспечивать высокий уровень статьи или книги». Если же исследования типа младограмматического все чаще подвергаются нападкам (порой полемически заостренным) со стороны структуралистов, то это, конечно, не потому, что младограмматизм является незакономерным или несвоевременным вообще[4], а потому, что он является таковым с е г о д н я — в эпоху федерации и интеграции наук, когда структуральная концепция рассмотрения материала стала выражением развития основных тенденций современного научного мышления. С этой же точки зрения следует признать, что структурализм в истории языкознания является таким же необходимым этапом (и тем самым выразителем общих устремлений своей эпохи), каким в свое время являлся младограмматизм, который в свою очередь пришел на смену натурализму.

Суммируя вышесказанное, основные расхождения между структуральной и традиционной лингвистикой можно было бы свести к таким двум положениям: 1) традиционная лингвистика, исходя из понятия «единицы», автономно существующей и

[2] А. М а р т и н е, Принципы экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 90.

[3] На деле «это приводит к тому, что, как писал недавно М. Вандружка, между структуралистами и сторонниками традиционного языкознания часто происходит „диалог глухих"», — как указывает Р. А. Будагов в прим. 5 на стр. 5.

[4] Тем более «ошибочным», как склонны полагать некоторые, не задумываясь над тем, что при такой оценке история нашей науки рассматривается как история ошибок.

независимо функционирующей, приходит к понятию «системы» как суммы заранее данных единиц, классифицированных по какому-нибудь внешнему признаку. Структуральная лингвистика, в противоположность этому, рассматривает «единицу» лишь в условиях «системы», являющейся исключительно «внутренней организацией» и конкретно выражающейся в принципе лингвистической оппозиции; 2) в отличие от традиционной лингвистики, структуральная лингвистика стремится к максимальной формализации, не оставляя тем самым без определения ни одно понятие, каким бы очевидным оно ни казалось.

Р. А. Будагов ищет различия в другом направлении: он считает, что структуральная лингвистика, выставляя категорию системных отношений, опирается на «логику отношений», а традиционная лингвистика, исходя из понятия «единицы», соответственно находит подтверждение в традиционной формальной логике. Противопоставлению двух логик автор придает принципиальное значение, строя на этом свою антирелятивистскую концепцию. Однако взаимоотношение двух логик толкуется автором крайне субъективно, с чем, по всей вероятности, логики не смогут согласиться. Необходимо привести полностью рассуждение автора: «Известно, что классическая формула суждения гласит:

S есть P

Это означает, что познающая мысль человека направлена прежде всего на предмет, который выражен термином S (субъект суждения). Предикат же суждения (P) передает определенные свойства предмета. В основе этой формулы оказывается материалистическое убеждение, согласно которому наше познание носит предметный характер. Логика отношений стремится противопоставить этому положению другой принцип и формулирует его так:

$a\,R\,b$,

где a и b являются предметами, а R — отношением между ними. В этом случае познающая мысль человека направляется не столько на изучение свойств самих предметов (a, b), сколько, прежде всего, на те связи и отношения, которые существуют между предметами. С первого взгляда создается впечатление, что данная концепция так же верна, как и первая. Отношения между предметами нуждаются в таком же тщательном изучении, как и сами предметы. При более пристальном анализе, однако, выясняется, что формула логики отношений таит в себе известные опасности (!? — *Г. Р.*). Всячески подчеркивая значение фактора отношения, эта формула отодвигает на задний план предметы, отношения между которыми подлежат изучению. Получается, что человек должен исследовать не столько предметы, сколько отношения между ними. R заслоняет собой a и b. Понятие отношения поглощает понятие предметности. Опасность возникает в результате абсолютизирования категории отношения. Между тем нельзя изучать отношения между предметами, сущность которых сама по себе либо вовсе не изучается, либо признается второстепенной» (стр. 8).

Здесь допущено несколько неточностей. Формулы S — P и $a\,R\,b$ друг другу не могут противопоставляться, так как, говоря языком современной логики, обе они выражают о т н о ш е н и я: S — P — это не что иное, как так называемый одноместный предикат $F(a)$ (например, *цветок красный*), а $a\,R\,b$ — не что иное, как так называемый двухместный предикат $F(a, b)$ (например, *Ленинград севернее Москвы*); существует и трехместный предикат $F(a, b, c)$ (например, *Учитель передал книгу ученику*).

Далее. Если S — P имеет, по Будагову, предметный (и материалистический!) характер лишь потому, что предмету приписывается свойство, то такая интерпретация не в меньшей мере могла быть применима и к $a\,R\,b$, где устанавливается отношение уже не с одним, а с двумя предметами. Наконец, и это главное, формулы сами по себе не могут иметь предметный характер, так как не имеют никакого реального содержания, кроме логического. Поэтому не следует смешивать интерпретацию формулы со структурой самой формулы. К тому же, как это известно из истории языковедения, положение о преемственной связи традиционной лингвистики с формальной логикой в свое время широко открыло двери логицизму в нашей науке [5].

Независимо от того, каково будет положение вещей в логике [6], правилен тезис Р. А. Будагова о том, что традиционная грамматика исходит из понятия «единицы», а структуральная теория языка — из понятия «отношения». Но автор считает, что структуральной теорией «преувеличивается» значение «отношения» (системы) и тем самым слово как автономная единица «растворяется или в потоке морфем или в так называемой конструкции» (стр. 29). Здесь следует только заметить, что если некоторые структуралисты в своих исследованиях обходят проблему слова, то это делается по существу из чисто методических соображений.

Основная цель самого автора — «о б о с н о в а т ь с е м а н т и ч е с к у ю в ы д е л и м о с т ь и с а м о с т о я т е л ь н о с т ь с л о в а» (стр. 13). Нам не совсем ясно, что означают термины «выделимость» и «самостоятельность», и поэтому интересно выяснить, как удается автору без предварительного определения крите-

[5] Что касается связи структуральной лингвистики с современной логикой (в частности, с математической), она, как известно, имеет методологическое оправдание и не расценивается как логицизм в языковедении.

[6] Не думаем, что помогла бы делу апелляция к философской категории соотношения части к целому (стр. 13), поскольку могут сказать и так, что, с одной стороны, целое не является суммой частей, а с другой, часть является именно «частью» целого, находя свое обоснование в целом и через целое.

риев и принципов осуществить выделение единицы, обоснование автономности слова.

Автономность слова, когда она выдвигалась в качестве проблемы, обычно освещалась двояко: 1) слово является обозначением предмета, и по этому признаку осуществляется его «семантическая выделимость», или же 2) слово выступает как средство репрезентации (или выражения) понятия, и на этой основе определяются не только границы его «выделимости», но и его «самостоятельность». Именно так полагает Р. А. Будагов: слово «самостоятельно как средство выражения определенного понятия» (стр. 13). По его мнению, в первую очередь следует учитывать, «что́ выражает само слово, какое самостоятельное значение оно имеет» (стр. 14); лишь после выяснения этого можно понять «зависимость отдельного слова от целой системы», так как «второе определяется первым» (стр. 13).

Во-первых, выходит, что «семантическая выделимость» и «самостоятельность» слова как языковой единицы устанавливается вне самого языка; во-вторых, в рассуждении автора, как видно, не проводится грань между «значением» и «обозначением» (т. е. между тем, «что́ выражает слово», и тем, «какое значение оно имеет»): это вполне в духе традиционной лингвистики, которая, исходя из понятия «единицы», не способна отграничить семасиологию от лексикографической практики [7].

Автор, казалось бы, не должен согласиться с тем, что априорному ряду понятий соответствует такой же ряд слов; однако принимая понятие за критерий выделимости слова, он поневоле разделяет мнение, согласно которому язык не что иное, как номенклатура.

Номинально автор во многих местах статьи подчеркивает важное значение системы; однако, считая систему таким фактором, который «лишь скрепляет» (стр. 28) отдельные слова, он безотчетно содействует тому, чтобы систему принимали за сумму [8].

Еще у Ф. де Соссюра имеется, хотя неокончательное и, по существу, также интуитивное, но принципиально приемлемое решение проблемы взаимоотношения «единицы» и «системы». Принцип лингвистической оппозиции и связанная с этим категория «значимости» (valeur), введенная автором «Курса» в противоположность традиционному пониманию «значения» (которое обычно приравнивалось к «обозначению»), создают необходимую базу для научного определения языковой единицы без апелляции к экстралингвистическим явлениям.

Недооценка категории значимости неизбежно приведет к двум вышеупомянутым результатам: к пониманию «языка» как номенклатуры, а «системы» — как суммы простых слагаемых. Подтверждением этого отчасти могла бы послужить статья А. А. Уфимцевой, в которой де Соссюру приписывается им же опровергаемая мысль. В качестве определения категории значимости в статье приводится следующее место из «Курса»: «Когда говорят о значимости слова, думают обыкновенно и раньше всего о его свойстве репрезентировать идею; в этом действительно заключается один из аспектов языковой значимости» (стр. 35). Здесь А. А. Уфимцева ограничилась только той частью определения значимости (притом подчеркивая ее!), которая содержит по существу лишь традиционный подход, хотя несколькими строками ниже Соссюр указывает — и притом вполне недвусмысленно — на необходимость различения «значимости» и «значения», предостерегая тем самым от опасности «низвести язык до уровня простой номенклатуры» [9].

А. А. Уфимцева не знакомит читателей с собственным мнением о взаимоотношении единицы и системы в языке: однако, признавая «за отдельным словом право самостоятельного существования в системе языка», автор ссылается на рассмотренную выше статью Р. А. Будагова (стр. 48), разделяя, по-видимому, излагаемую там концепцию языковой единицы. Мы не касаемся других вопросов, затронутых в статье А. А. Уфимцевой, где представлен обстоятельный анализ разных теорий «семантического поля».

Соссюровское сравнение языкового знака с листом бумаги К. А. Левковская считает неудачным. По мнению автора, в отличие от языкового знака, являющегося неразрывным единством двух сторон, «связь между обеими сторонами листа бумаги — чисто внешняя: она может быть даже и нарушена» (стр. 70). На наш взгляд, аналогия языкового знака с листом бумаги, к которой дважды прибегает автор «Курса» [10] при обосновании знаковой концепции (как и всякая аналогия, она, разумеется, приблизительна), наилучшим образом иллюстрирует концепцию Соссюра о двусторонней сущности языкового знака: в самом деле, возможно ли отделить лицевую сторону бумаги от оборотной?

После Ф. де Соссюра в защиту имманентной теории знака одним из первых выступил Л. Вейсгербер, взгляды которого подвергаются строгой критике в вышеуказанной статье К. А. Левковской и особенно в статье М. М. Гухман. Традиционной двухчленной схеме знака (1 — звуковая форма, 2 — конкретный предмет) Л. Вейсгербер противопоставил трехчленную схе-

---

[7] См. об этом, например: L. Weisgerber, Die Bedeutungslehre —ein Irrweg der Sprachwissenschaft?, «Germanisch-romanische Monatsschrift», XV, 5—6, 1927.

[8] Следует только заметить, что какой бы высокой ни была степень «скрепления» заранее данных элементов, она всегда будет *und*-Verbindung и не может нам дать «внутреннюю организацию».

[9] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 114.

[10] Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 113, 114.

му: 1 — звуковая форма, 2 — языковое содержание, 3 — конкретные предметы. К. А. Левковская, высказываясь против трехчленной модели, считает, что язык, представляя собой двухстороннее единство, своей смысловой стороной «отражает» объективную действительность (стр. 81). Если понимать здесь слово «отражение» в гносеологическом смысле, тогда, не взирая на определенные препятствия, связанные с использованием этого термина в лингвистике, разные языки придется мыслить как разные звуковые ярлыки для одних и тех же предметов. А если понимать «отражение» не в гносеологическом смысле, то оно во всяком случае не может быть противопоставлено трехчленной модели.

Пытаясь сочетать концепцию «внутренней формы языка» Гумбольдта с учением Соссюра о «ценностях», Л. Вейсгербер в своих многочисленных исследованиях энергично отстаивает тезис о необходимости изучения «содержательной стороны» языка как основного объекта лингвистической науки, призывая тем самым к созданию «грамматики, ориентирующейся на содержание» (inhaltbezogene Grammatik), в отличие от традиционной грамматики, которая была ориентирована, по его мнению, преимущественно на звуковую форму (lautbezogene Grammatik).

М. М. Гухман, указывая на расхождение между неогумбольдтианской доктриной и учением Гумбольдта, устанавливает разные аспекты этого расхождения и приходит к выводу, что Л. Вейсгербер во многом отходит от Гумбольдта. Можно указать еще на один пример такого «отхода»: само понятие «Weltbild», являющееся фундаментальной категорией социологии языка (Sprachsoziologie) Л. Вейсгербера, не следует считать эквивалентным гумбольдтовскому понятию «Weltansicht», выработанному в связи с задачами построения сравнительного языковедения и имеющему поэтому не до конца ясное, но определенно лингвистическое содержание.

Эти расхождения прослеживаются по линии отхода Вейсгербера от «чистой» лингвистики в сторону социологии языка; именно этим объясняется у него обилие нелингвистических и по существу расплывчатых терминов. В последнее время, введя термин «языковые приемы» (Sprachzugriffe) вместо «языкового содержания» (Sprachinhalt), Л. Вейсгербер открыто выступает за создание так называемой «энергетической» лингвистики, в основе которой лежит лингвосоциологическая концепция «вербализации мира» и принцип языковой детерминации норм мышления.

Не следует, однако, забывать, что определенного ответа требует вопрос: почему рассматриваемая теория называется хотя и «нео-», но все-таки «гумбольдтианской»? Мы всецело согласны с М. М. Гухман, считающей, что этот вопрос является объектом самостоятельного изучения и частью более общей темы, которую можно озаглавить: «В. Гумбольдт и современные неогумбольдтианцы». Что же касается интерпретации взглядов Вейсгербера, то создается впечатление, что М. М. Гухман солидаризируется с Вейсгербером лишь в негативной части его учения, а именно — в критике принципов традиционной грамматики. Все остальное, в том числе и установленные Вейсгербером «закон знака» и «закон поля», имеющие, на наш взгляд, весьма продуктивное значение для эмпирического языковедения, оказываются неприемлемыми для М. М. Гухман.

В рамках одной рецензии, к сожалению, у нас не было возможности остановиться на многих интересных соображениях, высказанных авторами как вышерассмотренных, так и других статей сборника по самым различным вопросам современной лингвистики. Мы ставили перед собой цель — коснуться лишь тех аргументов, которые в связи с проблемой языковой единицы чаще всего выдвигаются в критике структуральных теорий языка с позиции традиционного языковедения.

Г. В. Рамишвили

B. Kálmán. **Die russischen Lehnwörter im Wogulischen.** — Budapest, 1961. 328 стр. (Akadémiai Kiadó).

Изучение словарных заимствований имеет большое значение не только для исторической лексикологии, но и для исторической фонетики тех языков, из которых были взяты заимствования: в заимствованных словах часто сохраняются звуковые особенности, уже исчезнувшие в языке-источнике; например, русские заимствования в финском отражают древнерусский звук *ѣ* (фин. *määrà* < русск. *мѣра*), носовые гласные (фин. *suntia* < русск. *сонъ*), редуцированные *ъ* и *ь* (фин. *lusikka* < русск. *лъжька*) и т. д.

Словарные заимствования имеют особенно большое значение для изучения истории тех языков, которые не располагают древними памятниками письменности, а такими является большинство финно-угорских языков (самые древние памятники письменности венгерского языка относятся к началу XII в., коми языка — к XIV в., финского — к XV — XVI вв.). Поэтому не случайно ряд трудов многих финноугроведов — В. Томсена, Б. Мункачи, Ю. Вихмана, Й. Микколы, З. Гомбоца, Я. Калимы, М. Рясянена, В. И. Лыткина, Ю. Тойвонена, И. Книежи — посвящен исследованию словарных заимствований, в частности изучению словарных взаимоотношений между славянскими и финно-угорскими языками. Однако если вопрос о венгерско-славянских и прибалтийско-финско-славянских лексических связях хорошо изучен, то этого нельзя сказать о восточнофинских языках[1], носители ко-

[1] Серьезных трудов, посвященных вопросам восточнофинско-русских языковых

торых издавна жили бок о бок с русскими и испытали значительное влияние со стороны последних, оказывая в свою очередь известное воздействие на местные диалекты русского языка.

Рецензируемая монография проф. Б. Кальмана представляет собой первый труд, в котором русские заимствования в мансийском (вогульском) языке получили всестороннее освещение. Автор поднимает здесь самые разнообразные вопросы, имеющие отношение к русско-мансийским языковым связям: история соприкосновения русских с манси, вопрос о субституции русских звуков, территория распространения русизмов, датировка заимствования и т. д. В книге приводится перечень свыше 600 русских заимствований; при этом даются разнообразные диалектные варианты, отыскиваются русские оригиналы и т. д.

Остановимся вкратце на некоторых разделах рецензируемой работы, прежде всего — на истории встреч мансийцев с русскими. Отметив, что первые сведения об этом народе встречаются у русского летописца начала XII в., Б. Кальман датирует XVII веком начало более близких соприкосновений мансийцев с русскими, отразившихся в словарном составе языка манси и, с другой стороны, естественно, также в лексике русских насельников. Отдельные заимствования могли, разумеется, проникнуть и раньше; так, например, этноним *зырянин*, представляющий собою видоизмененное манс. *саран* (мансийцы так называют коми народ), в устах русских встречается уже в 1396 г. в виде *сырьяне, серьяне, серояне*[2]. Таким образом, русские слова в мансийский язык попали сравнительно поздно; поэтому вполне понятно, что в них не отражаются древнерусские черты.

В работе Б. Кальмана затронут интересный вопрос относительно разграничения непосредственных русских заимствований от заимствований из русского, проникших к мансийцам через коми язык. Автор не находит критерия для разграничения этих двух видов русских заимствований. Между тем нам кажется, что такой критерий в отдельных случаях может быть выявлен. Вместе с исконными словами коми языка, который оказал известное влияние на мансийский язык[3], в мансийский могли попасть и русские заимствования, бытовавшие в языке коми, причем в таких заимствованиях могут отражаться более древние фонетические черты[4], чем те, которые фигурировали в сибирских диалектах XVII—XVIII вв. Кроме того, в словах, относящихся к древнему пласту заимствований, отразились фонетические процессы исторического характера, характерные и для исконных мансийских слов, чего не наблюдается в новых заимствованиях; таким образом, уже самый фонетический облик заимствования явно указывает на слово, заимствованное через язык коми, а не из русских диалектов Сибири. Приведем несколько русских заимствований, проникших в мансийский язык, по нашему мнению, через коми язык: манс. *йакэн*[5] <коми *йакӧн* < русск. *дьякон*, манс. *ловась* < коми *лавич, лавич, лавыч* < сев.-русск. *лавиця* «скамья вдоль стены» (ср. манс. *пос* < коми *пас* «знак», манс. *ойка* < коми *айка* «свекор»); манс. *пумась* <коми *помеч* «коллективная помощь» < сев.- русск. *по́мочь*; манс. *пуп* < коми *поп* <русск. *поп* (ср. манс. *кур* < коми *гор* «печка», манс. *нуй* < коми *ной* «сукно»)[6];

связей, до сих пор не было, если не считать следующую раннюю работу финского ученого Я. Калимы: J. Kalima, Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen, Helsingfors, 1910. Представляют интерес также работы: J. Kalima, Syrjänisches Lehngut im Russischen, «Finnisch-ugrische Forschungen», XVIII, 1—3, 1927; А. К. Матвеев, Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Канд. диссерт., Свердловск, 1958; А. А. Саваткова, Русские заимствования в горном наречии марийского языка. Канд. диссерт., М., 1953.

[2] Территорию между местами поселений русских и обских угров долгое время заселял коми народ, и само название мансийцев и хантыйцев — *югра*, фигурирующее в русских летописях с XI—XII вв., представляет собой коми слово *йӧгра* (из * *йӯгра*), которым именуют коми-зыряне своих зауральских соседей — манси и ханты. Нам кажется, что этноним *йӯгра* имеет отношение к названиям р. Белой (притока Камы) и р. Камы, которая в некоторых языках (чувашском, татарском) носит название «*Белая* река»: коми *йӯг-* в слове **йӯгра* и коми-язьв. *йӯг-* «светлый, чистый, яркий», видимо, единого происхождения, а *йӯгра*, возможно, обозначало «житель р. Белой».

[3] В мансийском языке наблюдаются сотни заимствований из коми языка, например: манс. *нянь* < коми *нянь* «хлеб», манс. *сайт* < коми *шайт* «рубль», манс. *улас* < коми *улӧс* «стул», манс. *сир* < коми *сӧр* «шест», манс. *ос* < коми *ыж* «овца», манс. *мойт* < коми *мойд* «сказка», манс. *мис* < коми *мӧс* «корова», манс. *мойтак* < коми *майтӧг* «мыло» и т. д.

[4] См. об этом, например: В. И. Лыткин, Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский, в кн.: «Материалы и исследования по русской диалектологии», II, М.—Л., 1949.

[5] Слова передаются в упрощенной транскрипции.

[6] В манс. *ловась* из коми *лавич* представлена мена звуков *о*<*а* так же, как и в других заимствованиях из коми языка; в манс. *пумась* из коми *помеч*, манс. *пуп* из коми *поп*, как и в других коми заимствованиях мансийского языка (см. слова, приведенные выше) отражается процесс *у*<*о*; эти звуковые изменения протекали в мансийском языке значительно раньше того времени (XVII—XVIII вв.), с какого начинаются близкие соприкосновения русских с мансийцами. Именно это позволяет предположить, что указанные русские сло-

манс. *канась* < коми *князь* < русск. *князь*, совр. сев.-русск. *кнесь*; манс. *тять* < коми *тятя, тять* < русск. *тятя* «отец» и др. Ср. русские заимствования, в которых отражается фонетика севернорусского диалекта более позднего времени, например: манс. *сесь* < сев.-русск. *чесь, честь* «часть»; манс. *тетя* < сев.-русск. *дедя* «дядя»; манс. *месик* < сев.-русск. *мечик* «мячик» и т. д.; эти слова, несомненно, проникли в мансийский язык непосредственно из окружающих севернорусских диалектов (в коми языке они выступают в другом фонетическом облике: *часьт, дядьö, мач*).

Детально разработанный в монографии вопрос о передаче русских звуков мансийцами требует некоторых уточнений. В севернорусских говорах звук, обозначаемый буквой *щ*, произносится не как *ść* или *ść*, как пишет автор (стр. 50), а как твердое долгое *шш* или *шч* (с твердым *ч*), поэтому передачу этого звука мансийским *ш* нужно считать вполне закономерной: манс. *шеть* <сев.-русск. *штшеть, шшеть* «щетина», манс. *шель* <сев.-русск. *штшель, шшель* и т. д. Б. Кальман совершенно правильно указывает, что в севернорусских диалектах *ц* произносится мягко и передается мансийским мягким *с* (*масляньсь* «масленица», *сярсе* «сердце»), а твердое литературное *ц* субституируется, по его мнению, мансийским *с* и *тс*. Со вторым способом (*тс*) передачи русского твердого *ц* можно согласиться, но не надо забывать, что во многих русских уральских говорах аффриката *ц* потеряла затвор и произносится как *с*, поэтому для таких русских заимствований мансийского языка, как *улис* «улица», *колодес* «колодец», *куснес* «кузнец», *мелниса* «мельница» и т. д., оригинал следует искать в этих уральских говорах.

Признавая несомненную научную ценность труда Б. Кальмана, отметим, что ценность его еще бы возросла, если бы автор изучал на месте те русские диалекты, которые влияли на мансийский язык, ибо опубликованные данные о них весьма скудны, и этим объясняется то, что в книге очень часто не приводится та форма русского слова, которая послужила оригиналом при заимствовании (например, в словарном гнезде, где фигурируют манс. *улись, улис, улитса*, приведена только одна форма русского слова — *улица*, тогда как в севернорусских говорах, расположенных поблизости к мансийцам, встречаются варианты: *улича, улиця, улиса, улица*; то же самое можно сказать и о гнезде со словом *стакан* и т. д.).

В. Н. Лыткин

ва проникли в мансийский язык через посредство коми языка, носители которого соприкасались и с мансийцами, и с русскими с давних пор (начало контактов коми с русскими можно датировать не позднее XI—XII вв.) и, таким образом, долгое время были передатчиками русских слов в мансийский язык. Русские заимствования (равно как и коми заимствования) более позднего времени не могли уже претерпеть в мансийском языке подобные звуковые изменения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 27 по 31 марта 1962 г. в 1-м МГПИИЯ проходила межвузовская конференция по теме «Синтаксис и интонация»[1]. На конференции было заслушано около 30 докладов, отразивших исследование данного вопроса на материале русского, английского, немецкого, французского, грузинского, китайского и вьетнамского языков. Присутствовало около 200 представителей от 14 республик Союза.

Вступительное слово сделал проф. В. А. Артемов (Москва). Г. В. Колшанский (Москва) в докладе «Роль интонации в организации предложения» предложил разграничить понятия интонации в плане синтаксическом и в плане семантическом. На уровне синтаксиса во взаимодействии с другими синтаксическими средствами языка интонация может выступать как в роли доминирующего (определяющего), так и в роли подчиненного (сопутствующего) средства. Обе эти функции выступают на уровне как второстепенных, так и главных членов предложения. Два предложения одного лексико-морфологического состава, но с различной предикативной функцией интонации, являются совершенно разными предложениями. Интонация в таком понимании признается полноценным синтаксическим средством.

О. А. Норк и К. Г. Крушельницкая (Москва) в докладе «К вопросу о фонологии интонации» выдвинули тезис о двуплановости интонационной структуры, которая в их понимании в отличие от фонем является единицей двусторонней, имеющей не только план выражения, но и план содержания. Интонационные структуры могут не только накладываться на словарный состав предложения, но и выступать изолированно. Они выражают в предложении лишь те значения, которые связаны с отношением говорящего к высказываемому (авторы объединяют их под названием «широкой модальности»), и имеют иерархический характер. В. А. Артемов в докладе «О некоторых правилах взаимосвязи синтаксиса и интонации» изложил данные, полученные в результате многочисленных экспериментальных исследований, выполненных в руководимой им Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи.

Совместный доклад К. К. Барышниковой и Л. И. Илия (Москва) «К вопросу о функции интонации в идентификации членов предложения» касался вопроса о соотношении фонетико-фонологического и синтаксического членения предложения. Авторы приходят к выводу, что интонационные средства в некоторых случаях могут служить дополнительным различительным признаком синтаксических конструкций, а в отношениях, допускающих двойную интерпретацию их значения,— средством контроля. Но интонация не несет фонологической функции в идентификации членов предложения, занимающих свою наиболее обычную позицию в предложении. С. М. Жгенти (Тбилиси) в докладе «Интонационный строй грузинского языка» изложил результаты непосредственных слуховых наблюдений над речью грузинских театров, радио, телевидения, публичных выступлений грузинских ученых и писателей, а также результаты экспериментальных исследований, выполненных в Лаборатории экспериментальной фонетики Института фонетики Пражского университета. Согласно выводам автора, слабая динамичность грузинского произношения сказывается в том, что отдельные слова грузинской фразы фонетически не выделяются и объединяются во фразе под общим фразовым ударением, в едином интонационном рисунке.

Основное содержание доклада О. Х. Цахера (Иркутск) «Об основных синтаксических моделях языка и их вариантах» заключалось в уточнении понятия «сильная позиция». Автор выявляет основные синтаксические модели (синтаксемы) языка, которые характеризуют определенный тип и вид предложения в его сильной позиции. В своем докладе на тему «К вопросу о синтаксической роли интонации в английском языке» В. А. Васильев (Москва) устанавливает прямую связь между конститутивной функцией интонации и синтаксической структурой предложения. Автор предлагает различать словотонемы и фразотонемы. Последние служат для дифференциации коммуникативных типов предложений и их членов.

В докладе З. И. Клычниковой (Москва) «Интонация как средство связи частей сложного предложения в русском языке» на основе экспериментальных данных рассматривалась синтактико-семантическая роль интонации как средства связи

[1] См. «Тезисы докладов межвузовской конференции „Синтаксис и интонация“», М., 1962.

частей сложного предложения и выявления смысловой зависимости этих частей. В докладе Л. А. Вербицкой (Ленинград) «Мелодика побудительных предложений» было показано, что мелодический рисунок в таком предложении зависит от его синтаксического строя. Доклад В. Ф. Мильк (Ленинград) «Интонация присоединительной конструкции в английском и русском языках» был выполнен на основе сравнения экспериментально-фонетических данных обоих языков. На экспериментальной основе были построены также доклады Р. В. Миловидовой (Москва) «Интонация предложения с однородными членами» и Л. А. Близниченко (Киев) «Интонационно-синтаксические особенности переспроса в современном английском языке».

Прочитанные на конференции доклады охватывали и другие вопросы в связи с поставленной проблемой: Н. А. Любимовой (Ленинград) «Мелодика обособленных приложений в русском языке», В. Т. Михеевой (Москва) «Интонация предложения с обособленными определениями», И. П. Сусова (Орел) «Выделение функциональных единиц в современном немецком языке», М. Ф. Косиловой (Москва) «О „заместительной" функции интонации», М. Г. Кравченко (Ленинград) «Интонация слитных словосочетаний и сложных слов в немецком языке», З. Н. Левит (Минск) «Просодические признаки фразеологических эквивалентов слова во французском языке», А. И. Германовича (Симферополь) «Об интонации междометий русского языка». Доклад М. В. Гординой (Ленинград) «Взаимоотношение тона и фразовой интонации» был построен на материале вьетнамского языка. М. К. Румянцев (Москва) использовал материалы китайского языка для доклада «Зависимость интонации повествовательных предложений от их синтаксической структуры».

Несколько докладов были посвящены вопросу о роли интонации в выражении предикативных отношений: П. С. Попов (Москва) «Интонация и логическое ударение», З. А. Пегачева (Москва) «Роль порядка слов в интонационном строе фразы» и А. А. Смольевский (Ленинград) «Фонетические средства выражения логического предиката во французском языке». По мнению П. С. Попова, логическое ударение служит средством выделения оттенков речи, тех или иных частей речевого потока или средством стягивания его в единое целое. С другой стороны, логическое ударение создает новые аспекты мысли. З. А. Пегачева рассматривала в своем исследовании разные варианты грамматического и смыслового порядка слов в их взаимосвязи. По ее мнению, логическое ударение не предопределяет то или иное понимание предложения, а является результатом такого понимания.

Совместный доклад Л. П. Блохиной и З. М. Мурыгиной «Моделирование дифференциальных признаков речевой интонации» представлял собой обзор экспериментальных исследований по работам американских дескриптивистов.

В прениях выступили многие участники конференции. В резолюции конференции отмечается, что ее основное значение заключается в следующем: 1) выявление кардинальных вопросов в проблеме взаимоотношения синтаксиса и интонации; 2) указание на возможность и необходимость экспериментального определения интонационных инвариантов и систем интонем различных языков в сравнительном плане; 3) стимулирование изучения проблемы «Синтаксис и интонация» в союзных республиках на материале различных национальных языков.

В. В. Владимирская (Москва)

4 мая 1962 г. в Институте народов Азии АН СССР (Москва) состоялось заседание филологической секции Ученого совета ИНА АН СССР, посвященное присуждению в 1962 г. Ленинской премии автору двухтомной монографии «Тангутская филология», д-ру филол. наук Н. А. Невскому. На заседании присутствовали научные работники ИНА АН СССР, крупные востоковеды столицы: акад. Н. И. Конрад, проф. Э. К. Баранов и др., аспиранты и многочисленные гости. С сообщением о лингвистической деятельности Н. А. Невского и его исследованиях по тангутоведению выступили канд. филол. наук Вяч. В. Иванов и канд. истор. наук Е. И. Кичанов. Докладчики указали, что Н. А. Невский, расшифровав неизвестную до того науке тангутскую письменность, дал также всесторонний глубокий анализ тангутского языка, заложив тем самым прочную базу для дальнейшего развития тангутоведения. «Необычайная тонкость анализа и трудность решенной задачи,— отметил в своем выступлении Вяч. В. Иванов,— делают работу Н. А. Невского неповторимым достижением». «Тангутская филология» не только познакомила современную науку с культурой тангутского государства, но и дала богатые материалы для сравнительного изучения средневековых культур Центральной Азии.

Изучение архива Н. А. Невского, заявил в своем выступлении «О неопубликованных работах Н. А. Невского» Е. И. Кичанов, показывает, что Н. А. Невским проделана огромная работа по обработке тангутских рукописей и ксилографов, накоплен богатый материал для историко-филологических исследований, о чем красноречиво говорит планировавшаяся им монография, включавшая разделы: 1) «История тангутоведения», 2) «Обозрение материалов для расшифровки тангутского произношения», 3) «Тангутский фонетический словарь с китайскими и тибетскими фонетическими эквивалентами», 4) «Структура всемирных идеографов», 5) «Краткая грамматика тангутского языка», 6) «Обозрение тангутского фонда Института востоковедения АН СССР», 7) «Каталог тангутских ксилографов и рукописей», 8) «Фо-

тографии тангутских ксилографов и рукописей». Оба докладчика особо подчеркивали необходимость исследования и опубликования имеющихся фондов по тангутоведению. В заключение собравшиеся с интересом прослушали сообщение канд. филол. наук М. В. Софронова «Предварительные результаты реконструкции тангутской фонетики».

Р. Т.

10—12 мая 1962 г. на филологическом факультете Тбилисского гос. университета состоялась VI научная сессия[2]. На секцию русского языка (руководитель проф. Д. С. Мгеладзе) было представлено семь докладов: доц. Т. Н. Мревлишвили «О сложном синтаксическом целом», доц. А. А. Хидешели «Из наблюдений над языком и стилем рассказа М. Шолохова „Судьба человека"», доц. В. А. Жидко «Бессоюзные сложные предложения однородного состава в современном русском литературном языке», доц. М. И. Мулкиджанян «Выражение причинных отношений в „Повести временных лет"», доц. Т. А. Белинской «О существенных и несущественных признаках фонем», доц. Н. П. Колесникова «Об омонимии предложений с иноязычными включениями»; доц. В. В. Чедия «О фразеологической синонимике».

Ф. К.

15—16 мая 1962 г. в Институте русского языка АН СССР состоялось совещание «Принципы топонимики», организованное отделениями АН СССР геолого-географических наук, исторических наук, литературы и языка и Топонимической комиссией Московского филиала Географического общества Союза ССР. В совещании приняли участие представители 14 союзных и автономных республик из 32 городов Советского Союза.

В предисловии Оргкомитета к изданным к совещанию тезисам представленных докладов было сказано: «Предпринимаемое совещание вызвано насущной необходимостью разработать методологические основы нашей топонимической науки, без которых она не может развиваться. Еще никогда их не обсуждали совместно представители тех наук, на стыке которых создается топонимика... Предлагаемые доклады и представляют материал для дискуссии, которая поможет объединить усилия топонимистов»[3].

На совещании было сделано 9 докладов. Первым был доклад канд. филол. наук В. Н. Топорова (Москва) «Некоторые положения теоретической топонимики»[4].

Следующий доклад «Топономастика как лингвистический факт» был прочитан д-ром филол. наук А. А. Реформатским (Москва). Докладчик объединил топонимику и ономастику в раздел топономастики, имеющей отношение к той части лексики, которая включает собственные имена. В лексике эти имена противопоставлены нарицательным, но «связаны с ними во взаимодействии». Собственные имена взаимодействуют также и со своими производными. Различаются производные от ономастических и топонимических названий (ср. *улица Москва — московская улица* и *словарь Даля — Далев* или *далевский словарь*). Докладчик солидаризировался с положением В. Н. Топорова о меньшей системности топонимики по сравнению с собственно элементами языка.

В отношении особенно вызывающего споры вопроса: «кому же принадлежит топонимика?» А. А. Реформатский предложил следующую схему:

Географический метод	Лингвистический метод	Исторический метод
Поиск	Анализ и интерпретация	Применение
Географ	Лингвист	Историк
Поставляет	Анализирует и интерпретирует	Потребляет

В связи с этим предложением на совещании возникла наиболее острая дискуссия.

Три доклада были посвящены путям топонимического исследования: д-ра географич. наук Э. М. Мурзаева (Москва) «Основные направления топонимических исследований», д-ра филол. наук А. И. Попова (Ленинград) «Основные принципы топонимического исследования» и В. А. Никонова (Москва) «Пути топонимического исследования». Э. М. Мурзаев в своем докладе подробно остановился на содержании и направленности научных исследований в области топонимики, где «смыкаются интересы лингвистики, истории и географии». Подчерк-

[2] См. «VI Научн. сессия 10—12 мая 1962 г. План работы и тезисы докладов» [Тбилиси], 1962.

[3] «Принципы топонимики. Материалы к совещанию», М., 1962, стр. 2.

[4] Основные положения доклада см. в статье В. Н. Топорова, публикуемой в этом номере.

нув, что плодотворность топонимических исследований в значительной мере зависит от согласованных усилий представителей этих наук, докладчик отметил, что его взгляды по данному вопросу не имеют каких-либо кардинальных противоречий с выводами А. А. Реформатского. В. А. Никонов полемизировал с тезисом В. Н. Топорова о меньшей системности топонимов по сравнению с явлениями собственно языка. Докладчик также подробно остановился на невозможности регионально ограниченных исследований топонимики.

В докладе д-ра филол. наук С. А. Копорского (Москва) «К изучению семантики топонимов» особое внимание было уделено изучению новой топонимики и, в частности, отмечено, что вновь появляющиеся названия незаслуженно обходятся в трудах топонимистов. В докладе канд. филол. наук Ю. А. Карпенко (Черновцы) «О синхронической топонимике» было подчеркнуто, что топонимика, как и всякая научная дисциплина, имеет свои закономерности, которые и следует изучать. «Очень важно, в частности, знать закономерности образования и закономерности распространения топонимических наименований». Изучение топонимов (как бы концентрирующих в себе историю) почти всегда диахроническое. Однако невнимание к синхроническому изучению топонимов, отметил докладчик, неизбежно сказывается и на изучении их диахронии. Доклад канд. филол. наук Н. В. Подольской (Москва) «Какую информацию несет топоним» был посвящен различным видам информации, заложенным в топониме: о языковых данных, о характере объекта, к которому относится топоним, и др. В докладе канд. географич. наук Е. М. Поспелова (Москва) «Применение картографического метода исследования в топонимике» было подробно рассмотрено значение этого метода, условия его результативности и ближайшие задачи использования в топонимических работах.

После обсуждения докладов был принят ряд решений, в том числе об усилении топонимических изысканий на местах, об увеличении числа кандидатских диссертаций по топонимике и др.

Л. П. Калакуцкая (Москва)

С 22 по 25 мая 1962 г. в Ульяновском гос. пединституте им. И. Н. Ульянова проходила VI научная конференция кафедр русского языка педвузов Поволжья (председатель Совета зонального объединения заслуж. деятель науки проф. В. А. Малаховский). В ее работе приняли участие языковеды 10 поволжских пединститутов: Астраханского, Балашовского, Бирского, Волгоградского, Куйбышевского, Оренбургского, Орского, Пензенского, Саратовского, Ульяновского, а также Башкирского и Саратовского гос. университетов. Из гостей выступили с докладами научные работники Рязанского, Смоленского, Елабужского пединститутов, Академии пед. наук РСФСР и Московского филиала Географического общества.

Работа конференции проходила на пленарных заседаниях и в четырех секциях — стилистики и культуры речи (руководитель доц. Е. С. Скобликова), современного русского языка (руководитель доц. В. М. Никитин), методики русского языка (руководитель доц. М. Н. Князева), истории и диалектологии русского языка (руководитель проф. В. А. Малаховский). Всего заслушано и обсуждено 56 докладов. Краткое содержание большинства из них опубликовано перед началом конференции в специальном сборнике «Материалы VI межобластной конференции языковедов Поволжья» (Ульяновск, 1962). Кроме того, почти все доклады были рекомендованы к печати в «Трудах конференции».

На пленарных заседаниях было заслушано 5 докладов. С докладом «Об основных понятиях стилистики» выступил проф. В. А. Малаховский (Куйбышев). Проф. А. Ф. Ефремов (Саратов) прочитал доклад на тему о богатстве русского языка. Канд. филол. наук З. Н. Кривопустова (Куйбышев) представила доклад «Русский язык — язык межнационального общения народов Советского Союза». Доклад доц. Е. С. Скобликовой (Куйбышев) был посвящен фонологическим взглядам профессора А. Н. Гвоздева. Доц. Л. П. Федоренко (Москва) выступила с сообщением «О преподавании курса методики русского языка».

На заседаниях секции стилистики и культуры речи было заслушано и обсуждено 14 докладов. С докладом «Из наблюдений над ритмомелодической структурой несобственно-прямой речи» выступила доц. М. В. Глушкова (Саратов). Канд. филол. наук М. Д. Мишаева (Ульяновск) зачитала доклад «Речевые штампы и борьба с ними». Доц. Л. М. Орлов (Волгоград) посвятил свой доклад анализу материала районных газет Волгоградской области, сосредоточив при этом основное внимание на недостатках их языка и стиля. Практические вопросы культуры речи рассматривала в своем выступлении Т. А. Григорьева (Рязань) — «Ошибки в использовании слов, заимствованных из французского языка». В. А. Никонов (Москва) прочел доклад «Грамматическая характеристика видов речи», в котором он остановился на роли статистического метода в анализе языковых фактов. Доц. Н. П. Ерастов (Ульяновск) в докладе «О структуре контекста художественной речи» сделал попытку установить закономерности восприятия художественного текста.

Разработке отдельных вопросов синтаксической стилистики посвящены были также доклады: Е. М. Кубарева (Куйбышев) — «Интонационно-отрицательные предложения в русском языке в сопоставлении с соответствующими конструкциями в немецком, французском и английском языках» и О. А. Громаковской (Куйбышев) — «Синонимика слож-

ноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными».

В значительной части докладов рассмотрены отдельные вопросы языка и стиля художественных произведений и литературно-критических статей: «Стилистическое использование присоединительных конструкций в языке художественных произведений» (М. Е. Шафиро, Орск); «Присоединительные связи в языковой практике Н. А. Добролюбова» (М. Г. Свотина, Балашов); «Синтаксические особенности языка и стиля литературно-критических статей Н. А. Добролюбова» (канд. филол. наук М. П. Демидова, Орск); «Использование имен собственных в поэзии В. В. Маяковского» (доц. И. М. Подгаецкая, Елабуга); «Субъектные и объектные связи как средство метафоризации» (В. Ф. Ильина, Саратов). На этой же секции доц. Е. С. Скоблякова информировала участников конференции о подготовленном ею пособии для студентов педагогических институтов— «Сборнике упражнений по стилистике и культуре речи».

На заседаниях секции современного русского языка было заслушано и обсуждено 10 докладов. Подавляющее большинство из них посвящено проблемным вопросам синтаксиса. Лишь в двух докладах — «Источники развития терминологической лексики» (Н. К. Жученко, Саратов) и «Новые предлоги в современном русском языке» (А. М. Кропачева, Бирск)— рассматриваются отдельные вопросы лексики и морфологии. Доц. И. П. Распопов (Уфа) в своем докладе ««Синтаксические категории в отношении к основным функциям языка» подробно остановился на соответствующем анализе основных синтаксических категорий. Доц. В. М. Никитин (Рязань) в прочитанном им докладе доказывал необходимость соотносительного изучения членов предложения, словосочетаний и синтаксических позиций в их единстве. Доц. О. Б. Сиротинина (Саратов) выступила с докладом на тему— «Порядок частей в составном именном сказуемом».

В докладе доц. А. Ф. Кулагина (Ульяновск) «К вопросу об основных признаках и условиях формирования сложного предложения» нашли свое отражение результаты дальнейшего исследования проблемы анализа и синтеза связной речи и, в частности, сделана попытка доказать, что части сложного предложения составляют не только смысловое, структурно-грамматическое, интонационное, но и функциональное единство. Доц. Н. М. Андреев (Саратов) в докладе «Об основном и второстепенном в значении придаточного предложения» на материале отдельных типов сложных предложений попытался определить критерии для указанного в теме различения основного и второстепенного. В докладе доц. М. П. Якубович (Ленинград) на тему «Проблема сложного подчинения предложений» представлена характеристика структурных особенностей сложноподчиненного предложения с придаточными определительными.

А. Ф. Михеев (Рязань) на материале сложных предложений, выражающих причинно-следственные отношения, раскрыл сущность понятий «синтаксического параллелизма» и «синтаксической смежности», показал различия между ними. Доклад О. В. Шавкуновой (Ульяновск) был прочитан на тему «Особенности структуры и функционирования фразеологизмов-предложений».

На секции истории и диалектологии русского языка заслушано и обсуждено 11 докладов и сообщений: «К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи» (доц. Л. И. Баранникова, Саратов); «Некоторые вопросы дифференциации русских говоров в свете историко-этнографических данных» (канд. филол. наук В. Ф. Барашков, Ульяновск); «Диалектология и топонимика» (В. А. Никонов); «О принципах составления Ульяновской областной диалектологической хрестоматии» (канд. филол. наук Д. И. Алексеев, Смоленск); «О некоторых принципах составления „Оренбургского областного словаря“» (канд. филол. наук Б. А. Моисеев, Оренбург); «Содержание практических занятий по русской диалектологии» (доц. В. Д. Бондалетов, Пенза); сообщение на ту же тему (доц. Л. И. Баранникова); «Актуальное значение гипотезы А. А. Шахматова о происхождении акания» (доц. В. Г. Руделев, Оренбург); «Деепричастия и деепричастные обороты в художественной прозе А. С. Пушкина» (доц. В. П. Воробьев, Саратов); «Глагольная синонимика в творчестве Гоголя» (В. И. Андрусенко, Саратов); «К изучению лексики романа Д. А. Фурманова „Чапаев“» (Д. Е. Горелик, Оренбург).

Из перечисленных докладов охарактеризуем хотя бы вкратце первые два: 1) Л. И. Баранниковой, которая, исходя из тезиса, что диалект, подобно языку, представляет собой сложную систему, в какой соединяются явления различного порядка, находит возможным в пределах диалектной речи выделить: а) разговорно-бытовую речь, б) народно-поэтическую и в) элементы публичной речи. При этом разговорно-бытовая речь является той нейтральной базой, при сопоставлении с которой выявляются элементы народно-поэтической речи. Что касается публичной речи внутри диалектной системы, то в современных условиях можно говорить лишь об отдельных ее элементах, а не о целой системе данного стиля; 2) В. Ф. Барашкова, высказавшего в своем докладе мысль о том, что диалектные различия русского языка иногда связаны с процессами этнической ассимиляции русскими некоторой части других народностей, проживающих на территории нашей страны. Своеобразно сформировавшиеся группы такого населения, перешедшие на русский язык, имеют свои языковые особенности.

В тематике докладов конференции видное место занимали также вопросы методики преподавания русского языка в школе и вузе. И это вполне понятно. Перестройка работы школ и укрепление связи их с жизнью настоятельно требуют, чтобы работники педагогических вузов принимали самое активное участие в решении теоретических и практических задач, стоящих в настоящее время перед частными методиками.

На соответствующей секции были заслушаны и обсуждены 14 методических докладов, в том числе: «Об опыте работы по русскому языку учителей Липецкой области» (доц. М. Н. Князева, Куйбышев); «Три года работы по-новому» (А. П. Макаров, Ульяновск); «Словарно-стилистическая работа на уроках русского языка» (канд. пед. наук Н. С. Кулакова, Волгоград); «О системе работы над типичными стилистико-синтаксическими недочетами в письменной речи учащихся» (Л. М. Кузнецова, Куйбышев) и др.

Очередную конференцию Поволжского зонального объединения языковедов намечено провести в 1963 г. в Саратовском пединституте. Доклады к ней рекомендуется готовить главным образом по синтаксису современного русского языка, культуре речи и методике преподавания русского языка в школе и вузе.

А. Ф. Кулагин, М. Д. Мишаева
(Ульяновск)

21—22 июня 1962 г. в Вильнюсе по инициативе Института литовского языка и литературы АН Литов. ССР состоялось совещание по координации исследований проблемы балто-славянских связей, в котором приняли участие представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Риги и Вильнюса. Совещание было созвано в соответствии с решением Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 24—27 января 1961 г.).

Совещание отметило, что балто-славянская проблематика разрабатывается в Вильнюсе, Риге, Москве, Ленинграде, Минске, Киеве и в других научных центрах страны. Основными направлениями этой работы являются: 1) сравнительно-историческое (акцентология, фонология, морфология, лексика, включая этимологию), 2) сопоставительное (изучение современных связей балтийских языков с соседними славянскими языками как в области литературных языков, так и в аспекте территориально-диалектных взаимоотношений), 3) ономастическое (прежде всего исследование балтийской гидронимии).

Большие коллективные работы, имеющие непосредственное значение для изучения балто-славянских языковых связей, ведутся в академиях наук Литов. ССР и Латв. ССР: а) по подготовке диалектологических атласов литовского и латышского языков, б) по составлению более полных (чем все вышедшие раньше) словарей этих языков, в) по изданию тщательно проверенных и научно обработанных топонимических словарей или списков, г) по изданию и изучению памятников старолитовской и латышской, старославянской, а также старобелорусской письменности. Важная работа в области исследования акцентологии, этимологии и гидронимии балтийских и славянских языков ведется лингвистами Москвы. В других научных центрах (Ленинград, Минск, Киев) исследуются частные вопросы этой проблемы.

Однако нельзя не отметить недостатка в синтезирующих, обобщающих работах. Совещание обращает внимание руководящих органов академий наук Литов. ССР, Латв. ССР и БССР на необходимость поддержки и расширения работ по составлению и изданию диалектологических атласов, словарей и ономастических материалов.

1. В дальнейшем в области изучения балто-славянской языковой проблемы должны быть созданы фундаментальные синтезирующие исследования по исторической диалектологии литовского и латышского языков, по сравнительной грамматике балтийских языков, по дальнейшей разработке памятников древнепрусского языка и, наконец, по литовско-латышским языковым и этно-культурным отношениям. Осуществление этих планов потребует значительного роста кадров: по латышскому и славянским языкам для Литов. ССР, по литовскому и славянским языкам для Латв. ССР, по балтийским языкам для РСФСР, БССР и УССР. Целесообразным было бы готовить эти кадры путем обмена аспирантами между академиями и вузами названных республик.

2. Для широкого и исторически обоснованного освещения связей и отношений литовского и латышского языков с русским (а затем — литовского с польским, латышского с немецким) необходимо более основательное исследование как латгальских и восточнолитовских, так и примыкающих к ним псковских и новгородских говоров. Пора собрать полные сведения о литовских и латышских колониях по всему СССР и изучать их говоры.

3. Для выяснения связей и отношений литовского языка с белорусским языком необходимо сосредоточить внимание на дзукских говорах литовского языка, а с другой стороны — на витебских, могилевских и полесских говорах белорусского языка.

4. Для всех указанных выше порубежных латышских, литовских, русских и белорусских диалектов необходимо составить областные словари разговорной речи.

5. Финский субстрат едва ли может быть оспариваем не только в Курземе, но и других частях территории Латвии, а также и в прилегающих русских районах. Поэтому балто-славянская проблема не будет успешно разработана до тех пор, пока не выяснены связи балтов и славян с финскими народами, прежде всего западнофинскими, в языковом и этно-культурном плане.

К этим исследованиям необходимо привлечь языковедов Эстон. ССР и с их помощью выяснить многие вопросы финно-балтийских и финно-славянских схождений (в частности, на очереди стоит изучение целого ряда почти вымерших прибалтийско-финских языков и диалектов).

6. Необходимо усилить изучение влияния современного русского языка на балтийские и прибалтийско-финские языки. В разработке этого вопроса должны участвовать языковеды прибалтийских республик, а также балтисты Москвы, Ленинграда, Минска, Киева. Сопоставительные наблюдения позволят выяснить воздействие русского языка в процессе развития лексики и синтаксического строя современных балтийских языков.

А. Сабалюскас (Вильнюс)

С 27 июня по 8 июля с. г. в Ужгородском университете (Закарпатская область УССР) проходило первое совещание, посвященное Карпатскому диалектному атласу (КДА)[5]. В совещании приняли участие представители Института славяноведения АН СССР (С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, Н. И. Толстой), Института общественных наук АН УССР (М. М. Онышкевич, П. П. Приступа), Львовского университета (Б. В. Кобылянский, М. И. Онышкевич), Ужгородского университета (И. А. Дзендзелевский, П. И. Лизанец, П. П. Чучка) и Института языка АН Молд. ССР (Р. Я. Удлер). Принимал участие в работе совещания и Н. А. Грицак — автор капитального диалектного словаря закарпатских говоров.

Совещание было посвящено следующим вопросам: а) определению задач атласа и методов их решения; б) созданию проекта программы-вопросника; в) установлению территории атласа.

По первому вопросу в первый день совещания выступил проф. С. Б. Бернштейн. Был намечен круг проблем, стоящих перед участниками работы над КДА. Карпаты — это место столкновения и длительного взаимодействия различных родственных и неродственных языков. В прошлом формирование юго-западных говоров украинского языка происходило в тесном контакте с южнославянскими языками (языками болгарским и сербскохорватским). Позже этот контакт был нарушен в связи с переселением южных славян на Балканы. Изучение юго-западных украинских говоров по специальной программе может выявить те языковые черты, которые возникли в период контакта. Уже давно в работах ряда исследователей (В. Погорелова, Ив. Панькевича и др.) обращалось внимание на сходства (лексическое, морфологическое, синтаксическое, фонетическое), обнаруживающиеся между закарпатскими и прикарпатскими украинскими говорами, с одной стороны, и южнославянскими языками — с другой. Однако во всех исследованиях данной проблемы легко обнаружить существенные недостатки. Эти исследования носили случайный и односторонний характер, в зависимости от того, специалистом по какому языку является автор исследования. Кроме того, авторы полностью оставляли в стороне вопросы территориального распространения рассматриваемых явлений, т. е. игнорировали лингвогеографический аспект. Знатоки украинской диалектологии (например, Ив. Панькевич) имели очень смутное представление о южнославянских языках. Обычно сравнение фактов украинской диалектологии не шло дальше сопоставления с южнославянскими литературными языками. Таким образом, оставались в стороне богатейшие данные южнославянской диалектологии. При решении этой проблемы недостаточно учитывались данные румынского и венгерского языков. Устранение всех указанных недостатков возможно лишь при организации коллективного лингвогеографического исследования силами диалектологов украиноведов, болгаристов и сербистов. Таким исследованием и является Карпатский диалектный атлас. Начиная коллективную работу такого рода, подчеркнул проф. Бернштейн, ни в коем случае не следует заранее предопределять результаты исследования. В программе-вопроснике КДА важно предусмотреть и разграничить сходные явления различных языковых уровней. Одни будут отражать общие архаические элементы, другие могут явиться результатом случайного совпадения или параллельного развития. Какая-то их часть, возможно, отражает специфические южнославянско-восточнославянские или южнославянско-украинские контакты различных периодов. Определить географическое распространение этих элементов и должен КДА. Он явится частью будущего полного Карпатского диалектного атласа, который охватит не только юго-западные украинские говоры, но и южнопольские, восточнословацкие и южноморавские говоры чешского языка.

Обмен мнениями по докладу выявил единство взглядов участников совещания на задачи коллективной работы. Основную часть времени участники совещания посвятили выработке проекта программы-вопросника. На совещании были представлены рабочие варианты, подготовленные в Институте славяноведения и в Ужгородском университете. Уже здесь в полной мере сказались преимущества коллективной работы. Присутствие специалистов по украинской, болгарской, сербской и молдавской диалектологии позволило быстро и надежно решать спорные вопросы. В результате двухнедельной

[5] О коллективной работе над созданием специального западноукраинского диалектного атласа впервые речь шла на первом Всесоюзном совещании по актуальным проблемам славяноведения в январе 1961 г. (см. доклад С. Б. Бернштейна «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков», опубликованный в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», 33—34, 1961, стр. 179—186).

работы был создан проект программы-вопросника, который включает свыше 500 вопросов из области лексики, семантики, словообразования, морфологии и фонетики. Имеется несколько вопросов по фразеологии. Естественно, что наиболее богато в программе-вопроснике отражена лексика и семантика (от предмета к слову и от слова к предмету). Скромнее представлено словообразование, хотя по именному словообразованию будет много вопросов. После дополнительной работы над программой-вопросником проект ее будет утвержден на втором совещании, которое намечено на начало 1963 г. Экспедиционная работа начнется летом 1963 г.

Было принято решение для КДА установить территорию к западу от линии Самбор — Галич — Теребовля — Каменец-Подольский. На этой территории должно быть обследовано 100—120 украинских говоров. Кроме того, на территории Черновицкой и Закарпатской областей будет обследовано 12 румынских и 8 венгерских говоров.

В. И.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО.— 1961, 117.

П. А. Аристэ. Водские сказки.— Таллин, 1962. 120 стр. (на эст. и водск. яз.).

Бюллетень Ин-та языка и лит-ры АН Латв. ССР. 1.— Рига, 1962. 56 стр. (на латыш. яз.).

Введение к сравнительно-историческому изучению славянских языков.— Киев, 1962. 92 стр.

И. М. Кауфман. Терминологические словари.— М., 1961. 419 стр.

А. А. Москаленко. Очерк истории украинской диалектологии (Советский период). Учебное пособие для студентов-заочников. (на укр. яз.).— Одесса, 1962. 123 стр.

Ceļi rakstu krājums,' X — Lingvistika, folklora, literātūras zinātne.— Lundā, 1961. 56 стр.

Československá rusistika. VII, 3.— 1962. Стр. 1—128.

Rocznik slawistyczny. XIX.— 1962. 216 стр.

Slavia orientalis. XI, 2.— Warszawa, 1962, Стр. 151—274.

«Structure of language and its mathematical aspects» («Proceedings of the 12-th symposium in applied mathematics, held in New York City, April 14—15, 1960» ed. by R. Jakobson, XII.).— Providence, Rhode Island, 1961. 279 стр.

Studii clasice. IV.— Bucureşti, 1962. 415 стр.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig.— 11 (1962). 3. Стр. 445—699. [Als Manuskript gedruckt].

W. Auld. Esperanto as a literary language.— London, 1962. 16 стр.

E. Eichler. Zur Etymologie und Struktur der slawischen Orts- und Flußnamen in Nordostbayern. [Отд. отт. из «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig». 11. 1962. (Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 2)]. Стр. 365—395. [Als Manuskript gedruckt].

R. Jakobson. Studies in Russian philology: I — К лингвистическому анализу русской рифмы, II — О морфологическом составе древнерусских отчеств. (Michigan Slavic materials, 1.)

M. Kravar. An aspectual relation in latin [The opposition «imperfect: perfect»). [Отд. отт. из «Romanitas», III, 3—4.— Rio de Janeiro, 1961]. Стр. 293—309.

P. Schveiger. Unele probleme ale traducerii cu maşina electronica de calcul (I). [Отд. отт. из «Studia universitatis Babeş-Bolyai»— Philologia, IV, 2].— Cluj, 1960. Стр. 91—94.

O. J. L. Szemerényi. Trends and tasks in comparative philology.— London, 1962. 21 стр.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1962

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 1962 г. (№№ 1—6)

Передовые

XXII съезд КПСС и задачи изучения закономерностей развития современных национальных языков Советского Союза 1

К изучению состояния и развития национальных литературных языков народов Советского Союза 4

Статьи

Виноградов В. В.— О теории поэтической речи 2

Виноградов В. В.— Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы 5

Григорьев В. И.— Дифференциальные признаки русских гласных (у, ы, и) 1

Казлаускас И.— К развитию общебалтийской системы гласных . . 4

Мареш В. Ф.— Ранний период морфологического развития славянского склонения (Общая характеристика) 6

Мещанинов И. И.— Агглютинация и инкорпорирование 5

Панов М. В.— О развитии русского языка в советском обществе . 3

Роспонд С.— Перспективы развития славянской ономастики 4

Топоров В. Н.— Из области теоретической топономастики 6

Дискуссии и обсуждения

Апресян Ю. Д.— К вопросу о структурной лексикологии 3

Бернштейн С. И.— Основные понятия фонологии 5

Бондарко А. В.— Система глагольных времен в современном русском языке 3

Гарибян А. С.— Еще раз об армянском консонантизме 2

Головин Б. Н.— Заметки о грамматическом значении 2

Гухман М. М.— Понятие системы в синхронии и диахронии 4

Жирмунский В. М.— Некоторые итоги дискуссии об армянском консонантизме 5

Иванов Вяч. В.— Об исследовании древнеармянской фонологической системы в ее отношении к индоевропейской 1

Кибрик А. Е.— К вопросу о методе определения дифференциальных признаков при спектральном анализе 5

Кравченко М. Г. и Строева Т. В.— К вопросу о слове и словосочетании 2

Кржижкова Е.— Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке 3

Крупаткин Я. Б.— К истории древнеанглийской системы гласных 6

Курилович Е.— О некоторых фикциях сравнительного языкознания 1

Лиз Р. Б.— О возможностях проверки лингвистических положений 4

Ломтев Т. П.— Относительно двухступенчатой теории фонем . . . 6

Макаев Э. Р. — Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. 5

Мельников Г. П.— Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках 6

Мухин А. М.— Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы 5

Норк О. А., Мурыгина З. М., Блохина Л. П.— О дифференциальных признаках фонемы (Ответ Р. Г. Пиотровскому) 1

Об общеславянском лингвистическом атласе 1,2,4,5,6

Перебейнос В. И.— Об использовании структурных методов для разграничения значений многозначного глагола 3

Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю.— К обоснованию лингвистической теории перевода 1

Солнцева Н. В., Солнцев В. М.— К вопросу об агглютинации в современном китайском языке 6

Уфимцева А. А.— К вопросу о лексико-семантической системе языка 4

Шендельс Е. И.— О грамматической полисемии 3

Материалы и сообщения

Блох М. М.— К понятию рамочной конструкции предложения 4

Богатырев П. Г.— О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи 3

Боголюбов М. Д.— О происхождении рамочной конструкции в немецком языке 4

Богуславский А. С.— Образования типа *белеться* и отыменные глаголы 1

Бондарко Л. В. и Зиндер Л. Р.— Фонетическая характеристика

различных типов синтаксических сочетаний в нивхском языке 4
Габинский М. А.— Особая неличная форма албанского глагола 3
Земская Е. А. — Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в. 2
Казлаускас И. И.— Остатки формы 3-го лица аориста и имперфекта в балтийских языках 6
Кнабе Г. С. — Словарные заимствования и этногенез 1
Колмогоров А. Н., Кондратов А. М. — Ритмика поэм Маяковского 3
Кондратов А. М. — Эволюция ритмики В. В. Маяковского 5
Маковский М. М.— Проблема «географии слов» в древнеанглийских диалектах 2
Меновщиков Г. А.— Язык сиреникских эскимосов 3
Михайлов М. С.— Перифрастические формы турецкого языка . 1
Никитина Ф. А. — Протетические гласные древнегреческого языка как рефлексы индоевропейских щелевых 1
Раевский М. В.— Возникновение и становление фонемы /š/ в немецком языке в свете диахронической фонологии 2
Редькин В. А. — К вопросу о происхождении нового акута 2
Росетти А.— Заметки об употреблении ономатопеи 3
Соколова В. С. — О некоторых сигналах границы слов в современном французском языке 4
Соловьева А. К.— Проблемы индивидуального говорения 3
Фридман М. Д.— О морфемном характере артикля 5
Шеворошкин В. В.— Карийский вопрос 5
Эйхлер Э.— Древнелужицкая языковая область по данным топонимики (К вопросу о славянском ономастическом атласе) 6
Якобсон Р. О.— О соотношении между песенной и разговорной народной речью 3

Прикладное и математическое языкознание

Белоногов Г. Г.— О некоторых статистических закономерностях в русской письменной речи 1
Кнорозов Ю. В. — Машинная дешифровка письма майя 1
Лесскис Г. А.— О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX в. 2
Пиотровская А. А., Пиотровский Р. Г., Разживин К. А.— Энтропия русского языка . 6

Консультации

Григорьев В. И.— О формантах и формантной структуре 5
Григорьев В. И.— О роли антиформант в образовании речевого спектра 6
Лекомцев Ю. К.— Основные положения глоссематики. 4

Из истории языкознания

Блок Г. П. и Лысенко Т. И.— Неосуществленный словарный замысел В. Ягича 3
Из лингвистического наследства Л. В. Щербы 2
Из неопубликованной «Праславянской грамматики» Г. А. Ильинского. Ильинский Г. А.— Взгляд на общий ход изучения праславянского языка 5
Из неопубликованных работ А. А. Шахматова. Шахматов А. А.— *Г. А. Ильинский.* Праславянская грамматика. 6
Чикобава Арн.— К вопросу о первых текстовых записях по горским иберийско-кавказским языкам 4

По страницам зарубежных журналов

Хилл А. — О грамматической отмеченности предложений 4
Хомский Н.— Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике 4

Критика и библиография

Обзоры

Баранников П. А.— Лексическая синонимика языка хинди в освещении индийских лингвистов 2
Клычков Г. С.— Развитие диахронической фонологии за последние годы (обзор литературы) 4

Рецензии

Бондарко А. В.— *А. В. Исаченко.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II 5
Боровский Я. М.— Труды I и II конгрессов живой латыни . . . 4
Биржакова Е. Э., Бабкин А. М.— «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache». 3
Веселитский В. В.— *И. М. Кауфман.* Терминологические словари. Библиография 5
Виноградов В. А.— *B. Nordhjem.* The phonemes of Englisch. An experiment in structural phonemics 5
Глазов Ю. Я.— *H. M. Hoenigswald.* Language change and linguistic reconstruction 4
Горнунг Б. В.— *Vl. Georgiev.* La toponyme ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne 1
Исаев М. И.— *Г. Ахведиани.* Сборник избранных работ по осетинскому языку 3
Калнынь Л. Э. *И. Леков.* Насоки в развоя на фонологичните системи на славянските езици 4
Климов Г. А.— *C. L. Ebeling.* Linguistic units. 2

Коновалова Г. Ф.— *A. Д. Richard*. Preface to critical reuding . . 5
Кузнецов П. С.— *W. K. Matthews*. Russian historical grammar 1
Леонтьев А. А.— *T. Slama-Cazacu*. Langage et contexte 3
Лыткин В. И.— *B. Kálmán*. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen 6
Майтинская К. Е.— A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan 4
Нещименко Г. Ф.— *M. Dokulil*. Teorie odvozování slov. 5
Рамишвили Г. В.— Сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике» 6
Ревзин И. И., Топоров В. Н.—Новое исследование по стиховедению. 3
Реформатский А. А. — Об одном издании Комитета технической терминологии АН СССР. 4
Севортян Э. В., Баскаков Н. А., Тенишев Э. Р. и др.— Philologiae turcicae fundamenta 1
Сулейманов Я. Г.— *Е. А. Бокарев*. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков 3
Тенишев Э. Р.— *С. Е. Малов*. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь 3
Топоров В. Н.— Две публикации старых балтийских текстов . . . 2
Успенский Б. А.— *H. Spang-Hanssen*. Probability and structural classification in language description . . . 2
Шеворошкин В. В.— *A. Martinet*. Eléments de linguistique générale 6

Письма в редакцию

Бархударов С. Г.— Вынужденное объяснение (По поводу рецензии О. Н. Трубачева на «Краткий этимологический словарь русского языка») 1
Микуш Р. Ф. — Второе письмо в редакцию. 2
Соболев С. Л.— Письмо в редакцию 3
Шанский Н. М., Иванов Вал. В., Шанская Т. В.— По поводу рецензии О. Н. Трубачева на «Краткий этимологический словарь русского языка» 1

Научная жизнь

Еганян О. С.— Об одном армяно-кыпчакском грамматическом пособии XVI в. . . . . .
Есенов Х. М.— Языкознание в Казахстане . . . . . .
Климов Г. А.— Из опыта работы над сравнительно-историческим словарем картвельских языков 3
Над чем работают ученые 1
Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР 1
Успенский Б. А.—Лингвистическая жизнь Копенгагена 3
Фишер Р.— Работы Лейпцигской группы топонимистов 1
Халилов А., Николаев И. Л.— Разработка вопросов языкознания в Таджикистане 2
Хроникальные заметки . . . . . 1—6
Книги, журналы, брошюры, поступившие в редакцию 1,2,3,5,6

ПОПРАВКА

В № 4, 1962, стр. 146, 3 строка снизу следует читать: ...произношение латинских слов, соответствующее эпохе Цицерона и Вергилия, но с ударением IV—V вв. н. э.

SOMMAIRE

Articles: V. N. Toporov (Moscou). Contribution à l'étude théorique des problèmes toponomastiques. V. F. Mareš (Prague). Période primaire dans le développement morphologique de la déclinaison slave. **Discussions:** N. V. Solnceva, V. M. Solncev (Moscou). Le problème d'agglutination en chinois moderne. G. P. Melnikov (Moscou). Sur quelques méthodes de description et d'analyse de l'harmonie vocalique dans les langues turques modernes. Y. B. Kroupatkin (Sevastopol). Sur l'histoire du système vocalique du vieux-anglais; T. P. Lomtev (Moscou). A propos de la théorie biphasée des phonèmes. Sur l'atlas linguistique slave. **Matériaux et notices:** E. Eichler (Leipzig). L'aire linguistique vieux-sorbe sous le jour des données toponymiques; J. Kazlauskas (Vilnius). Restes de la troisième personne d'aoriste et d'imparfait dans les langues baltiques. **Consultations.** V. I. Grigoriev (Moscou). Rôle des anti-formants dans la formation du spectre du langage; **De l'histoire de la linguistique:** quelques notes non publiées de A. A. Šakhmatov. A. A. Šakhmatov. Revue de la grammaire proto-slave de G. A. Ilinskij. **Linguistique appliquée et mathématique:** A. A. Piotrovskaja, B. G. Piotrovskij, K. A. Razživin (Léningrad). L'entropie de la langue russe. **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

CONTENTS

Articles: V. N. Toporov (Moscow). A contribution to theoretical toponomastics; V. F. Mareš (Prague). The early period in the morphological development of Slavonic declination; **Discussions:** N. V. Solnceva, V. M. Solncev (Moscow). The problem of agglutination in modern Chinese; G. P. Melnikov (Moscow). On certain methods of description and analysis of vowel-harmony in the modern Turk languages; Y. B. Kroupatkin (Sevastopol). On the history of the Old English vowel-system; T. P. Lomtev (Moscow). Concerning the two-stage theory of phonemes; On the Slavonic linguistic atlas. **Notes and notes:** E. Eichler (Leipzig). The Old Sorb language area in the light of toponymics; J. Kazlauskas (Vilnius). Relics of the third person aorist and imperfect in the Baltic languages; **Consultations:** V. I. Grigoriev (Moscow). The role of anti-formants in the formation of the speech-spectrum; **From the history of linguistics:** From A. A. Šakhmatov's unpublished works; A. A. Šakhmatov. Review of G. A. Ilinskij's «Proto-Slavonic grammar». **Applied and mathematical linguistics:** A. A. Piotrovskaja, B. G. Piotrovskij, K. A. Razživin (Leningrad). The entropy of the Russian language; **Critics and bibliography; Scientific life.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *А. И. Ефимов, Н. И. Конрад* (зам. главного редактора), *М. В. Панов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой* (и. о. отв. секретаря редакции), *А. С. Чикобава*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10 Тел. Б 8-75-55

Технический редактор *Д. А. Фрейман-Крупенский*

Т-14705 Подписано к печати 30.XI.1962 Тираж 5760 экз. Зак. 1177
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 13,02 Бум. л. 4¹/₄ Уч.-изд. листов 15,9

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XI

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, П. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *А. И. Ефимов*, *Н. И. Конрад* (зам. главного редактора), *М. В. Панов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой* (и. о. отв. секретаря редакции), *А. С. Чикобава*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

Технический редактор *Д. А. Фрейман-Крупенский*

Т-14705 Подписано к печати 30.XI.1962 Тираж 5760 экз. Зак. 1177
Формат бумаги 70+108¹/₁₆ Печ. л. 13,02 Бум. л. 4³/₄ Уч.-изд. листов 15,9

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

SOMMAIRE

Articles: V. N. Toporov (Moscou). Contribution à l'étude théorique des problèmes toponomastiques; V. F. Mareš (Prague). Période primaire dans le développement morphologique de la declinaison slave; **Discussions:** N. V. Solnceva, V. M. Solncev (Moscou). Le problème d'agglutination en chinois moderne; G. P. Mel'nikov (Moscou). Sur quelques méthodes de description et d'analyse de l'harmonie vocalique dans les langues turques modernes; Y. B. Kroupatkin (Sevastopol). Sur l'histoire du système vocalique en vieux-anglais; T. P. Lomtev (Moscou). A propos de la théorie biphasée des phonèmes; Sur l'atlas linguistique slave; **Matériaux et notices:** E. Eichler (Leipzig). L'aire linguistique vieux-sorbe sous le jour des données toponymiques; I. Kazlauskas (Vilnius). Restes de la troisième personne d'aoriste et d'imparfait dans les langues baltiques; **Consultations:** V. I. Grigoriev (Moscou). Rôle d'anti-formants dans la formation du spectre du langage; **De l'histoire de la linguistique:** Quelques oeuvres non-publiées de A. A. Šakhmatov; A. A. Šakhmatov. Revue de «Grammaire proto-slave» de G. A. Iljinskij; **Linguistique appliquée et mathématique:** A. A. Piotrovskaja, R. G. Piotrovskij, K. A. Razživin (Léningrad). L'entropie de la langue russe; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

CONTENTS

Articles: V. N. Toporov (Moscow). A contribution to theoretical toponomastics; V. F. Mareš (Prague). The early period in the morphological development of Slavonic declination; **Discussions:** N. V. Solnceva, V. M. Solncev (Moscow). The problem of agglutination in modern Chinese; G. P. Mel'nikov (Moscow). On certain methods of description and analysis of vowel-harmony in the modern Turk languages; Y. B. Krupatkin (Sevastopol). On the history of the Old English vowel-system; T. P. Lomtev (Moscow). Concerning the two-stage theory of phonemes; On the Slavonic linguistic atlas; **Materials and notes:** E. Eichler (Leipzig). The Old Sorb language area in the light of toponymics; I. Kazlauskas (Vilnius). Relics of the third person aorist and imperfect in the Baltic languages; **Consultations:** V. I. Grigoriev (Moscow). The role of anti-formants in the formation of the speech-spectrum; From the **history of linguistics:** From A. A. Šakhmatov's unpublished works; A. A. Šakhmatov. Review of G. A. Iljinskij's «Proto-Slavonic grammar»; **Applied and mathematical linguistics:** A. A. Piotrovskaja, R. G. Piotrovskij, K. A. Razživin (Leningrad). The entropy of the Russian language; **Critics and bibliography; Scientific life.**